

84(к23)

А 13

АБАЙ КУНАНБАЕВ

ИЗБРАННОЕ

АБАЙ
КУНАНБАЕВ

2004-
2005 г.

ИЗБРАННОЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ
СЛОВА-НАЗИДАНИЯ

—
ПЕРЕВОД
С КАЗАХСКОГО

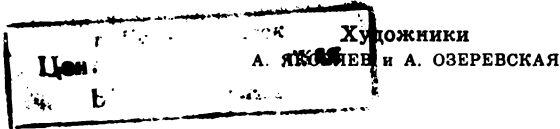
МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

84 (Каз) 1
К 91

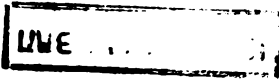
Составление
М. МАГАУИНА

Вступительная статья
М. АУЗОВА

Послесловие
М. КАРАТАЕВА

008945

© Состав, послесловие, оформление.
Издательство «Художественная литература», 1981 г.

К $\frac{70408-347}{028(01)-81}$ 98-80 4702280200

АБАЙ КУНАНБАЕВ

(1845—1904)

Пойми, что загадкой я был,
Искал пути в бездорожье,
Бился один на один,
Не обессудь!

Абай

С такими словами обратился Абай к будущему поколению. Такими сердечными строками говорил с грядущим поэт, прокладывая тропу из мрачных веков минувшего к иному, светлому будущему.

Он нес во мраке невежества, окутывавшем казахские степи, яркий факел поэзии, указывал своему народу новые горизонты, откуда взойдет его солнце.

Для своего века, для среды невежд он был загадкой. Но для нас он совершенно ясен — светило казахской литературы, солнце казахской поэзии. Ныне, когда казахский народ обрел свою настоящую родину, поэт обрел свой родной, просвещенный народ. Ныне Абай стал близок всем народам нашей великой социалистической родины.

«Не обессудь», — обращался Абай к потомку. Но советские потомки не судят, не винят поэта, а чтут его память, чтут сердцами тысяч и миллионов.

Исполнилось сто девять лет со дня рождения поэта. Прошло пятьдесят лет, как умер Абай. Но если путь поэта сливается с путем народа, — для него нет смерти¹.

¹ Статья написана в 1954 году.

Крылатый конь древних сказаний пронесся над равнинами и холмами, перелетел с вершин Алтая на вершины Алатау. Не так ли Абай, свершив многое, чтоб проложить потомкам дорогу, стал рядом с нашим веком, близкий и сегодняшней?

И вот наша история, объективная и справедливая, воздает должное памяти поэта, избравшего себе в удел тревоги и думы, борьбу и муки — судьбу, общую с судьбой своего народа.

Великий поэт казахского народа Абай родился в 1845 году в Чингисских горах Семипалатинской области, в кочевьях рода Тобыкты.

Отец Абая, самовластный, суровый степной правитель Кунанбай, был старшиной тобыктынского рода, незадолго до того присоединившегося к России.

Ранние детские годы Абая прошли в гнетущей обстановке разлада, царившего внутри полигамной семьи (Кунанбай имел четырех жен). Этот уклад феодальной семьи влиял на психику, нравы и личную судьбу жен-соперниц и детей, соперничавших и враждовавших между собою, как и их матери. Но, по счастью для Абая, его родная мать Улжан была женщиной замечательных качеств. Ее природная гуманность, сдержанная рассудительность и исключительная любовь к сыну создавали для Абая редкий в таких семьях уют родного гнезда. Улжан всегда выделяла его из числа остальных своих детей, и имя его — Ибрагим, — данное отцом, она заменила ласкательным Абай (осмотрительный, вдумчивый). Это имя так и осталось за ее сыном на всю его жизнь.

Живя в молчаливой отчужденности от Кунанбая, Абай и его мать нашли свою духовную опору в лице бабушки Зере. Многоопытная, мягкосердечная и мудрая женщина, сама познавшая за долгую жизнь горечь несправедливого положения жены, перенесла все надежды и любовь на внука. Заботы, наставления и ласки этих женщин резко отличались от всех поступков, привычек и установлений отца; они смягчали суровый холод жизни, в котором была обречена расти детская душа Абая.

Дав мальчику первоначальное образование дома, у наемного муллы, Кунанбай послал затем Абая в медресе семипалатинского имама Ахмет-Ризы.

За пять лет учения в этом медресе прилежный и необычайно даровитый мальчик сумел получить многое. Дни и ночи проводили великовозрастные воспитанники духовной школы в бессмысленном заучивании непонятого текста Корана, в пятикратной молитве,

в помурающем посте и в иссушающих рассудок бесплодных спорах под буквой шариага. Преодолевая премудрости арабского богословского схоластического учения о догмах ислама, Абай в то же время расширяет круг своих интересов. Уже к этому времени им овладела рано пробудившаяся любовь к поэзии. Она зародилась в нем еще тогда, когда он слушал рассказы и воспоминания бабушки Зере, хранительницы живой старины, когда он заучивал наизусть слышанные в ауле сказки, легенды, богатырские былины, исторические песни — все многообразное богатство творений акынов, певцов его родных степей. Позднее, попав в медресе, Абай стал увлекаться чтением восточных поэтов. Из удушливой атмосферы медресе, из среды богомольных буквоедов и темных фанатиков он, как к благодатному оазису из мрачной пустыни, рвется к народной и классической литературе Востока. Вместе с тягой к изучению восточных языков в нем пробуждается интерес и к русскому языку, к русской культуре. Нарушая суровый устав медресе, Абай самовольно стал посещать русскую школу, одновременно продолжая обучаться и в мусульманском духовном училище.

В школьные годы Абай не только изучал поэзию, но и сам начал писать стихи. Среди сохранившихся ранних стихов Абая встречаются лирические отрывки, послания, любовные стихи, написанные под влиянием восточной классической поэзии, и одновременно — стихи-экспромты, созданные в стиле народной поэзии, в духе творчества акынов-импровизаторов того времени.

Идумчивый юноша, старательный ученик и начинающий поэт, Абай мог бы привлечь много важного и полезного для своего будущего даже и в условиях скудной «науки» медресе. Но воля отца определила дальнейшую судьбу сына иначе.

В той непрерывной борьбе за власть над родом, которую вел старший знатный, Кунанбай нажил себе много врагов среди соперников, и ему нужно было готовить к этой борьбе своих детей и близких родственников. Поэтому, не дав Абаю закончить учение в городе, отец вернул его в аул и начал постепенно приучать к разбирательству тяжких дел, к будущей административной деятельности главы рода.

Наделенный от природы недюжинными способностями юноша очень рано попал в самую гущу сложных интриг. Вращаясь в кругу мощных вдохновителей межродовой степной борьбы, Абай постигает тончайшие приемы ведения словесных турниров, где оружием служило отточенное красноречие, остроумие и изворотливость. Так как тяжбы решались не царским судом, а на основе некими существовавшего обычного права казахов, Абай должен

был обратиться к сокровищам казахской народно-речевой культуры. Еще в юношеском возрасте он заслуженно стяжал себе славу красноречивого, остроумного оратора, сумев стать мастером виртуозной ораторской речи, и научился высоко ценить значение полного поэтического слова. Если Кунанбай и люди его круга обращались к авторитету своих предков — родовых старейшин — и хранили в памяти только их речи, приговоры и афоризмы, то Абай, наперекор отцу тянувшийся к общению с народными певцами, знал почти всех своих предшественников — поэтов, акынов и участников «айтысов», выступавших перед народом в борьбе за поэтическое первенство.

Рано пробудившийся интерес к классической поэзии Востока породил первые подражательные стихи Абая. Обращение к традиции казахской народной поэзии сделало его новые стихи оригинальными и индивидуально-самобытными. В этих стихах уже намечался будущий самостоятельный облик поэта, творчество которого глубокими корнями уходит в народную почву.

По свидетельству многих его современников, Абай начал сочинять стихи (в виде импровизаций и писем-посланий) очень рано, с двенадцатилетнего возраста. Однако творчество этого первого периода дошло до нас далеко не полностью. Вместе с небольшим количеством юношеских стихов поэта мы находим только ряд упоминаний об отдельных забытых и утерянных произведениях. Так, известны лишь начальные строки стихов, посвященных любимой им девушке Тогжан. Только в устной прозаической передаче сохранился «айтыс» (песенное состязание) молодого Абая с девушкой-акыном Куандык. Слабое развитие письменности в тогдашнем Казахстане обусловило и отсутствие писем, мемуаров, записей современников, которые помогли бы сохранить юношеские стихи Абая и осветить его биографию. Немалое значение при этом имело и отношение к поэту вообще, характерное для феодально-байской среды того времени. Если народ с глубоким уважением относился к поэтическому творчеству и высоко чтил звание акына, то родовитые баи с самодовольной гордостью говорили: «Слава богу, из нашего племени не выходило ни одного баксы и акына». Этим презрительным отношением знати к профессии поэта объясняется то, что в родных аулах Абая не сохранилось ни его ранних произведений, ни даже рассказов о его поэтической деятельности ранней поры. И сам Абай, под влиянием таких взглядов на поэта, часто выдавал свои стихи того времени за стихи своих молодых друзей.

Втянутый насильно в тягостные дела родовых распрей, Абай не мог примириться с несправедливостью и жестокостью отца и

...то шел против интересов и стремлений Кунанбая, вынося призывные и беспристрастные решения по многим делам. Кунанбай были глубоко не по душе новые повадки сына: и то, что друзей и советников Абай искал себе в народе, среди мудрых и честных людей, и то, что Абай уже многие годы тяготел в русской культуре. Между хитрым, властным отцом и правдивым непокорным сыном все чаще происходили серьезные споры и стычки, готовые со временем вылиться в прямой разрыв.

Этот разрыв и совершился окончательно, когда Абаю было двадцать восемь лет.

Теперь Абай мог определить дальнейшую свою деятельность по велениям собственного разума, своей воли. И прежде всего он вернулся к изучению русского языка, прерванному в детстве.

Новыми его друзьями стали акыны, певцы-импровизаторы, галопливая степная молодежь, по преимуществу незнатного рода, и лучшие представители русской интеллигенции того времени, с которыми он встречался в Семипалатинске. На тридцать пятом году жизни Абай вновь возвращается к поэзии. Но стихи и этого периода он все еще распространяет от имени своих молодых друзей. В течение десяти — двадцати лет Абай, уже зрелый и культурный человек, изучает народное поэтическое творчество, восточных поэтов и главным образом русскую классическую литературу. И только летом 1886 года, когда ему минуло уже сорок лет, Абай, написав прекрасное стихотворение «Лето», впервые решил подписать под ним свое имя. Начиная с этого дня, все остальные двадцать лет его жизни прошли в необычайно содержательной, творческой поэтической деятельности.

В это же время, окончательно разочаровавшись в нравах и во всем моральном облике социально разлагающейся феодально-родовой среды, Абай всеми силами стремится порвать с ней. И юности невольный участник бесконечных межродовых раздоров и распрей, разжигаемых правителями родов, Абай теперь отчетливо увидел всю пагубность этой родовой борьбы, всю неимоверную ее тяжесть для народа, начал понимать истинный смысл этих раздоров, искусственно разжигаемых царизмом, проводившим свою политику по принципу «разделяй и властвуй». Управители, бии (родовые судьи) и старшины превращаются в его глазах в ставленников колонизаторской власти. Тяжко задумывается Абай над судьбами своего народа, терзается мыслями об участи темной, унижаемой и бесправной народной массы. Стихи зрелых лет Абая выражают глубокую скорбь поэта о злосчастной доле отсталого народа.

Искренний поэт и верный сын своего народа, Абай ищет выхода для него. В первые же годы своей новой, зрелой поэтической деятельности, Абай пытается открыть народу глаза на причины его страданий. В правдивых, резких стихах он громогласно обличает и беспощадно бичует пороки феодально-родовой чиновничьей знати, призывая народные массы к просвещению, которое одно может указать им путь к иной жизни.

В это время счастливый случай свел Абая с русскими ссыльными революционерами семидесятых — восьмидесятых годов. Это были представители русской интеллигенции, воспитанные в духе революционно-демократических идей Чернышевского и Добролюбова. Один из них, Е. П. Михаэлис, являлся ближайшим и активным сотрудником известного русского революционера-публициста Шелгунова и даже был связан с ним родством. Как Михаэлис, так и позднее сосланные в Семипалатинск Леонтьев и другие прибыли туда сравнительно молодыми людьми.

Знакомство Абая с этими людьми вскоре перешло в большую дружбу. На лето они выезжали в гости в аул Абая, зимой поддерживали с ним постоянную переписку. С исключительным вниманием и отзывчивостью русские друзья помогали самообразованию Абая, подбирая для него книги и отвечая на его вопросы.

В условиях ссылки они росли как публицисты и ученые-общественники, изучая быт, естественно-географические условия края, ставшего их новой родиной. Постепенно они становились первыми распространителями культуры в отсталой окраине, ревнителями интересов просвещения, преобразования жизни, быта, истории народов края. В результате этой деятельности мы имеем много трудов по различным отраслям знания, написанных Михаэлисом, объемистое исследование Леонтьева «Обычное право у киргизов». Эти представители русской демократической интеллигенции придавали большое значение просветительной деятельности. Отличаясь от обычного круга степных, провинциальных чиновников из канцелярий губернаторов и уездных начальников хотя бы своей оппозицией царизму, они в той или иной степени считали просвещение важным средством борьбы с царизмом. Знакомить таких людей, как Абай, с наследием русских классиков и других передовых носителей русской культуры было, конечно, их ближайшей целью. Они это и делали повседневно.

Абай, в свою очередь, в сближении казахской и русской культур видел единственный верный путь спасения казахского народа от вековой темноты. Великий поэт-просветитель стал последователем идеи братства и дружбы народов. В своих стихах он стремился внушить казахскому народу, что нужно уметь отделять русский народ от царских колонизаторов:

Примодушному злобно кричим: «Урус!»
Знать, милее нам лицемерный трус.
Зоглушив человечность в наших сердцах,
Рисом своим недоверием дружбы союз...

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Шлещут волны любви через все рубежи.

(«Бестолково учась,
я жизнь прозевал...»

Перевод А. Штейнберга)

Для многого Абаю в его поисках знания, друзья Абая и сами многого почерпнули у него, пользуясь его глубокими и обширными сведениями по истории, обычному праву, поэзии и искусству, экономике и социальному быту многих народов, родственных казахам.

Для этих друзей Абая естественным было стремление донести до широких народных масс казахского края правду о русском народе, воплощенную в трудах и думах великих русских классиков и передовых общественно-политических деятелей. Высокий гуманизм, глубокая революционность русской классической литературы XIX века, проникнутой освободительными идеями, ее оппозиционность царизму, ее неумолчный голос заступничества опрессованным массам русского народа пробуждали к жизни и воспитывали общественную мысль в Сибири и Казахстане.

Имена и творения Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, М.И. Тургенева, Великого, Чернышевского, Добролюбова и других играли здесь огромную общественно-политическую роль. Абай рано проникся чувством глубокого уважения к великому наследию русской культуры, жил сознанием общности идеалов, общности задач духовного раскрепощения народов России от многовекового гнета и темноты. Необыкновенно широко раздвинулся горизонт Абая, когда он познал подлинные ценности духовной культуры русского народа. Абай становится страстным почитателем Пушкина, Лермонтова, впервые делая их доступными и понятными для своего народа.

Нудучи не только поэтом, но и композитором, глубоким знатоком и тонким ценителем казахской народной музыки, Абай создает ряд мелодий, главным образом для тех своих стихов, которые вводили в казахскую поэзию новые, не известные ей до этого формы (посьмистишия, шестистишия и т. д.). Он создал мелодии в своих переводах отрывков из «Евгения Онегина». В 1887—1890 годах имя Пушкина и имена его героев Онегина и Татьяны, прочитаны над степями на крыльях этих песен, стали такими же

родными для казахского народа, как имена казахских акынов и героев казахских эпических поэм.

К этому времени имя самого Абая — поэта, мыслителя и композитора — становится одним из самых популярных и чтимых народом. К нему идут акыны, композиторы, певцы из дальних районов. Знаменитый Биржан, слепая женщина-акын Ажар, женщины-акыны Куандык, Сара и другие разносят по широкой степи его стихи.

Вокруг Абая группируются молодые таланты — поэты, певцы, такие, как Муха, Акылбай, Какитай, младший сын Абая Магавья. Некоторые из них по примеру самого Абая усиленно занимаются самообразованием, изучают русскую литературу, пишут поэмы — исторические, романтические, бытовые. Популярность Абая привлекает к нему не только казахов, но и многих свободомыслящих людей Востока (по преимуществу татарскую молодежь), принужденных покинуть города из-за преследования властей, или репрессированных царским правительством пришельцев с Кавказа. Так, в ауле Абая месяцами гостили кавказцы, бежавшие из сибирской ссылки и пробиравшиеся по казахским степям к себе на родину. Аул Абая постепенно становился центром притяжения для прогрессивно настроенных, передовых людей того времени.

Длительная и прочная дружба Абая и сильных революционеров глубоко тревожила администрацию края. Сведения об Абае как об опасном для царизма человеке доходят до семипалатинского военного губернатора и до генерал-губернатора степного края. За аулом Абая и за всем, что происходит там, устанавливается негласный надзор. Абай, как авторитетная в казахской степи личность и как опасный и смелый провозвестник правды, изболчитель пороков существующего порядка, становится предметом постоянного и бдительного внимания приставов, урядников, волостных управителей.

Между тем культурная среда почитателей таланта Абая все увеличивается с каждым годом. Его влияние широко распространяется и на город. Поются, переписываются и заучиваются не только его собственные стихи, но и произведения его друзей. В форме устного сказа распространяются по степи романы западных и русских писателей, прочитанные Абаем и пересказанные им своим слушателям-сказочникам. Так проникли в степь в устной передаче популярные среди абаевских слушателей «Три мушкетера», «Генрих Наваррский» Дюма, русский народный сказ о Петре Великом, романы из времен инквизиции, «Хромой бес» Лесажа (под названием «Хромой француз»). Со слов Абая пересказывались романы о пионерах-переселенцах американских прерий, поэ-

мы Лермонтова, множество восточных поэм, как «Шах-наме», «Лейли и Меджнун», «Кер-Оглы» и т. д. Распространению таких произведений способствовали, по примеру Абая, многие европейски образованные друзья его.

Сам поэт обучал своих детей в русских школах. Его дочь Гульбадан и сыновья Абдрахман и Магавья с малых лет были посланы им в город, в русскую школу. Впоследствии Абдрахман получил солидное образование, окончив Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, а дочь и другой сын, Магавья, вернулись в аул только из-за слабости здоровья. Однако и здесь Магавья становится одним из самых ревностных и старательных последователей своего отца.

И Магавья, и старший сын Абая Акылбай были поэтами. Лучшим произведением Магавья считается написанная по совету Абая поэма «Медгат-Касым» — о борьбе раба с хозяином-плантатором, действие которой происходит на берегах Нила. Акылбай создал романтическую поэму «Дагестан».

Все эти произведения, как и произведения самого Абая, распространялись среди народа и в рукописях, и главным образом в пересказе акынов-певцов. Так же доходили до широких масс казахских слушателей произведения Пушкина и Лермонтова.

Разносторонняя поэтическая, просветительная и общественная деятельность Абая и его друзей всей силой своего воздействия была направлена против отсталых устоев феодального аула, против конкретных носителей этого зла — родовитых интриганов, невежественных угнетателей народа, против опирающейся на них всей системы царизма.

Труды и усилия Абая, его светлая и ясная общественная программа, ориентированная на русскую культуру, его презрение ко всем властям имущим вызвали по отношению к нему лютую ненависть степных феодалов, верных слуг царизма. Они повели беспрерывную грязную и коварную борьбу против Абая, против идей, которые служили знаменем просвещенному и непримиримому поэту. Эти враги Абая действовали заодно с чиновничьей знатью, с властями, с продажной мелкочиновной интеллигенцией.

Однако эти темные силы боялись народной любви к Абаю и потому не могли действовать против него открыто. Они избрали самые коварные и вероломные методы борьбы. Один из старейшин, непримиримый и злобный враг Абая — Оразбай, сплотил вокруг себя недовольных Абаем представителей степной и городской знати. Они стали преследовать абаевских друзей, клеветать на

Абая и, наконец, в 1897 году, при явном попустительстве властей, организовали предательское покушение на его жизнь. Канцелярии губернаторов, уездных начальников, царских судов были завалены всевозможными доносами на Абая со стороны управителей и родовых старшин, которые называли Абая «врагом белого царя», «смутьяном народа», «неугомонным нарушителем обычаев, прав и установлений отцов и дедов». В результате этих доносов в аул Абая нагрянули с обысками чины семипалатинской полиции. Однажды явился сюда с целым отрядом жандармов и сам полицмейстер города Семипалатинска, учинивший обыск во всем ауле.

Неоднократно пытался убрать Абая и семипалатинский губернатор. Но, зная исключительную популярность поэта среди казахского народа, опасаясь возмущения масс, он вынужден был ограничиться только изоляцией Абая от его ссыльных друзей. Это прервало тесную связь их с Абаем. Всякую переписку поэта с его друзьями и читателями из отдаленных районов власти контролировали или просто задерживали в своих ведомствах.

Но все эти меры не смогли отгородить поэта от народа. Непримиримый, прямолинейный и беспощадный обличитель управителей, биев, родовых старшин и всяческих властей, Абай стал мудрым советником народа во всех невзгодах и бедах. За разумными советами Абая, к его бескорыстному и справедливому суду в спорах начали обращаться целые племена и роды, и не только из ближайших районов. Даже казахи отдаленных уездов — Каркаралинского, Павлодарского, Устькаменогорского, Зайсанского и Лепсинского — приезжали к Абаю за разрешением их давних крупных споров по земельным и иным тяжёбым делам. Нередко к нему обращались и с просьбами решить сложные межобластные дела о набегах, убийствах, в которых чины и власти не могли разобраться. Эти дела разбирались на особых многолюдных собраниях, называемых «чрезвычайными съездами» по разбирательству тяжёбых дел между населением различных уездов: о возмещении убытков безвинно пострадавшим народным бедняцким массам; о наказании родовых правителей-феодалов, своими бесконечными интригами навлекавших на народ тяготы и бедствия.

Таковыми «чрезвычайными съездами», на которых выступал, защищая интересы народных масс, Абай, явились: съезд на урочище Кок-Тума, разбиравший тяжбы между казахскими волостями Семипалатинской и Семиреченской областей; съезд на ярмарке Кара Мола; съезд на джайляу Балкибек. Эти последние съезды

разбирали тяжёлые дела между казахскими волостями Семипалатинской области.

Абай, ни в какой мере не являясь официальным лицом, порой должен был решать спорные дела, как избранный третейский судья. Он брался за них только для того, чтобы избежать от раздоров и спасти от новых набегов безвинные массы народа, чтобы заставить присмиреть разжигателей этой борьбы.

По свидетельству современников мы можем судить, насколько проникновенным, справедливым и бескорыстным был суд Абая в решении таких дел. О его беспристрастности говорит тот факт, что порой к Абаю обращались даже враждовавшие с его сородичами родовые старейшины, посылавшие в областные канцелярии доносы и ложные показания на Абая и все-таки в своей личной тяжбе по бытовым и обычным делам искавшие решения самого справедливого и неподкупного судьи того времени — Абая.

Общественная деятельность и поэтические творения Абая были особенно популярны среди казахской молодежи. На многих народных сборищах, поминках, торжественных тоях (пирах), на свадебных празднествах певцами и акынами пелись его песни. Юноши объяснялись в своих любовных чувствах строками стихов Абая. Девушки из родных аулов Абая, выходя замуж, увозили среди своего приданого рукописные сборники стихов, поэм и наставлений Абая. Так, сохранились до наших дней сборники, принадлежащие девушкам Асие, Василе, Рахиле и другим.

Но завистливая, коварная и невежественная среда степных правителей не могла мириться с той невиданной славой, которой народ окружил имя ненавистного ей Абая, и они отравляли ему и его друзьям дни труда и кипучей творческой деятельности.

Дело доходило до самых безобразных, грязных выходок, глубоко ранивших сердце поэта. Против Абая восстанавливали его племянников, даже его родного брата Такежана, клеветой и угрозами отталкивали от Абая его близких.

В этой мрачной атмосфере злобы и ненависти тяжелой и непоправимой утратой явилась для Абая смерть его сына Абдрахмана, наследника дел его, образованного и талантливого человека. Страдавший туберкулезом еще в годы учебы в Петербурге, Абдрахман недолго прослужил в качестве поручика полевой артиллерии и скончался в городе Верном в 1895 году, двадцати семи лет от роду. Его смерти Абай посвятил много задушевных, печальных строк. В них же воплощены сердечные признания об угасших на-

деждах, о сокровенных думах печальника народа, хотевшего видеть надежного борца за народ в молодом человеке, воспитанном на лучших традициях русской народно-демократической, передовой общественной мысли. Одинокий борец за правду, за счастливую жизнь народа, надломленный тягостной борьбой и горестной, трудной жизнью, преследуемый тупой, злобной толпой феодалов и чиновников, Абай терпит последний удар судьбы: умирает в чухотке другой его сын, талантливый поэт Магавья.

Раздавленный этим несчастьем и упавший духом, Абай, отвергнув всякое лечение своего недуга, умирает в родных степях на шестидесятом году своей жизни, пережив сына только на сорок дней.

Абай похоронен около своей зимовки — в долине Жидебай, вблизи Чингисских гор.

Литературное наследие Абая в издании на казахском языке составляет два объемистых тома. Сюда входят стихи, поэмы, беседы с читателем («Назидания») и многочисленные переводы. Это драгоценный результат многолетних дум, волнений и благородных душевных порывов поэта.

Три великих источника питают своими соками творчество мудрого поэта.

Один из них — древнеказахская культура, запечатленная в устных и письменных памятниках прошлого, созданных самим народом. В процессе глубокого и тесного общения с поэтическим наследием родного народа Абай сумел впитать все лучшее и ценное из этого клада, обогатить свою поэзию. Другой источник — это лучшие образцы восточной культуры: таджикская, азербайджанская, узбекская классическая поэзия. Это обращение к культуре соседних народов, которое мы наблюдаем с начала XIX века, было, несомненно, положительным явлением для казахской культуры. Третий источник — это русская, а через нее и мировая культура. Для эпохи Абая самое обращение к этому источнику — главным образом к наследию великих русских классиков, до него совершенно неизвестных казахскому народу, — явилось фактом огромного прогрессивного значения. Это двигало вперед казахскую культуру того времени и было залогом будущего ее расцвета.

Исключительная самобытность, большой талант Абая сказывались в том, что, обратившись к упомянутым трем источникам, он не искажил своего таланта ни фальшью, ни подражательностью. Абай, как художник большого дыхания, органически впитывал

вает в себя новую культуру. Однако при этом он сохраняет полностью свою яркую индивидуальность художника и мысли-теля.

Обратившись к этим культурам — далеким и не освоенным еще казахским народом, — Абай не только обогатился новыми средствами художественной выразительности. Он обогатил и свой творческий мир новыми идеями. Подобно Пушкину, Абай в самой сущности своего идейного и творческого богатства интернационален, но вместе с тем национален и, бесспорно, народен.

Присмотримся ближе к влиянию трех названных нами основных источников творчества Абая. Эти струи часто находятся у него в органическом слиянии, во взаимопроникновении, что естественно для творчества зрелого мастера. Поэтому, касаясь различных этапов творчества Абая, мы можем говорить об этих элементах только как о преобладающих признаках.

Большинство стихов Абая, относящихся к восьмидесятым годам, посвящено своеобразному укладу и быту казахского аула и исторической судьбе современного ему общества. Вместе с тем поэт производит глубокий художественно-критический пересмотр духовных ценностей своего народа и провозглашает свою новую поэтическую программу, проникнутую стремлением к преобразованию общества. В этих произведениях Абай близко соприкасается с народным наследием. Но именно здесь мы особенно ясно видим, как резко отличается его поэзия от народного творчества.

Поэт не воспроизводит речевой и поэтической культуры народного творчества в канонизированном, традиционном виде. И словарь, и образная система, и стилистические приемы устного творчества углублены Абаем, наполнены новыми мыслями и чувствами, характеризующими его мироощущение. Иные идеи, иные порывы духа запечатлены в его стихах. И прежде всего в них резко сказалось непримиримое отношение поэта к общественному укладу тогдашнего аула с его архаическими пережитками, с мракобесием и раздорами развращенной феодальной верхушки, с бедственным и безысходным положением трудовых масс. Огромное количество стихов Абая, начиная с «Вот и старость...», «О казахи мои...», «Наконец, волостным я стал...», «Коль у тебя в чужом роду...», беспощадно бичует невежество, сутяжничество, взяточничество, паразитизм, духовную нищету вершителей судеб казахского народа. Впервые в казахской литературе так отчетливо и на такой моральной высоте высказано новое отношение к семье, к родительскому долгу, к воспитанию молодого поколения и, главное, к женщине.

Безотрадная, злосчастная доля восточной женщины, изображенная в народных поэмах и бытовых песнях, приобретает в творчестве Абая новый смысл. В своей поэзии Абай раскрывает самую душу женщины и девушки, ее сокровенные мысли и чувства, о которых так мало было рассказано до него в поэмах и песнях, отражавших главным образом внешнюю сторону ее трагической судьбы. Абай показывает, как трогательна, искренна и глубока ее любовь, когда она сама выбирает себе возлюбленного, как сильна и непоколебима ее воля в борьбе за вырванное с таким трудом счастье. Абай воспевает казахскую женщину и мать как опору разумной семьи. Воспевает готовность ее к самопожертвованию, мудрость и стойкость ее в преданной дружбе, цельность ее прекрасной и верной души. Страстно отрицая позорный институт калыма, многоженства и порабощения, Абай в своих стихах борется за равноправие женщины в обществе.

Язвительно нападая на вековые устои старого аула, на косность, лень, Абай в то же время воспевает деятельную волю и любовь к труду как необходимые качества разумного и жизнеспособного человека. Со всей силой своих обличительных стихов он разрушает каноны господствовавшей до него дидактической, наставительной поэзии. В своей поэтической программе, выраженной в стихотворениях «Не для забавы я слагаю стих...», «Стих — это вождь...», «Если умер близкий...», он резко критикует носителей ханско-феодалной, реакционной идеологии живших до него акынов — Бухар-жирау, Шортанбая, Дулата, называет их творчество «лоскутной поэзией», где нет ни слова о решительной борьбе с вековой косностью и отсталостью. Он осуждает их за то, что они, не давая никакой духовной пищи новому поколению, вредят борьбе народа за преобразование общества. Сам же Абай провозглашает высокой целью, историческим призванием новой поэзии — служение народу, призыв ко всему новому, что должно перевоспитать, преобразовать общество. Только труд и борьба за свои права принесут независимость степной бедноте, только упорное стремление к знанию принесет лучшую жизнь подрастающему поколению. Этот призыв к просвещению выражен не в сухой проповеди. Вся система поэтического мышления и художественных образов Абая ориентирует казахское общество на русскую и через нее на мировую культуру, высмеивая схоластику и фанатизм мусульманских медресе, питомцы которых лишь углубляют невежество и усиливают бедственное положение аульных масс. В этих стихах Абая произведена радикальная переоценка основ степного общества, родовских традиций, обычных прав и общественной морали; жизненный путь человека определяют разумная воля, искренность,

в отторжение чувств и полезная деятельность, а не тупое освоение обывательских обычаев и традиций.

Такою же остроту и глубокую содержательность приобретает в творчестве Абая вопрос об отношении человека к природе, к труду, к борьбе за преобразование жизни. Смысл человеческого существования осознан по-новому.

Польшой цикл стихов Абая посвящен коренному пересмотру всех основ современной ему общественной морали, построенной на традициях и обычаях прошлого. Абай, затрагивающий все животрепещущие вопросы и проблемы, которые волновали народ, предстает перед нами в этих стихах как выразитель его мыслей, его чаяний. Но в этих стихах Абай самобытен и неповторим как поэт, провозглашающий новые идеи, прямолинейно и резко проводящий свою действенную социальную программу.

Одной из ярчайших черт всей деятельности Абая является его проповедь просвещения через сближение с русской и общечеловеческой культурой. Ни языковые, ни религиозные различия между народами, ни исторические дали, разделяющие народы на протяжении веков, не признаются Абаем за препятствия на пути прогрессивного роста своего народа. Учиться, учиться у всех народов, имеющих накопленную веками культуру! Во имя этой великой исторической задачи просвещения своей родной страны он объявляет беспощадную борьбу всем устоям прошлого, бичует всех носителей отсталой, отживающей свой век идеологии. Но он не щадит в своей сатире и недоучившуюся молодежь, превращающуюся в чиновников, не щадит тунеядцев, сутяг и интриганов, отравляющих раздорами жизнь мирного трудового народа.

У Абая было свое, особое отношение к восточной поэзии, ко всей прошлой и современной ему культуре Ближнего Востока.

Еще в молодости сказалось на Абае влияние Востока. Он знал в оригинале (частично в переводе на так называемый чагатайский язык) весь арабо-персидский героический эпос и великих классиков Востока: Фирдоуси, Низами, Саади, Хафиза, Навои, Физули. Тогда он и сам подражал этим поэтам, впервые введя в казахский стих размер «аруз» и множество арабо-персидских слов, заимствованных из поэтической лексики этих классиков. Впоследствии, найдя в народном творчестве более жизненные и прочные основы искусства, Абай отобрал из восточной литературы народные творения — «Тысячу и одну ночь», персидские и тюркские народные сказки и народный эпос. В его пересказах стали популярными в степи поэмы: «Шах-наме», «Лейли и Меджнун».

Изучая историю ближневосточной культуры, Абай знал исторические труды Табари, Рабгузи, Рашид-эдина, Бабура, Абулгази-Багадур-хана и других, знал также основы логики и мусульманского права в толковании ученых богословов Востока. Не только древняя история, но и современное состояние культуры Ближнего Востока было хорошо известно Абаю. Он знал и труды первых татарских просветителей. Абай еще в те годы правильно оценил значение зарождавшегося тогда глубоко реакционного религиозно-политического течения панисламизма и пантюркизма, которое находило своих ревностных приверженцев среди казахских мулл, ходжей и степных феодалов. Странники этого течения имели свои газеты и журналы. В противоположность этому направлению Абай решительно избрал путь культурного преобразования своего народа только через приобщение к великой культуре русского народа — и в этом он был последователен и упорен до самого конца своей жизни. Не поддаваясь влиянию панисламизма и пантюркизма, он проходит мимо них, отвергает их как ограниченное фанатическое течение, могущее только усугубить вековую изолированность, отсталость народов Востока.

Отрешившись от догм и устоев исламизма, Абай воспитывает в себе удивительно смелую независимость духа, необыкновенную широту взглядов, как истинно просвещенный борец и деятель культуры, воспитанный на классических образцах русской и европейской литературы с их общечеловеческими идеалами добра, долга и бескорыстного служения народу, родине, на благо угнетенного человечества.

В свете этих воззрений на мир Абай безошибочно постиг ограниченность и реакционную сущность мнимого «пробуждения» мусульманского Востока. Проницательный, мудрый художник уже тогда предвидел вредоносное влияние этих идей.

Октябрьская революция, сорвавшая идеалистические покровы с панисламизма, пантюркизма и прочих видов буржуазно-реакционного национализма, показала во всей наготе их антинародную сущность.

В своем творчестве Абай ни шагу не сделал вместе с этим восточным «новаторством». В поэтическом наследии Абая чувствуются лучшие традиции древневосточной классической поэзии. В песнях любви, в лирических раздумьях, в философско-моралистической поэме «Масгуд» видно несомненное влияние восточных классиков. Но это только внешние признаки. Новое идейно-художественное содержание, правдивость чувств, глубоко проникно-

нное ощущение жизни, конкретное, «земное» осознание мира и отношений и человеческих отношений у Абая бесспорно оригинальны и независимы от восточных образцов.

Даже те стихи его, которые касаются религиозных верований и внутренних убеждений поэта, не имеют ничего общего с книжным учением мусульманской религии. Абай, поклонник ясного критического разума, часто прямо отрицает официально проповедуемые догмы ислама. Религия для него — только условность, только повод для личного совершенствования человека. В цикле стихов, посвященных муллам, фанатикам, распространителям ислама или схоластикам, толкователям Корана, Абай едко высмеивает их корыстную притворную набожность и не стесняется называть их «прожорливыми паразитами с широкой глоткой коршуна, раздражающего падаль».

Таким образом, арабо-мусульманский Восток находит свое место в творчестве Абая критически переоцененным, воспринятым самостоятельным мировоззрением поэта. Однако надо отметить, что Абай не всегда был последовательным на этом пути. Осуждая и бичуя фанатических мулл, ишанов как ханжей-стяжателей, Абай в ряде своих поэтических и особенно прозаических высказываний оставался приверженцем религии. Часть своих наставлений в разделе моралистической, дидактической поэзии Абай обосновывает догмами ислама. Он не мог подняться до философско-критического отрицания основ религии. Изобличая бесчеловечную феодальную эксплуатацию народных масс, Абай не до конца раскрывает в своем творчестве классовую природу этой эксплуатации.

Сами условия кочевого быта небольшого степного района, где он прожил всю свою жизнь, не давали ему возможности уделить внимание факторам культурно-экономического порядка, вопросам перехода казахов к оседлости или иным формам хозяйственного устройства жизни трудового народа. Исторические проблемы подобного порядка Абай мало затрагивал в своем творчестве, он возлагал все надежды на будущее, на скорейшее приобщение казахского народа к великой русской культуре.

Абай прошел длительный путь самообразования, изучая русскую и западную культуру. Начав с Пушкина, Лермонтова, Крылова, он обращался и к литературе шестидесятых — восьмидесятых годов, причем любимыми его авторами стали не только поэты, но и великие русские прозаики — Лев Толстой, Салтыков-Щедрин. По русским переводам Абай узнал Гете, Байрона и других великих западноевропейских классиков. Он был достаточно знаком и с античной литературой.

Пользуясь лермонтовскими переводами, Абай перевел на казахский язык некоторые стихотворения Байрона и Гете.

По свидетельству ссыльных его друзей (Леонтьева и др.), Абай систематически занимался западной философией, в частности философией „Спенсера, Спинозы, интересовался учением Дарвина.

Творческий подход Абая к русской классике отличался новыми чертами в каждую новую пору его деятельности. Переводя Крылова, Абай порою изменял дидактическую часть, мораль басен, перерабатывая их в новые сентенции, применительно к представлениям и понятиям казахов. С огромной тщательностью и особой любовью переводил Абай стихи Лермонтова. Из них «Кинжал», «Выхожу один я на дорогу», «Дары Терека», «Парус», отрывки из «Демона» до сих пор остаются непревзойденными по мастерству среди переводов русских классиков на казахский язык.

Совсем особое отношение было у Абая к Пушкину. Переведенные им отрывки «Евгения Онегина» скорее не перевод, а вдохновенный пересказ пушкинского романа. Пораженный правдивостью и высокой поэтичностью образов Татьяны и Онегина, Абай пересказал их историю, подчеркнув поучительность цельного чувства любви и приблизив эту любовь к пониманию казахской молодежи. При этом Абай следовал узаконенной в восточной поэзии древней традиции «назира», в силу которой поэт по-новому раскрывает сюжет и темы своих предшественников. Так, мы знаем «перепевы» сюжетов «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», поэм об Искандере у поэтов таджикской, азербайджанской и узбекской старины. Сам Абай в плане такого перепева говорит в своей поэме «Искандер» об Искандере и Аристотеле, следуя в этом примеру азербайджанского классика Низами и узбекского — Навои. Эту манеру вольного поэтического пересказа великого наследия прошлого Абай применил и к «Евгению Онегину». При этом Абай не изменил образа Татьяны в тончайших проявлениях ее русской души. «Евгений Онегин» Пушкина в абаевской версии принял форму эпистолярного романа. Сложив мелодии на «письма» — объяснения Татьяны и Онегина, — Абай ввел в репертуар акынов чудесные излияния душ влюбленной пары, и их имена стали настолько популярными, что эти «письма-объяснения» не только пелись, но порой их же словами начинались любовные послания и объяснения самой казахской молодежи.

Переводческая работа Абая, имевшая огромное значение для развития казахской литературы, показывает, однако, лишь непосредственную связь его с русской и европейской литературами. Глубокое же и органическое влияние этой культуры и художественных традиций надо искать в собственном творчестве Абая.

Несомненным итогом благотворного влияния русской поэтической культуры было смелое обогащение Абаем казахской поэзии новыми формами (Абай ввел одиннадцать не существовавших до него стихотворных форм), новой тематикой, новым социальным содержанием. Это резко повысило качественный уровень казахской поэзии. Хотя Пушкина Абай переводил реже, чем других русских классиков, общение с великим поэтом глубоко и ярко сказывалось в собственном его творчестве: в нем очень много пушкинских черт — и в лирических раздумьях, и в описаниях природы с пушкинским реалистическим пейзажем, и в проникновенном понимании любящего женского сердца, и в общечеловеческом звучании социальных мотивов.

Только глубокая внутренняя связь с пушкинской и мировой поэтической культурой дала Абаю возможность создать его песни о четырех временах года, его лирические стихи и поэтические размышления, его стихи о назначении поэта, поэму об Александре Македонском и Аристотеле.

В стихах о четырех временах года Абай дает казахский пейзаж и быт кочевого казахского аула. Но в восприятии природы, во взгляде на этот своеобразный бытовой уклад, в пронизывающем их поэтическом настроении сказывается новое качество мыслей и чувств поэта, до него небывалое в казахской литературе.

В стихотворении, посвященном поэту, Абай противопоставляет низменной и косной среде, окружающей поэта, его независимость, правдивость, гордость и взлет его вдохновенной мысли. Здесь Абай в своих взглядах перекликается с Пушкиным.

Замечательно также сходство мотивов в творчестве Абая и Салтыкова-Щедрина. Абай не писал художественной прозы, но в своих сатирических стихах, с убийственной меткостью осмеивающих степных управителей, чиновников, биев, родовых старейшин, Абай художественно и политически близок к Салтыкову-Щедрину. В одном из своих обращений к учащимся Абай называет имя Салтыкова-Щедрина как писателя, давшего верные портреты чиновников, угнетателей народа. Не отдельными, случайными высказываниями, а всем содержанием своей поэзии Абай отрицает политический строй своего времени, и поэтому его одобрение и сочувствие русским классикам, выразившим оппозицию правительству, сказались в беспощадном изобличении местных властей — представителей царского колониального аппарата.

Абай воспринял эстетические принципы Белинского и обратил всю силу своего дара на служение обществу. Он так же глубоко постиг основы мировоззрения Чернышевского и, следуя ему, не

Только воспроизводит всю неприглядную правду современной ему действительности, но и выносит беспощадный приговор этим уродливым явлениям казахской действительности своего времени.

Потому и ясно, что в дружбе Абая с последователями Велицкого, Герцена и Чернышевского есть глубочайший смысл. И в этих совместных устремлениях в отношении казахского народа, отражавшихся в творчестве Абая, и в трудах русских революционеров-демократов много неисследованного и поныне.

Этой проблемой следует заниматься не только ученым Казахстана, но и историкам России, заниматься хотя бы с точки зрения того, как борьба русской революционно-демократической интеллигенции отразилась на национальной окраине, в думах национальных поэтов царской колонии. Только ли переводы Крылова, Пушкина, Лермонтова составляли задачу Абая? Не было ли это осуществлением части программы шестидесятников, осуществлением мыслей Чернышевского о просвещении народных масс исторически плодотворными, истинно спасительными знаниями? Не прокладывали разве в тот суровый век эти первенцы, выразители народного духа, пути-дороги к сердцам народов через кордон полицейско-жандармского, ханско-феодалного темного царства?

Абай оставил нам не только свою поэзию.

В его философско-критических и моралистических «Назиданиях» мы находим большое количество афоризмов. Мудрые и лаконичные, эти афоризмы давно уже вошли в обиход казахского литературного языка. Трудно назвать жанр, к которому можно было бы отнести «Назидания». Здесь и философско-моралистические, и общественно-публицистические, и изобличительно-сатирические высказывания поэта. Нося в целом характер то мирной, то иронически-желчной, то глубоко грустной, даже удрученной беседы со своим читателем, эти «слова» прежде всего отличаются исключительно тщательной стилистической отделанностью. Если это рассуждения — то рассуждения поэта, высказанные мастерски, выразительным, образным языком. Адресованные порою к слушателю-собеседнику непосредственно, они иногда носят форму прямого и изустного обращения к нему с глазу на глаз. И тут Абай становится часто гневным судьей или печальником народа, и в таких случаях часто его «слова» превращаются в скорбную исповедь человека, обреченного на одиночество в мрачный век господства беспросветной тьмы.

В ту пору, когда сочинения поэта распространялись еще в рукописных списках, его «Назидания» входили в каждую новую книгу. Особенно зачитывались ими люди старшего поколения,

говорила украшала свою речь вставками из «Назиданий», подолгу болкая о смысле и поучительных выводах этих рассуждений. Видно, и сам поэт, понимая большую доступность прозаической формы высказываний своих разнообразных, острых и глубоких мыслей и заранее зная круг читателей этого вида его творчества, нередко старается говорить их языком, пользуется их моральными оценками. В этих случаях он и ссылается иногда на моралистические догмы ислама. При этом апологетику ислама он истолковывает в духе идеалистической морали.

Абай был также талантливым и оригинальным композитором. Помимо многих стихов, посвященных песне и музыке, Абай создал около двух десятков мелодий. Такой же новатор в музыке, как и в поэзии, Абай вложил в свои мелодии новое содержание и создал стиль, отличный от существовавших до него народных мелодий. И здесь проявилась вся многогранность творческой натуры Абая.

* * *

Поклонник критического разума, просвещенный и пламенный борец за культуру, трагический одиночка в мрачной среде ханжой, стяжателей, косных седебородых старшин-феодалов, Абай был выдающейся фигурой не только в истории своего народа, но и в истории всего Ближнего Востока.

Отыскивая свою «каабу» не на развалинах ислама, как его современники — панисламисты и пантюркисты всего Ближнего Востока, — Абай смотрел на Россию. Он шел вперед своим путем сквозь мрак и косность эпохи. Он обрел свет и счастье, когда этот путь вывел его на незарастающую народную тропу к памятнику гения русского народа — Александра Сергеевича Пушкина.

Нашему поколению Абай, с его бессмертными творениями, непоеными соками народной казахской и русской классической поэзии, представляется явлением поразительным. Горным тенистым кедром высятся он в истории своего народа. Он взял все лучшее от многовековой культуры казахского народа и обогатил эти сокровища благотворным влиянием русской культуры.

Своим обращением к великому наследию духовной культуры русского народа Абай возглавил самое прогрессивное движение в истории общественной мысли своего народа. Одним из первых просвещенных деятелей казахского народа он последовательно разрушал все преграды, мешавшие скорейшему приобщению казахского общества к передовой русской культуре. Тем самым он спо-

собствовал слиянию русского и казахского народов в общей борьбе за светлое будущее против реакционного строя, разобщавшего эти народы. Потому так дорого нам имя Абая, и потому так свежо, по-современному звучали стихи поэта на фронте в среде казахов, защитников родины, в годы Великой Отечественной войны скрепивших кровью братское содружество народов великого Советского Союза.

Пройдя вместе с лучшими сынами и дочерьми своей родины через годы боевого испытания, Абай стал еще более дорог и близок нашей социалистической счастливой современности.

В этом высшее свидетельство неувядаемой славы Абая как подлинного основоположника новой казахской культуры, сияющей вершины казахской классической поэзии.

Мухтар Ауэзов

* * *

Словно месяц, изогнутый в небе ночном,
Отливает сверкающий лоб серебром.
Свет струится из черных, как полночь, очей,
Брови вскинули иссиня-черный излом.

Нос точеный у ней легок, узок и прям.
Розов отсвет ланит — удивленье очам,
Сердце, видя улыбку, пьянеет, когда
Блещут зубы, подобны во всем жемчугам.

Речь нежна и умна — тонкий лепет ручья,
Смех заливчато длится, как трель соловья,
Шея — шелк белоснежный — гибка и тонка,
Чист и свеж подбородок, прохладу тая.

Средний рост у нее, но величествен вид,
Тонок выгиб спины, взор открыто глядит,
Камышинкою легкой сгибается стан,
И два яблока зреют у ней на груди.

По-ребячески нежен ее локоток,
Пальцы гладки, проворны, блестит ноготок,
И, потупясь, смущенно туманится взгляд,
Если косы рассыплют свой черный поток.

1884

* * *

Наши девушки нежной цветут красотой,
Но ненадолго дан им душевный покой —
На прекрасной заре восемнадцати лет
Жизнь направит пути их суровой рукой.

Затаили лукавство, притворство одни,
Будто вовсе о страсти не знают они,
И уж слишком отважны другие, плетя
Сеть кокетства, ужимок, пустой болтовни.

Мы же хитрости девичьи знаем давно:
Тот им мил, кто всегда уважаем людьми.

Так и юноши: эти, про стыд позабыв,
К недоступному свой устремляют порыв,
Те — скромны и тщеславия вовсе чужды,
Терпеливы, и каждый из них молчалив.

Но ценнее всех тот, кто в упорстве своем
Не растратил себя на тщеславье пустом,
Кто свой дух воспитал на полезном труде
И давно научился ходить за скотом.

1884

* * *

Я презрел познание, юноша пустой.
Видал пользу в нем, но шел стезей другой.

Возмужал — наука из-под рук ушла.
Поздно к ней ты устремился, разум мой!

Кто повинен, что остался я ни с чем?
Смолоду учась, я был бы не такой!

Из людских отряд одну зовут — дитя,
Обучение детей — наш долг прямой.

Сына отдал в медресе: «Учись, родной!»
Цель не в том, чтобы достался чин большой.

Сам к высотам я стремился всей душой.
В красноречии мне уступал любой.

Но ведь некому здесь оценить мой труд...
Под конец я предпочел всему покой.

1885

ЛЕТО

Лето — солнечная пора!
В тучных, в шелковых травах степь
От душистых цветов пестра,
К полноводной реке аул
На кочевье пришел с утра.
Слышно ржанье коней в траве,
Как в лесу, их найдешь не вдруг;
Тяжко дышащих кобылиц
В воду с гиком загнал пастух;
Бьют хвостами они себя,
Отгоняют докучных мух;
К матерям жеребята льнут
Или скачут, резвясь, вокруг;
Стаи уток и лебедей
Осеняют крыльями луг. . .
Ставят девушки юрты; смех
На лукавых губах подруг;
Четких, плавных движений ритм
И мелькание белых рук. . .
Скот на пастбищах оглядев,
Успокоясь, помолодев,
Возвращается бай в аул, —
Аргамак его резв и сух.
Гости в юрту его сошлись,
Бьет ключом из сабы кумыс.
Остроумие в их кругу
Возбуждает кумысный дух.
И, наученный пастухом,
Мальчик к матери пристаёт,
Просит мяса и хнычет вслух.
Здесь не чувствуется жары;
Бай откинулся на ковры;
Над его самоваром — пар,
Словно облачка белый пух.
Бай кивком одобряет речь,
Говорить не желая вслух;
Но кивку его, лебезя,
Вмиг поддакивает весь круг.
С палкой, в белой рубашке, сед,
Аксакал издали спешит.
Он кричит: «Поверни стада!
Сторонись, не пыли, пастух!»

Может, баю придет каприз
Пригласить к себе на кумыс
Раболепнейшего из слуг.
Вот табунщики на лихих
Необъезженных вороных:
Утром сели они в седло,
А теперь уже день потух.
Вот охотники вдоль реки
По вечерним лугам спешат,
С каждым — сокол, как верный друг.
Ловкий хищник уходит ввысь
И разит — и седых гусей
Гонит вдаль от него испуг. . .
Аксакала томит недуг,
Жизнь прошла, не вернешь назад;
Байским шуткам издалика
Вторит старческим смехом он.
Только бай к его смеху глух. . .

1886

* * *

Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален.
Мыслью не с кем поделиться! Кто поймет,
Кто ободрит, услышав твой тяжкий стон?

Всем рожденье и кончина суждены,
Дней минувших не вернуть из тишины,
Радость где-то остается позади,
Все проходит, все деянья непрочны.

Будь разумен, укрепляй свой дух в борьбе,
Лишь бездарный покоряется судьбе,
Лишь ленивец потрафляет большинству,
Скуден мыслью, неуверен сам в себе.

Людам низким не по нраву честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
Но за подлость расплатиться срок придет:
Разбивается не в год, а в миг сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
Не позор ли по аулам день-деньской
Время в шутках да кривлянье коротать?

Чужд невежде разум ясный, он скорей
Верит бредням, мыслью брезгает моей;
Разве каждый может правду оценить,
Небылице верит глупый — только ей.

Бредит дурень о багрянце заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром,
С отвращеньем он относится к словам
Аксакала, что осведомлен во всем.

Мудрый зорко проникает в глубь вещей,
Расцепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа шлет ему любви слова,
Ближних сгубит и оплачет, а едва
Свет удачи озарит кого-нибудь,
Воскликает: «Вот любимец божества!»

Тяжким бедам всенародным рад шайтан,
Ангел изгнан, ангел скорбью обуян,
Твердо знаю — не покается подлец,
Перейдет он к сатане в победный стан.

Властелина нагло корчит плут любой,
Рать вербует втихомолку, с хитрецей,
Но не будет подлый первым среди людей,
Он себя же гонит к яме роковой.

Ведь не всякий путь указывать рожден.
Тот, кто честен и правдив, блюдет закон.
Волостным все норовит безмозглый стать, —
Будет всеми, как собака, проклят он.

1886

Все уловкой прожить норовят плутовской.
Упрекнешь ловкачей — изведут клеветой.
Разве душу найдешь хоть одну, что довольна
Тем, что бог человеку дарует, — судьбой?

Сын отца предает, брата старшего брат.
Этой жизни собачьей кто может быть рад?
Те, кто совестью из-за наживы торгуют,
Будьте прокляты! Беды вас пусть поразят!

Все — родня и чужие — теперь на ножах.
Все друг друга преследуют, злоба в сердцах.
Гибнут гнезда людей, одержимых корыстью...
Ах, зачем ты их создал такими, аллах!

Сгинь, душа, коль источена ложью дотла!
Сгинь, добро, что бесчестья рука принесла!
Сорок раз тебе горы сулят золотые, —
Но добиться ль тебе молока от козла?
Сгинь, наглец, что, стократно меняя личины,
Ждет еще похвалы за такие дела!

1886

* * *

Хоть любую добычу беркут берет —
Люди ж возятся с птицей других пород.

Лишь орел к поднебесью взмывает, они
Пустельгу и ворона гонят в полет.

Ворон каркает, бьет крылом тяжело,
Пустельга от ворона не отстает.

Зря кружатся, орлу мешают ловить,
А хозяева скачут взад и вперед

И, любуясь, как птицы дразнят орла,
До упаду смеются, разинув рот.

И никто не скажет: «К чему баловство?»
Хвалят птиц неискусных ночь напролет.

Ты отрады и пользы здесь не найдешь, —
Забавляется этим глупый народ.

1886

* * *

Бай живет и охраняет свой скот,
Десять подарит — сотню убережет,
А тот, кто добудет десять голов,
И девяносто в придачу урвет.
Друг друга преследуют, злобой дыша.
Съездит в город, попьет воды Иртыша,
Донос настрочит с грехом пополам
И, довольный, скачет домой, спеша.
Исхудали кони от частой езды,
Все карманы его от долгов худы,
Хитрецом и всезнайкой хочет прослыть,
Бог его надоумил на эти труды.
Кто молчит, говорят: «Испугался он».
Бай торопится сам обмануть закон.
У богатого истари сила вся,
Обманщик избит, но не перевелся.
Чтобы честного человека травить,
Наготове любой держит злого пса.

1886

* * *

Измучен, обманут я всеми вокруг.
Меня предавали и недруг и друг.
Средь близких и дальних почти не найти,
Кто б не был причиною горестных мук.

Один — из-за выгод приятель тебе.
Споткнешься — покинет в неверной судьбе.
Не скажет тогда: «Я такой же, как он», —
И рядом не встанет в неравной борьбе.

Тот — низкий стяжатель, тот — взяточник,
вор.

Для них твои цели и помыслы — вздор.
Пустые лукавцы, рабы суеты.
На ком остановишь с надеждою взор?

Трепещут за скот, за добро богачи,
В тревоге, насупясь, сидят, как сычи.
Там стадо угнали, ограбили тут, —
Ведь грабят кругом и воруют в ночи.

Торговлей не могут заняться купцы —
Бедняги не сводят с концами концы:
Поверишь на слово — не взыщешь потом,
Долгов не хотят признавать подлецы.

Судья презирает свой сан и закон.
К злодеям, к ворам снисходителен он, —
И множится зло, расцветая вокруг,
И нет преступленьям преград и препон.

Завидуют злобно свои своему.
Не внемлет, не верит никто никому.
И дети, и брат, и жена, и твой друг
Тебе изменяют в твоём же дому.

На честного тысячи плутов кругом, —
Как тут в одиночку бороться со злом?
Распутство и пьянство повсюду царят,
О дружбе, о пользе нет мысли ни в ком.

Где солнце смеялось земле и цветам, —
Осенняя слякоть и сумерки там.
Скандалы и распри мертвят, как зима.
Раздолье — мерзавцам, разор — беднякам.

К заслугам, к летам — уважения нет.
Стяжатели вылезли гордо на свет.
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекрасившись цвет.

1886

Тот, кто заблудился, видит впереди простор пустой,
Он словами нечестивых увлечен и пред толпой
Держится высокомерно, как богач, кто сыт добром,
И нечистые делишки с легкою творит душой.

Повенький чапан суконный не топорщится на нем,
И шагает он вразвалку, низко стянут кушаком.
Малахай свой погибает кверху он для красоты,
До тех пор, покуда пышный не облезет мех кругом.

Никогда не мнется летом шапка белая его,
Гладко струганная палка, глянь, под мышкой у него.
В кереге засунув палку и повесив шапку, он
Нагло на стороны смотрит и не видит никого.

По штанам потертым дурня ты признаешь — будь он
лих! —

На коленях складки, — тщится пальцем он
разгладить их.

Уйму времени имеет он, как пленник, для кого
Все занятие: скинув пояс, облегчаться каждый миг.

Он со всеми, как ровесник; балагурия, бродит он,
И хохочет, и гогочет, без причины возбужден.
Чуть заговорит — ужимок отвратительных не счесть,
Хмурит бровь, глядит надменно, — до чего в себя
влюблен!

Много есть у нас в народе праздных болтунов таких.
Что хозяйство им? Что совесть? Только блеск
пленяет их.

Все занятие их в бахвальстве, в шуме, в ложной суете,
Не подумают о пользе для себя и для других!

О скоте своем нимало не заботятся они,
Честного труда не зная, носятся за днями дни
На конях на запыленных по аулам взад-вперед,
Ухмыляются довольно — мельком лишь на них
взгляни.

Только юность одна — жизни счастливый цвет,
Но не надейся, что ты так и не будешь сед.
В юности только мы веселы и бодры,
Старость придет — и вдруг видишь, что счастья
нет.

В юности дело нам: весело распевать,
Острым словцом своим, шуткою задевать,
Гордо в аулах ходить, нежно к девушкам
льнуть —
Лучше счастья нам будто бы и не знать.

Мудрый такую жизнь лишь пустяком сочтет —
Лучше учитесь вы и умножайте скот.
Девушку любишь — люби только свою, одну,
Ну, а падок на многих — жалкий ты сумасброд.

Часто не о скоте думает молодежь.
Тратя в забавах дни, и до беды дойдешь.
В юности прежде всего надо учиться нам.
Если ж учиться нельзя, честным трудом
проживешь.

Пиршество где-нибудь — ты пышный берешь
наряд.
На удалом коне прогарцевать ты рад.
Но похудеет конь, минет скоро почет.
Пусть же суетный пир твой не прельщает взгляд.

Сдержанность — вот твой щит, верный признак
ума,
Трудности побеждать учит нас жизнь сама.
Как увлекаться нам смехом таким пустым!
Пусть же будет твоя воля всегда пряма.

Как ни велик твой пыл — не отдавайся ему.
Встретишь ты на пути страшных несчастий
тьму —
Будешь скитаться ты, хлеб выпрашивать свой,
Беспечность твоя вовек не приведет ни к чему.

Часто до гроба нас уродует щегольство,
Ставь же ему предел, не поощряй его.
Вором может стать, нищим в лохмотьях — тот,
Кто не может трудом добыть себе ничего.

Разуму не научил вас с юных лет отец,
Родичей нет, чтоб ум занял у них молодец;
Жаль годов молодых, ушедших
на щегольство. —
Уж не придется ль тебе раскаяться наконец?

Юношей уже нет, кто бы меня понимал,
И от напрасных надежд каждый смертельно
устал:
Чтоб никто не мог старцев, нас, упрекнуть,
Скромные эти слова я для других написал.

1886

* * *

Жигиты, дорог смех, не шутовство,
Несходны внешний вид и естество.
Но если кто-то от души смеется,
То искренности верь, люби его.

Один пропустит все мимо ушей,
Другой проникнет в смысл твоих речей.
Есть и такой, кто понимает слово,
Но истолкует к выгоде своей.

Уж если любишь ты, так всей душой!
Сгори в огне, но на своем ты стой!
А розовые юноши линяют,
Как только прикоснешься к ним водой.

К порывам юные сердца зову.
Я человечность ставлю во главу.
Кто корыстолюбив и бессердечен,
Тот мелкий человек по существу.

Так будь отзывчивым, как друг и брат,
И поделись со всеми, чем богат.
Да будет дружба искренней и честной —
И все дурные чувства замолчат!

Я собирающимся дам совет
Не портить пререкательством бесед,
Друг к другу проявите уваженье,
Которого у нас обычно нет.

Единодушие — отрада нам,
Неведомая неучам, глупцам,
Достойный человек не выдаст тайны
И клеветы не пустит по следам.

Твой пыл советую тебе сдержать,
На бабнике — бесчестия печать.
Жигит разборчив — не кобель, какому
Любая сука с улицы под стать.

Не увлекайся внешней красотой,
Не поддавайся страстности слепой.
Не обольщайся женщиной красивой, —
Узнай, характер у нее какой.

Мгновенно гаснет пламя страстных нег
У тех, кто в смене жен проводит век.
Кому лицо подруги верной скучно,
Тот просто недостойный человек.

Той женщине хвалу я воздаю,
Что душу знает наизусть твою,
Внимает каждому биенью сердца
И хочет жизнь тебе отдать свою.

Опасность женская краса таит,
Доступная для многих волокит.
«Кто может устоять передо мною?» —
Так чванная красавица твердит.

Хвала тому, кто действует, кто смел,
Кто гордым сердце пронести сумел!
А от неряхи, бабника, тупицы
Жди только сплетен и позорных дел.

Коль ты любим женой и любишь сам,
То это невдомек одним глупцам.
Где умный муж с женою благонравной,
Счастливую семью мы видим там.

Когда не легкомысленна жена,
Не даст злословью повода она.
Свежа, гибка, подобна стеблю розы, —
В ее дыханье счастье и весна.

К богатству байской дочки не тянись,
Калымом малым бедной — не прельстись.
Но, если это дочь людей хороших,
Не будь глупцом, не упускай — женись!

Когда сидишь ты с другом у стола,
Пусть жена не морщится со зла.
Пусть уважение проявит к другу,
Лицом светла и сердцем весела.

Разборчивее выбирай друзей,
Отбрось развязных шутников скорей.
Но к разуму и красоте стремленью,
К познанию рвеню оценить умей.

Работать не желает молодежь:
И без труда, мол, тоже проживешь!
И смех ее дешевый — зубоскальство.
Ей свойственны одна корысть и ложь.

Плутуют молодые пошляки,
Им низкое торгашество с руки,
Повсюду склоки, драки и скандалы,
Друг друга предают за пустяки.

Лишь малыши дружны между собой
И, ласковые, тешатся игрой.
Но все-таки в конце игры повздорят,
И тут начнется потасовка, бой.

Когда в слезах придет домой малец,
Мать раскричится и бранит отец.
Сходна и жизнь с такой игрой и дружбой.
Когда же этому придет конец!

Среди друзей случается такой,
Что тайно роет яму за спиной.
Верь лишь тому, в ком есть и честь
и совесть,
Не мелочен лишь человек большой.

Пока у многих узкий кругозор,
И слово клеветы — орудье ссор.
Считают предприимчивым сутягу,
Который измышляет всякий вздор.

1886

* * *

О, помоги к стопам твоим
Найти, создатель, путь прямой.
Когда за горло схватит враг —
Дрожу от ярости немой.
Аргынтам и найманцам, тем
Мои слова — родник живой,
А для сородичей моих
Их вещей смысл — лишь звук пустой.
Им слиток золота даю,
Но так уж повелось, что им
Он медью кажется простой.
Дай им из Самарканда бязь,
И, ею тотчас же прельстясь,
Они расстанутся с парчой.
Конец их чванству положи.
Когда ж, создатель, узел лжи
Разрубишь ты своей рукой?
О милосердия отец,
Когда безумцы наконец
Падут, повержены тобой?

1886

* * *

Каждый за товаром едет на базар.
Там торгует медник, пекарь и гончар.
Вам по вкусу жемчуг, а другому — хлеб.
По душе найдется каждому товар.

Стар и млад стремится утолить свой жар,
Каждого по средствам наделит базар.
Но не всем доступен жемчуг слов моих,
Труден смысл иному, будь он мудр и стар.

Многим не по сердцу мой словесный дар,
Но неужто жемчуг обратится в пар?
Пусть не всем по нраву то, что говорю,
Все ж охватит слово души, как пожар.

Вникни в смысл, читатель, будь ты млад иль
стар.

И прими как должно мой смиренный дар.
«Жемчуг псу не нужен», — мудрость говорит,
Поговорку эту знает и школяр.

1886

* * *

Пока не знаешь — молчи.
Пока блуждаешь — молчи.
В бесцельных днях и в ночи
Пустых забав не ищи.
Чтоб человеком ты был
И вровень с веком ты был,
Ты пятерых побори
И пятерых избери.
Злословье, ложь, хвастовство,
Безделье и мотовство —
Вот пять врагов твоих, знай.
А разум и доброта,
Упорство, скромность и труд —
Доверься — не предадут.
Будь чистым, зла сторонись,
К деяньям светлым стремись,
Чтоб разум жил добротой.
Пускай ученым не стал,
Пусть выпал жребий иной,
Но в жажде знанья залог
Твоей дороги прямой.
Не говори: «Не смогу».
Стремься к познанию души,

Сумеешь им овладеть,
Но, сторонясь, как чужой,
Затушишь искру души.
Богатство, счастье, покой,
Познав науки, найдешь.
Иди на свет их благой.
И все, что скажет другой —
Иль аксакал, или бай, —
Сам взвесь ты, сам осознай.
Будь верен мысли живой.
Не тешься лживой молвой!
Борьбой за правду живи.
Пусть пошлость нагло груба,
Тем легче с нею борьба.
Будь скромн, будь молчалив,
Мой горький опыт усвой.
О говорящем тебе
Не думай: «Кто он такой?» —
Но глубже вникни в слова.
Мир помнит славных певцов,
И мудрецов, и вождей,
Великих в деле своем,
А много ль знаем о нем!
Поверь, о юноша, мне:
Бесценны знанье и ум.
Что чуждо их глубине —
Забудь, как суетный шум.
Достигни цели вполне,
Чтоб найденное сберечь.
На мудреца — сто глупцов,
Вот горькой истины речь.
Знай также, юный мой друг:
Не в слове близких своих
Ты правды проблеск найдешь.
Убог привычный твой круг,
Где видят в истине ложь.
Душа невежды мертва,
Пусты без мысли слова.
И сам учись, и учи.
Лишь знаньем жив человек,
Лишь знаньем движется век!
Лишь знанье — светоч сердец!
Лишенный учеников,
Учитель — словно вдовец.

Людей суди по уму,
Но не по облику их.
Разумен будь и правдив
В делах и думах своих, —
Так мудрецы говорят.
Пойми совет их простой
И, осознав, не забудь.
Да будет праведен путь
Твоей души молодой!

1886

В приютской школе много вас,
Казахские ребята,
Надежда наша, наша честь,
Зачем сюда вы взяты?
Отец доволен: будет сын
Блюсти законы свято. . .
Но в совершенстве не постичь
И здесь им шариата.
Читать по-русски и писать
Хотели бы ребята,
А учат «просьбы» лишь одни
Строчить витиевато.
Им ложь иль правда — все равно,
Платили бы богато,
Они не будут голодать,
Коль брат пойдет на брата. . .
А в том, что знанья их скудны,
Лишь леность виновата.
Пусты их души, но горды, —
Кому ж помогут их труды,
Коль знаний маловато?

Учитель русский говорил:
«Не станьте подлецами!»
На путь стяжательства и лжи
Они вступают сами.
А после русских в том винят. . .
Кто ж в их поступках виноват?
Семипалатинск-город?

Казахские просторы?
О Щедрина и о Толстом
Не слышали, куда там!
Стать каждый хочет толмачом,
А то и адвокатом.
Кто мыслит здраво — правде рад.
Не спорьте же с поэтом,
Я просто вам, как старший брат,
Хочу помочь советом.

Важна не выгода, а честь,
Учись, учись угорно,
Склонись над книгой — только в ней
Отыщешь правды зерна...
В мундир военный не рядись,
Не кланяйся покорно,
Не будь пустышкой и лгуном,
Себя хвалить — позорно.
Труд «для начальства» — вздор...
Блеснув,

Угаснешь в бездне черной.
Пока ты молод — береги
Свой пламень животворный!
Удел тупых людей таков:
Погрязнуть в лжи и лени;
Боясь решительных шагов,
Увязнуть в униженьи;
Доступен им лишь мелкий труд,
Обман и жадность их ведут
Дорогой оскуденья.

Иди вперед, ищи, найди
Свой путь — широкий, верный.
Для тех, кто смел, зажжется свет
В дороге беспримерной!
Не смей пред баем спину гнуть —
Он жаден непомерно;
Правдивым будь, достойным будь,
Чтобы не смог тебя согнуть
Обманщик лицемерный...

Избрала цель душа твоя —
Шагай к ней терпеливо...

И над уездным есть судья,
Он судит справедливо.
Но можешь сам ты, без суда,
Бороться с тем, что лживо.
В ученье не жалея труда —
И смелый, светлый путь тогда
Откроешь прозорливо!

1886

* * *

Плачет мой Кокбай.
В песнях через край
Льются слезы горести.
Как же не тужить?
Трудно в мире жить, —
Жадность все напористей!
Грубость, воровство...
Всюду бьют его.
Слезы в изобилии!
Что же? Так всегда;
Слабому — беда,
Где царит насилие!

1886

* * *

Бестолково учась, я жизнь прозевал.
Спыхватился, да поздно. Вот он, привал!
Полузнайка — я мнил себя мудрецом
И заносчиво ждал наград и похвал.

Я отсталых мечтал за собой вести,
А они меня сами сбили с пути.
Я — один, а наглых невежд не сочтешь,
И нелепые шутки ныне в чести.

Прямодушному злобно кричим: «Урус!»
Знать, милее нам лицемерный трус.
Задушив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз.

Недоверье, как вихрь, ворвалось в наш дом,
Даже лучшему другу верим с трудом.
Нет прощенья ошибкам его! Залегла
В глуби сердца обида холодным льдом.

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви через все рубежи.
То, что мы любовью и дружбой зовем, —
Лишь силок для сердец, что соткан из лжи.

Ни друзей у меня, ни любимой нет.
Я устало пою на исходе лет.
О, каким необъятным казался мир
Той порой, как встречал я жизни рассвет!

Дружба — дар миродержца, вечная связь,
Речи друга с души твоей смоят грязь.
Я взлелеял дружбу, но злобный глупец
Растоптал ее, надо мною глумясь.

Я ищу эту дружбу — нет никого.
Кровью сердца зову — повсюду мертво.
Я приятелей тьму обрел без труда,
Но любимого друга — ни одного!

1886

* * *

Грязный в словах и делах,
Жадностью обуян, —
Вот кто тебя, казах,
Губит, вводя в обман.

Забыв и совесть и честь,
Весь завистью налитой,
Он всех бы готов извести
Хулою и клеветой.

Ничто ему не позор.
Откажешь — ты враг навек.
Озлясь, грабитель и вор
Свершит на тебя набег.

Людьми ненавидим он,
А богом проклят давно.
Пускай кругом уличен —
Отвертится все равно.

Он все припишет другим,
Хоть в доводах смысла нет.
Немало награблено им —
Он взятку сует в ответ.

Не вышло — на новый лад
Начнет вести канитель.
Угроз, оскорблений ряд. . .
Глядишь — достигнута цель.

На крайний случай готов
Подальше откочевать.
Его мечта — без трудов
Богатым и знатым стать.

Лежать на боку в дому,
Шататься с пира на пир
И на бесплатном корму,
Как скот, нагуливать жир.

Нет гордости мужа в нем,
Он вовсе лишен стыда:
Заброшен собственный дом,
Семья голодна всегда.

В товарищи он возьмет
Такого ж плута, как сам.
«Пройдохи», — зовут их народ.
Сегодня грозит он вам,

А завтра он друг на час.
На все лихое горазд,
Он оптом и в розницу вас
Сто раз предаст и продаст.

«Кто сведущий человек?» —
Спроси здесь любого ты.
«Тот, кто, пролгав весь век,
При помощи клеветы

Порочит, утратив стыд,
Равно своих и чужих,
И по начальству летит
С кипой доносов на них.

И там, опростав карман,
В аулах новый навет
Строчит, и ретив и рьян», —
Услышишь от всех ответ.

Ответ клеймящий — и что ж?
Кому он замкнул уста?
Снова такая же ложь,
Такая же клевета!

И снова плач без конца.
Коль все спокойно живут, —
Нет корма у подлеца,
Как пес бродячий, он худ.

Он жизни своей не рад. . .
Грош — дома цена ему.
Покой для него — что яд.
Он скряга в своем дому.

Он ищет в чужом утех.
Он враг тому, кто умен.
Он псами ругает тех,
Кто лучше живет, чем он.

Стал изобиловать край
Врагами жизни людской.
На всех поднимают лай,
Куснут — хоть иди, хоть стой.

Язык ядовит у них,
Душа их — черная грязь.
На честных и на прямых
Бросаются, разъярьсь.

Чтоб им привольно жилось —
Все очернят, что светло.
Пропитаны злом насквозь,
И все их деянья — зло.

Какая выгода им
Желать для других добра?
Им правда — что едкий дым,
Их ненависть к ней остра.

(Тьма ненавидит зарю!)
Под правду раскрасят ложь.
Честные, вам говорю:
Нет правды в них ни на грош!

Пора уж в конце концов
К столбу пригвоздить подлецов!

1887

* * *

Коль у тебя в чужом роду
Имеется старинный друг,
С которым ты всегда делил
Все тайны, мысли и досуг, —
Не удивляйся, если он,
Когда ты попадешь в беду,
Забудет все бывшее вдруг
И сокровенное твое
Предаст во власть враждебных рук.
Врага он встретит твоего —
Превознесет во всем его,
Твердя, что он непобедим,
Что ты ничто в сравненье с ним, —
И враг вскипит, сильнее ярься. . .
А после, встретивши тебя,
Друг, о любви своей трубя,
Твердит, что с ним он держит связь,
Радея о твоих делах —
Свидетель этому аллах!
Что с ним он близок для того,
Чтоб тайну выведать его

И обмануть в конце концов. . .
Клянется прахом мертвецов,
Клянется, бога не стыдясь,
Заптаптывает правду в грязь.
Он посетит тебя не раз
Под видом верного дружка.
Твердит о дружбе всякий час.
А сам вредит исподтишка.
Твоих родных разъединит
Его враждебная рука
И вовсе оттолкнет иных.
Немало есть таких родных:
Когда за ворот схватит враг,
Как псы, вгрызаются в бока.
В злословье, в праздности они
Свои проводят дома дни
Иль, став поодаль, за углом
Друг с другом шепчутся тайком.
Такому — всем ты нехорош.
Упрется, коль его ведешь,
Иль, сделав рядом два шага,
Ославит хуже, чем врага,
Осыпав градом злых угроз.
Живя лишь тем, что каждый даст,
Мгновенно сродника предаст,
Держа всегда по ветру нос.
Обидчивее, чем дитя,
И неприязненный к родным,
Не знает сам, какую цель
Преследует враждою к ним.
Ничем не жертвуя досель,
Он полон лишь собой самим.
Не ведая, в какую щель
Сумеет спрятаться, когда
Охватят дом огонь и дым.
Придет беда — и в тот же миг
Он первым подымает крик:
«Долой! Ссадить его с коня!»
Случится — заворчит родня,
Размолвкой пахнет, ссоры ждут, —
И он уж с видом жертвы тут
Кричит, ругаясь и грубя.
Его не надобно учить,
Как побольней кольнуть тебя.

Но если дело примет вдруг
Благоприятный оборот, —
Уже тебе он первый друг,
Уже в улыбке щерит рот
И недругов твоих корит.
«Всех уничтожу», — говорит.
При бурном ветре он плывет,
Куда несет его волна.
И как он боек, как он смел,
Когда настала тишина!
Вот каковы они, увы,
Батыры в наши времена!
Прими его совет — уж он
Не отстает, он — верховод.
Отвергни раз — он не простит,
Весь в злобе желчью изойдет.
Родных имеют все, но кто
С тобой, коль грянула война?
За пазухой — во время бурь,
На шее — коль чиста лазурь, —
Такое правило у них,
У многих из твоих родных, —
Вся их натура такова!
Красноречивы по домам,
Гремят, подобные громам,
А наступил серьезный миг —
Застряли в глотке все слова.
Дурные шутки, грубый вкус.
В борьбе он постоянно трус.
Но поле уступи борьбы —
Сейчас же встанет на дыбы
И будет хвастать без конца,
Изображая храбреца.
С достойных не берет пример —
Невежлив, неуклюж и сер,
Надменный вид, тщеславный нрав. . .
Над слабым силу показав,
Он тешится победой всласть:
«Вот как моя могуча власть!»
А если не осилит сам
И в злой беде поможет друг, —
Он с ним заносчив, он упрям,
Ничьих не признает заслуг.
Бездельник — чтобы уважать,

Бессильный — чтоб пред ним дрожать,
Во всем он — только волю дай! —
Всегда хватает через край.
На грубость, на обиды скор,
Сейчас же лезет в драку, в спор.
С ним невозможен разговор,
Не слушает, городит вздор, —
Зачинщик всяких склок и ссор.
Как родич этакий тебе
Опорой может стать в борьбе?
Оставить сплетни и раздор?
Таких тут помыслов и нет.
Неужто в самом деле все
Пойдут за этим псом вослед?
Лишь был бы ужин да обед,
Сыт, пьян — и нет других забот...
Что им страдающий народ?
Хоть бы один за весь мой век
Нашелся честный человек!
Нет справедливости ни в ком.
Все обсуждается тайком,
И разрешаются дела
Во тьме, келейно, шепотком.
Что ж удивительного в том,
Что недовольны все потом:
Договорились об одном,
А дело подошло к концу —
И не взыскать сполна истцу.
Нет думающих про народ!
Томится всяк, напрасно ждет.
И получает по суду
Решенье нужное лишь тот,
Кто, с биями живя в ладу,
Подсунет им тихонько мзду.
Чиновник открывает съезд —
И ради этого окрест
Народ обобран волостным.
И греют руки вместе с ним
И старшина, и жадный бий.
Но как народ ни приглашай,
Как ни зови из разных мест, —
А без чиновника на съезд
Ты не затащишь никого:
Какая польза от него?!

Ведь кучка нынешних властей,
Что правит, разделив людей,
Твердила всем не раз, не два
Пустопорожние слова,
Что дело завтра разберут.
Сойдутся защищать права,
Вершить дела и править суд, —
Но кто за правду встанет тут?
Неловко стало даже им
Смотреть просителю в глаза.
Перед начальством русским бий
Юлит и гнется, как лоза,
В то время как над ним самим
Уже собирается гроза.
Средь худших — племя Тобыкты,
Гнездо интриг и клеветы.
Там зависть черная царит,
У многих алчно взор горит.
В безделье полном жизнь влача,
Они бросаются толпой
На уцелевшего еще,
Оставшегося «богача».
Наследье предков расточив,
Попались сами же в хитро
Расставленную ими сеть,
Плетенную и день и ночь.
Достойные, творя добро,
Не вызволили из беды,
Не уменьшали бы ряды,
Напрасно силы исчерпав,
Чтоб их исправить, им помочь.
Среди людей чужих племен
Наш род презренным заклеймен.
Чужие избегают нас,
Нечестность видя всякий час.
Торговцы все от нас бегут:
Им здесь долгов не отдают.
Лишь бродит пришлый праздный люд,
К богатым не пристроясь тут.
Властям в народе веры нет,
Раз не избавили от бед
И не спасли от барымты,
Напрасно клятвы волостных,
Что все на лад пойдет у них, —

Их клятвы, как сердца, пусты.
И только в памяти живет
Воспоминанье дней былых,
О том, как дружен был народ...
Но ни одной души вокруг,
Кто б за него болел, как друг!

1887

* * *

Стих — это вождь среди слов, ценнейший их
убор

Талантливый поэт слагает речь в узор,
Где все слова ровны, густы, округлены,
Легки для языка, ласкают слух и взор.

Излишнему в стихе, конечно, места нет,
И слов не бережет ничтожный лишь поэт.
Из тех, кто говорит иль слушает, он тот,
Кому напрасно бы давал ты свой совет.

Сперва Корана стих, пословицы потом,
За ними ставь байт — и речь пойдет шитьем.
Не стоило б ее к пророку обращать,
Лишенной разума и бедную стихом.

Пусть каждый борется, чтоб стих создать живой,
И пусть избранников он радует собой.
Но редко может кто составить звонкий стих,
На вид — серебряный, по сути — золотой.

Коль вспомнить, что за речь была у стариков,
Увидишь, сколько там пословиц между слов.
Поэты прошлого невежды и глупцы,
Ничтожны их слова и мысли прост покров.

Стих под домбру они певали в час ночной
И к каждому его стремили с похвалой.
Свой вес от этого утратили слова,
Став средством клянчить хлеб пред праздною
толпой.

И слово и душа выклянчивали скот —
Кого обманом взять, кому воздать почет.
Так, в нищете бродя среди чужих племен,
Они, презренные, лишь свой хвалили род.

Искали богачей, у коих гордый нрав,
Но сами баями не стали, скот собрав.
Казахам кажутся пустыми их стихи,
Утратившими смысл для суетных забав.

Пословиц стариков в моем запасе нет,
Я ныть из-за скота не стану, я поэт,
Иные у меня слова, иная цель,
И тот, кто слушает, сейчас мне даст ответ.

Когда б я пел о тех, кто грабит бедняков,
Иль девушек красу восславить был готов,
Меня бы слушали, дыханье затаив,
Не находя цены для легковесных слов.

К реченьям разума упорно глух народ,
Пренебрегая тем, что нас к добру ведет.
Невежд, захватчиков, ленивых — не сочтешь.
Не обижайтесь же, коль стих мой больно бьет!

Иные там и тут из кожи лезут вон
И к тепленьким местам ползут со всех сторон.
Но что они поймут, пока хотя б один
Из тысячи — умом не будет вознесен?

Стремленье к скромности, терпенье, совесть,
Никто здесь нужными уж не желает ^{честь} счесть,
Не ищет знания, не хочет жить умом,
Злословие и ложь взбивая, словно шерсть.

1887

* * *

Если умер близкий — скорбен человек,
Сердце злой утратой ранено навек.
Почему ж он в песню облакает боль,
Жемчуг слез роняя с увлажненных век?

Свадьба — женят сына, дочку выдают, —
Радуются люди, от души поют.
Сколько есть обрядов: беташар, жар-жар
Разве мы без песен обойдемся тут?

Родился младенец — пир, шильдехана,
И ночами песня звонкая слышна,
Вспомни поговорок звонкие стихи —
В песне мудрость предков нам сохранена.

Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожает в землю прах, скорбя.
Песня — вечный спутник радости земли.
Так внимай ей чутко и цени, любя!

Если не откроешь ей любовно слух,
Если не постигнешь сокровенный дух, —
Не споешь ты песню, не поймешь ее.
Но молчать ли песне, если ты к ней глух?

Стих — узор словесный, стих — что круже
Пригнанные тесно, в нем поют слова.
Если слово звучно, если мысль верна, —
Не отвергнуть песни, песня век жива!

Слово не взволнует сытого глупца.
Видят мудрость только зрячие сердца.
Но и тем, кто ценит слово, песню пой
В час, когда открыты души для певца.

Не проси за песню денег и наград:
Ты ж, пропевший песню, не понес утрат!
Продающих песню дальше обходи, —
Песню пой пред теми, кто ей сердцем рад.

Средь толпы немного ты найдешь таких.
Ты не отдавай ей на потеху стих:
Отвернется вскоре для других забав, —
Мало кто услышит мудрость слов таких,

Шортанбай, Бухар-жырау и Дулайт. . .
Песни их — обноски из сплошных заплат.
О, когда б нашелся хоть один знаток, —
Вмиг изъяны б эти обнаружил взгляд!

Мастерство и правда — в этом цель певца,
Чтоб раскрыть не только очи, но сердца,
Дать примеры юным, просветить невежд.
Даже нет и в мыслях — забавлять глупца!

1888

ОСЕНЬ

Тучи серые, хмурые, дождь недалек.
Осень. Голую землю туман заволок.
То ль от сытости, то ль чтоб согреться,
резвась,
Стригунка догоняет в степи стригунок.

Ни травы, ни тюльпанов. И всюду затих
Звонкий гомон детей, смех парней молодых.
И деревья, как нищие старцы, стоят
Оголенные, листьев лишившись своих.

Кожу бычью, овечью в кадушках дубят.
Чинят шубы и стеганый старый халат.
Молодухи латают дырявые юрты,
А старухи неделями нитки сучат.

Косяком потянулись на юг журавли.
Караваны верблюдов под ними прошли,
И в аулах — уныние и тишина.
Смех, веселые игры остались вдали.

Дуют ветры, становится все холодней,
Стужа мучает и стариков и детей.
Псы голодные ловят мышей полевых,
Не найдя, как бывало, объедков, костей.

Ветер пыль поднимает — над степью черн
Осень, сыро. Но так уже заведено —
Коль очаг разожжешь, — будет копоть
• везд
В наших юртах теперь неуютно, темно.

1888

* * *

Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.
Но чтоб окрестные луга до снега не топтать,
Бай держит стадо далеко от своего двора.

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану;
Жена, бедняга, ткет чекмень, от холода дрожа.

И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло;
А старикам — совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.

Уж если бай пока что бьет свой самый худший
ско!
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка —
Благодари скорей его, семью его и род.

Пускай над степью снеговой буран гремит опять
Ведь байский сын одет и сыт, ему тепло гулять,
И батрачонок целый день обязан быть при нем
И со слезами на глазах ублюдка забавлять.

Бай не поможет бедняку. Зачем его жалеть?
А если даст кусок — гляди, длинна у бая плеть.
Трудись, бедняк, проклятый долг сторицей
возврати
Ведь баю — жить и богатеть, тебе — в могиле
тлеть.

Печальна горестная жизнь голодных бедняков!
Владелец тысячных отар, верблюдов и быков,
Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

1888

ЗИМА

В белой шубе, плечист, весь от снега седой,
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, что живет, с омраченным челом,
Он, скрипучий, шагает зимой снеговой.

Старый сват, белый дед натворил много бед.
От дыханья его — стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, крихтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли — нахмуренный вид;
Головою потрянет — скучный снег повалит.
Злится он, словно бешеный старый верблюд,
И тогда шестистворная юрта дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Щиплет нос он и щеки им злою рукой;
В армяке, в полушубке дубленом пастух
Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безуспешно пытается лед,
И голодный табун еле-еле бредет.
Скалит жадную пасть волк — приспешник

зимы.

Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!

Угоняйте на новое место табун,
Не беда, если вам не придется поспать,
Лучше вам с бедняками делиться скотом!
Не давайте волкам средь степей пировать!

1888

КУЛЕМБАЮ

Салям тебе, волостной!
Здоровы ли скот и жена?
Скорблю я, что правишь ты
В трудные времена.
Отцам и дедам твоим
Власть не была дана,
И ты стремишься своей
Воспользоваться сполна,
Хоть ей, по правде сказать,
Невелика цена.

Уездный гонца придет —
Спешишь ты воздать почет.
Что же будет с тобой,
Если он сам придет?!
В юрте своей сидишь,
Властен, суров и строг,
Но с места легко слетишь —
Только подуть разок.

1888

* * *

Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.

Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.

Горы ловят дальний гул,
Крик пастуший — в тишине...
На свиданье за аул
Приходила ты ко мне.

И отважна и кротка,
Ты прекрасна, как дитя,
Прибежав издалека,
Дух с трудом переводя.

Места не было словам.
Помню сердца частый стук
В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг.

1888

* * *

Нет жизни у меня в груди...
Я все твержу одно и то же:
«Не верь друзьям, измены жди...»
За что мне это все, о боже!
Есть люди: дома, как поток
Неугомонный, он грохочет.
Когда же речь сказать захочет,
Он вял — язык ему не впрок.

Когда пасется конь три дня,
Он распускает хвост и гриву.
Батыр, ты дома у огня
Всегда ли был такой ретивый?
Ты льстишь и малым и большим,
Когда тебе порою туго.
А только вырвался из круга —
Заносчив и недостижим.

Умешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять целковых.
Из-под наездника чепрак
Ты стащишь, вороват и ловок.
Когда же тяжбу заведешь, —
Идешь обходными путями.
Но, для другого вырыв яму,
Сам в эту яму попадешь.

Не хлопай сильно дверью той,
В какую (всяко может статься!)
Еще придется постучаться
• В час неожиданно крутой.

1889

* * *

Наконец волостным я стал,
Все добро на взятки спустив;
Без горбов верблюды мои,
У коней не осталось грив.
Все же волостью управлять
Я не смог, а вроде ретив. . .
Если сильные позовут —
Оборачиваюсь на призыв;
Если слабые говорят —
Еле слушаю, вял, сонлив. . .
Близок съезд! ¹ Эта весть, как гром,
Прогремела, сердце пронзив.
Но тревоги не выдаю,
Улыбаюсь, а сам чуть жив.
Вот в один из обычных дней
Вижу нарочного у ворот:
«Уездный уже в пути,
Приготовь побольше подвод».
Я смутился — срок-то ведь мал.
Сердце — будто бы молот бьет.
Но стараюсь я, что есть сил,
Ошалев от своих забот.
Всех старшин, всех биев собрав,
Говорю им: «Время не ждет,
Заготовьте побольше юрт,
Уездный будет вот-вот! . . .»
Осмелев, пред народом речь
Я держу: «Мол, родной народ,
Оправдать я доверье готов,

¹ На съездах разбирались тяжёлые дела между населением различных волостей, иногда и уездов. Съезды проходили при участии высших административных лиц.

Если милость господь пошлет...»
Будто бы обо всех пекусь,
А на деле — наоборот.
Я, с уездным уединясь,
Все ругаю людей своих,
А потом возвещаю им:
«Не сгибал спины ни на миг. —
Похваляюсь: — Уездный сам
Верит в правду речей моих. —
Я подмигиваю: — Мол, ему
О сомненьях твердил больших...»
Начинаются толки, шум...
Тот хвастун, что был груб и лих,
Тот храбрец, что всех прижимал,
Вдруг на съезде сделался тих...
Но недолго длилась борьба:
Убедили одних, других,
Непокорных, в бараний рог
Посгибали в единый миг;
О великих и малых делах
Говорили, решили их...
Озверел науськанный бий, —
Что ему до тягот чужих?
Был изъят опознанный скот
Для своих хозяев прямых.
Кредиторы со всех сторон
Обступили людей простых...
Нету жалобщикам числа.
Гомонят: «Нам жизнь не мила!»
Управитель на ноги сел, —
Кто бедняжку станет жалеть?...
Я сил не щажу своих,
Я скачу с зари до зари,
Я мечусь туда и сюда,
Развевается мой халат.
Отпустил я совсем повода...
Чтоб уездный услышал, я
Посильнее бранюсь тогда, —
Кой-кого и палка моя
Саданула, тяжка, тверда.
Уж ретивых не вижу я,
Не осталось от них следа.
Расстегнул я ворот, жара,

Прохладяюсь — хватит труда! ..
Управитель исправный, он
Шумно хвастается всегда,
Смех раскатистый у него,
Голос грохает; и когда
Он, случается, заговорит,
То слова текут, как вода.
Если входит к уездному он,
То другим волостям беда. . .
А бывает, народ строптив —
И уездный в гневе, тогда
Ноги попусту бьешь весь день,
Все бросаясь туда-сюда.
Сам я тоже едва ль хорош,
Мой характер — он как когда. . .
И хоть знаю, что скромным быть —
Добродетель большая, все ж
Не придерживаюсь ее.
И к рукам весь народ потом
Прибирать начинаю я.
Поначалу слегка, тишком,
Против сильных не говорю;
Их не тронув, я день за днем
Безобидных травлю чуть-чуть.
При уездном твердил об одном,
А теперь другое творю, —
Каждой мелочью, пустяком
Потихоньку довольтвуюсь я.
Ни злодеем, ни мозгляком
Никогда не браню, рассердясь. . .
Собираю людей кругом,
За меня прошу их стоять.
«Ладно, ладно, твержу, незнаком
С плутовскими проделками я.
Да и хитрости нет притом. . .»
Пропади она пропадом, власть,
Зря к ней рвался — подошвы стер.
Что за прок от людей, когда
Чуть не каждый обманщик и вор!
Да, нерадостна жизнь моя!
Как посмотришь — стыд и позор!
Может быть, я в будущий год
Получу всех шаров набор. . .¹

Ну, а вдруг сегодняшним дням
Буду слать я грустный укор?
О родные советники, вам
Заявляю сейчас в упор:
Тюрьмы множатся что ни год;
От хулы потускнел почет. . .
Мой от горести меркнет взор —
Не сдержат мне народ в руках.
Почему же такой позор
Допустил? Стал строптив народ!
Все мерещится — донесут. . .
Вдруг узнает про всякий вздор
Наш уездный — возьметса он,
На расправу жесток и скор,
Приберет он меня к рукам,
И под суд я пойду, как вор.
В бездну мерзкую бросит меня
Немилостивый приговор. . .
Все эти плуты — они
Сами ль выберутся на простор?
Будут жалобы подавать,
К справедливости будут взывать,
Нет того, что было встарь, —
Управителя скользок путь, —
Нынче всякий поклеп идет
На внимательнейший разбор.
Может собственный твой донос
Погубить тебя, в нем найдут
Ложь, неправду, пойдет допрос.
Подсчитают поступки твои,
Все, что сделать тебе довелось, —
Ведь законники и хитрецы
Понимают каждый вопрос.
Лучше всякую бросить власть
Для того, пока не пришлось
В дом с решеткой стальной попасть.

1889

волостных управителей происходили баллотировкой

Все взвесит справедливость на весах —
Оценка свойств людских у ней в руках.
Так знайте, перевешивает умный,
Взлетает кверху глупый вертопрах!

Мы к истине стремимся день за днем.
Невежда — это человек с бельмом.
Всю жизнь он мелкими делами занят
И, чуждый правде, с нею незнаком.

Невежду шумный радует успех,
Стремится он привлечь вниманье всех.
Он пустоты своей не понимает —
Паясничая, вызывает смех.

Пустоголов — ни мыслей, ни забот!
Винючен или прав, всегда он ждет —
Ценой хоть в рубль, хоть в грош — похвал
ничтожных
И, выклянчив их, рад и скалит рот.

Собаку увидав, визжит коза.
Так, выпучив козлиные глаза,
Орет и он, невежда, плут отменный,
Не смыслящий в науках ни аза.

Насмешек над другими полон рот.
Зазнавшись, пролезает он вперед,
Собой изображая человека,
Когда душой и телом он урод.

Коль есть у человека идеал,
Стремленье к правде, — он не ждет похвал;
Настойчивый, он вечно неспокоен,
И он находит то, чего искал.

1889

Управитель начальству рад,
Он не может от счастья дохнуть,
Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь.

Но не вечно в почете тот,
Кто начальству стал чем-то мил.
Он галун на чапан кладет,
Но бесчестьем он честь купил.

То унижен, то вознесен,
Он всегда хвастовства не чужд.
Удивляюсь тому, как он
С важным видом вещает чушь.

Был зарезан баран, когда
Эту радость привез гонец.
Но в известии том — беда
Для того, кто видит конец.

Об удачах пусть говорят,
Не пойдет это счастье впрок.
Только малый ребенок рад,
Коль получит вкусный кусок.

У кого же рассудок есть,
Тот отметит насмешкой злой
Тех, кто сам позабыл про честь —
Прихвастнул своей наготой.

Словно девушка, гнешь ты стан,
Побрякушки душой любя,
Утешаясь тем, что капкан
Для других, а не для тебя.

Но возможно ль таким путем
Стать других умней и знатней?
Будь подальше, коль ты с умом,
От тщеславных пустых людей.

Не исправишь глупцов пятерых
Тем, что десять прибавишь к ним, —
Нет плохого в делах твоих,
Если сам ты не ходишь к злым.

Пусть твердит: «Я достиг всего!» —
И вразвалку, гордясь, идет.
Так и блещут глаза его,
Коль вскочив, он кого ругнет.

Что ж! Свинья — это лишь свинья!
Не страшись понуканий злых.
Гордецов как исправлю я?
Лишь наука наставит их.

Ни к чему нам тот молодец,
Не поможет он все равно,
И получит скоро гордец
То, что сам заслужил давно.

1889

* * *

Да будет слово мудреца
Превыше болтовни лжеца.
Чтоб светоч истины узреть —
Должны быть зрячими сердца!

Для тех, кто чист, чей светел ум,
Живая речь — не просто шум,
Они, исполненные дум,
Постигнут правду до конца.

Пуста невежды голова,
Хотя, как тыква, здорова.
Скучает пустослов, едва
Заслышит мудрого певца.

Ему мила лишь болтовня,
Он пристаёт к тебе три дня,
Но петь начни — чело склоня,
Глядит тупее, чем овца.

Он ищет, как дитя, утех,
Он развлечения ждет от всех,
Ему бы игры все да смех, —
В нем за версту видать глупца.

Он книги в руки не берет,
Но образованным слывет.
Высмеивать простой народ —
Вот вся заслуга наглеца.

Ты спел тому, в ком есть душа ;
Он скажет — песня хороша!
И слушает, едва дыша,
Не спутав с золотом свинца.

Глупцы же смотрят, сторонясь :
Им только б сплетни, хитрость, грязь.
Им все равно что — бархат, бязь...
Ослу подай лишь клок сенца!

1889

ВОСЬМИСТИШИЯ

Издали зовет,
От души идет,
 Заставляет нас трепетать ;
Он всего острей,
Он всего быстрее,
 Может к месту лань приковать.
Многоликий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!

Нет, игле стальной
Никакой ценой
 Не поспеть за узорами слов!
Сможет жемчуг-нить
Умный оценить,
 А дешевка — радость глупцов.
Помолчите, слова, сейчас,
Тугоухий не слышит вас!

У невежды есть —
Чванство, глупость, лезть
Да веселье беспечных дней.
Он всегда с толпой,
Так и льнет к тупой,
Так и следует всюду за ней.
Если мысль слепа или мысли нет,
При себе ты оставь свой бред!

Вся душа в огне,
Холод по спине,
Лишь увидишь глупцов, их ложь.
Укажуй им путь —
Похвалы у них не найдешь.
Но бесстыдству верны и тут,
Не дослушав, они заснут.

Им бы козни вершить,
Им бы сплетнями жить,
Пустозвон заодно с хитрецом.
Что благой совет!
В нем и смысла нет:
Сын не хочет ладить с отцом.
Пусть без устали мелют уста, —
В голове одна пустота.

К счастью не придешь,
Измышляя ложь.
Сплетни — промысел пустомель.
Чванство, хвастовство,
Пьянство, мотовство —
Вот их жизни беспутной цель.
Мысли ищущей глубина
Никому из них не нужна.

Ты сердечным будь,
Человеком будь
И трудись, не жалея сил.
Сплетни, болтовня,
Глупая брехня...
Ты такой сам себе постыл.
Коль упорны твои труды,
 Попрошайкой не будешь ты.

Ты пахать умей,
Торговать умей

И достаток дома блюди.
Будь, жена, верна,
Муж, трудись сполна,
И тогда — успех впереди.
Коль казах казаху не друг,
Будет жизнь постылой вокруг.

Защити свой скот,
Избегай забот,
Не давай себя унижать.
Сгинь, насилья ночь!
Властолюбье, прочь!
Да не смогут подняться опять!
Пусть проснутся совесть и честь.
Знай, в словах этих правда есть!

Коль ты слишком сыт,
Труд тобой забыт, —
Развращен такой человек.
Споря о пустом,
Другу став врагом,
Ты в ничтожестве кончишь век. . .
Клеветал ты, лгал, доносил.
А раскаяться хватит сил?

Кто учил тебя
Жить, разбой любя,
Кто твоим советчиком был?
Но придет имярек,
Честный человек,
Он остудит преступный пыл.
Заблужденья твои — как знать? —
Палачом твоим могут стать.

Нет, не плоть, а дух,
Как в огне, мой друг,
Голова моя тяжела.
На щеке слеза,
Горе жжет глаза,

И на душу тяжёсть легла.
Где разврат, разгул и разбой,
Там беда берет власть над тобой.

Жизнь моя коротка,
А цель далека,
И силы мои сочтены.
Улетают дни —
Не вернутся они,
Мы в гордыне коснеть должны.
То, что прожито, — не вернуть,
Без запасов я вышел в путь.

Вижу: чести сын —
На сто сот один,
А правдивых ни одного.
Молодость ушла,
Голова бела,
В суете не познал ничего.
Зря потел средь клевет и зол,
В унижении жизнь провел.

Краснобай и лжец
И всезнайка-льстец,
От тщеславья все их труды.
Эти любят лезть,
Любят кверху лезть,
Униженьем народа горды.
Проклянут тебя и — пропал,
Позовут — в небеса попал.

Пусть народ пуглив,
Ну, а ты чем жив,
Ты, пугавший родной народ?
Жаждой славы томим,
Ты следишь за ним —
Что он делает, как живет.
Коль блудливая баба хитрит,
Жалок муж, что ее сторожит.

Что успеть ты смог,
Если сам одинок

И шагаешь, растерян, с трудом.
Ты, с кем дружен теперь,
Кому нужен, верь,
От тебя отвернутся потом.
Чужеродный вор и хитрец
Одолеют тебя вконец.

Вся в крови голова,
Приподнялся едва,
А угодничать снова спешишь.
Истомлен до костей,
Перед силой властей
Ты опять, как всегда, лебезишь.
Где же совесть твоя — дай ответ.
В жизни этакой пользы нет.

Лишь собака брехнет,
Мальчик палкой взмахнет
И погонится тут же за ней.
Люди хором стыдят,
На мальчишку кричат:
«Перестань! Собаку не бей!»
Устыдился. То же с тобой
И с постыдной твоей судьбой.

Кто пытлив — смелей
Мир познать сумей,
Было б только желанье познать.
А невежда слепой
Занят только собой,
Лишь поест бы ему да поспать.
И не тот, и не этот я,
Все ж судьба незавидна моя.

Я знаний искал —
От скитаний устал,
Я глядел и туда и сюда.
Но и там и тут
Ложь и лень цветут,
Ведь невежды боятся труда.
Если хочешь погибнуть скорей,
Стань на палубы двух кораблей.

Я с утеса кричал,
Мне простор отвечал —
Отвечали горы и дол.

Но, услышав звук,
Я искал вокруг :

Как, откуда тот звук пришел?
Был все тот же утес подо мной, —
Отклик есть, но отклик пустой.

Всадник вдаль поскакал,
Пешеход отстал.

Кто признает тебя, кто поймет?
Боль в груди сильна,
И слеза солона,

Пламя жаркое сушит рот.
Если весь я горю в огне,
Не рыдать не под силу мне.

Камнем мягкий пух
Обернулся вдруг :

Так жестка постель — не уснуть.
Но галдит толпа,
Весела, слепа. . .

Что б подумать — в чем жизни суть!
Хитрость, ложь осаждают нас
В трудный час, испытанья час. .

Велика у меня,
Широка родня, —

Одиноким быть нет причин.
Велика семья,
Но не понят я

И живу среди людей один.
Как могила шамана, я
Одинок — вот правда моя!

1889

* * *

Коль свет горит в твоей душе,
К ней обращаю я призыв.
Коль тьма царит в твоей душе,
Мне все равно, ты мертв иль жив,

Коль на глазах твоих бельмо,
Умрешь, добра не различив. . .
Как без имама ни молись —
Дойдет ли к небу твой порыв?
Вовек дороги не найдешь,
Судьбу мудрейшим не вручив.

Подобен озеру народ,
Который дружен и счастлив:
Листва колыхается вокруг,
И ветра радостен мотив,
Сбегают весело ручьи,
И серебрятся ветви ив;
Там бродят тучные стада,
О зимнем голоде забыв.

Народ, живущий во вражде,
Как заболоченный залив:
Оттуда птица улетит,
И жажды там не утолив;
Скот, не пройдя за перевал,
Падет, воды его испив,
Его покинет человек,
На берег гниlostный ступив.

На единицы и нули
Народ чванливо разделив,
«Ничто нули без единиц!» —
Иной «мудрец» кричит, спесив;
Он говорит: «Без единиц
Народа путь и лжив, и крив».
Но это — вздор. Народ един,
Он чужд вражде, он прозорлив.
Так будь отважен, жизнь свою
Борьбе за правду посвятив!

1889

* * *

Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумками наполняю стих.
Для чутких слухом, сердцем и душой,

Для молодых я свой рождаю стих.
Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
Поймет, что в каждый я влагаю стих.

Ко мне дорогой приходи прямой.
Все то, что скрыто, стих раскроет мой, —
Не сразу ты воспримешь, может быть,
Слова такие слышишь ты впервой.
Как странно мне, что люди, не поняв,
Немедля речи требуют другой.

Али-азрету не слагаю гимн,
Красавиц с подбородком золотым
Я не пою; я к смерти не зову,
Не говорю жигитам молодым,
Чтоб совестью они пренебрегли, —
Прошу: прислушайтесь к словам моим!

Родятся из барымтачей лгуны,
Бездельники рождаются, болтуны
Без разума, без дома, без скота;
Все знают их, и всем они видны.
Навек замолкни лучше ты, мой стих,
Когда тобой они восхищены.

Тебя молю, о песнопевец-брат,
Пускай слова пустые не прельстят
Твоей души. Что пользы в них тебе?
Твой дар исчезнет, не вернешь назад.
Что в людях доброго, скажи, таких,
Как бабник, и хвастун, и верхогляд?

1889

* * *

Острый разум чист, словно пласт ледяной.
В непослушливом сердце — кипучий зной.
Терпеливую мысль и пылкую страсть
В силах ты обуздать лишь волей одной.

Только тот, кто сердце и разум скует
Непреклонной волей, — достигнет высот.
Эти свойства не стоят врозь ни гроша,
И любое из них тебя не спасет.

Что без воли и страсти сила ума?
Неразумному сердцу — и в полдень тьма.
Разноречье троих сумей сочетать,
Этой мудрости учит нас жизнь сама!

1889

* * *

Две дороги — любовь и страсть предо мной.
Похоть властвует плотью моей земной.
Но тебя я люблю. Будь счастлива ты,
Хоть погибну я, сгину во мгле ночной!

Ты — мой разум! Ты волю мою взяла.
Без тебя в душе только мгла и зола.
Люди любят одних, не любят других,
Ты же — всех милей, и для всех ты мила!

Я — твой раб, любовь! Истерзав и дразня,
Ты меня леденишь, сжигая меня.
Улетит надежда — и стынет душа.
Прилетит — и в сердце потоки огня.

1889

* * *

Дух унижен мой,
Я убит разлукой злой,
Позабыт тобой,
Обойден своей судьбой.
Аллах мой, как я слаб!
Карай, покорен раб!

Сон мой и покой!
Пожелтел от горя я,
Чажну под бедой,
Сгорбилась спина моя.
 Не знаю, как мне жить.
 Чем сердце облегчить?

От любви тоска,
От тоски не сплю ночей:
Мне издавека,
Милая, не плешь вестей.
 Душа горит в огне,
 И кости в тягость мне.

Если б к ней могла
Долеветь моя мольба,
Стала б вновь светла
И легка моя судьба.
 Воспрянет дух опять,
 И счастья буду ждать.

1889

* * *

Ах, что за жребий ждет меня!
Уйдешь, метнув
Надменный взор?
Иль, обманув,
Тайком, как вор,
Покинешь,
Слову изменяя?

Зачем терзаешь ты меня?
Забут супруг, —
Глядишь вокруг,
Ища других,
Среди чужих,
Позором
Жизнь свою черня.

Гляди — душа моя в огне...
Кричу, стена,
Внутри меня
Волнами пламя разлилось.
Мечусь,
Униженный, как пес, —
Истаивает жизнь во мне.

Кто знает о грядущем дне?
Придет, таясь,
Последний час,
Придя, не отойдет от нас.
Еще дыша,
Живет душа,
А вот — другой на смену мне.

Любви дорога нелегка;
Достиг — живешь,
А нет — так что ж?
Вся жизнь в мечтах
Прошла.
Меня ты вспомнишь
Хоть слегка?

Томит смертельная тоска,
Нет больше сил;
Я не свершил
Обета — уж в моих глазах
Смертельная
Мелькает мгла.
Ну что ж? Живи — хоть далека!

Коль сердце верное, — оно
Идет, не думая,
Вперед,
Не передумает
Стократ; не повелит глядеть
Назад,
Умрет за слово лишь одно.

Судить умеешь ты умно,
Так своего утешь раба,
Не говори, что не судьба,
Вернись, никто

Тебя за то
Не упрекнет, —
Мне так темно!

Как я люблю! Я удручен,
Но не скажу я ничего,
Когда придешь; ни одного
Не в силах слова
Молвить я, —
Безжизненна душа моя,
Рассыплюсь в прах, испепелен.

Твой взгляд еще ни разу мне
Не подарил любви огня.
Ты не вернулась и, меня
Ища, не кликала к себе.
Горячей крови
Нет в тебе.
Прощай! Ты слышишь ли мой стон?

Увы, не любишь ты меня!
Твоим сияющим лицом
И телом, пышущим огнем,
Велел аллах
Мне наслаждаться
Лишь в мечтах,
Неблагодарностью казня.
Стрелу метнула ты в меня
Слепую, — бог судья тебе.
Но знай: никто в своей судьбе
Не волен. Твой неверный шаг —
На справедливости весах.
Не будет он никем прощен
До рокового смерти дня!

1889

ОБРАЩЕНИЕ ЖИГИТА

Шлю, тонкобровая, привет!
Похожей не было и нет!

Когда тоскую по тебе, —
Мне слезы затмевают свет.

Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не был мир согрет.

Одной тебе моя любовь,
Твой образ — он давно воспет.

И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет;

Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред;

И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет

Не смогут остудить во мне
Твоей красы горящей след.

На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,

Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих;

В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них

И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.

Тобой насытиться нельзя, —
Рукою по шелкам скользя.

Я замираю, потрясен,
И ты огнем пылаешь вся.

Мы — вместе. . . Юрта нам мала. . .
Но ты не здесь, ты не пришла. . .

И все ж я — сокол, и тебя
Настигну, где б ты ни была.

В тебе — ни жадности, ни зла ;
И горделива и смела,

• Ты час от часу ближе мне,
Ты мне все более мила.

Приди, приблизь свиданья час.
О мой фазан, позволь хоть раз

Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

1889

ОТВЕТ ДЕВУШКИ

Своим письмом к себе маня,
Сумел ты покорить меня ;
Решай же сам мою судьбу, —
Мне без тебя не жить и дня.

Льстецов настойчивых гоня,
Жар неподдельного огня
В тебе я вижу, для тебя
Нет слов отказа у меня.

Твои слова умны вдвойне,
Я — словно масло на огне ;
Слова горят в моей груди,
И закипает кровь во мне.

Умчишь с собою на коне —
Я буду счастлива вполне ;
Уйдешь — несчастнее меня
Не будет девушки в стране.

Но милость любящей яви :
Меня на слове не лови,
Не увлекай, не унижай,
К себе в насмешку не зови,

Уж лучше сразу отрави, —
Потухнет жар в моей крови;
Мне легче умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

О дерзкий сокол боевой,
Ты сыт добычею живой!
Немало девушек стоят
У входа в дом просторный твой.

Но если ты навеки мой,
Не надо мне судьбы иной,
Ты — белый сокол, я — фазан,
Бери и насыщайся мной.

Пусть шелковинкой полевой,
Тростинкою береговой
В твоих объятьях изогнусь,
Замру от страсти огневой.

Обдумала ответ я свой,
И простодушный и прямой,
Пойми слова мои, жигит,
Почувствуй сердцем и душой. . .

Запомнит юный и седой
Пусть девушки ответ простой,
И сложит песню, и зажжет
Сердца жигитов песней той.

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил,
Для всех, кто сердцем молодой.

1889

* * *

Вдоль спины заплетенные косы лежат,
И шолпы отвечают движениям в лад,
Взор под шапкой бобровой волнует меня.
Нет, такой красоты не встречал еще взгляд.

Бархатистые черные звезды очей
Льют в смятенное сердце потоки лучей.
Что за голос! Улыбка! Как телом нежна!
Кто посмел бы сравниться средь девушек с ней.

Высока, с легкой ножкой, пленительный стан..
Ты другой не ищи средь полуденных стран.
Все мне кажется, где-то я видел уже
Это зрелое яблоко, нежный шафран.

Если пальцы чуть тронут ее локоток,
В самом сердце почувствуешь крови толчок.
А лицо к ней наклонишь — горячая страсть
Разольется по жилам, как бурный поток.

1889

* * *

Друга стойкого средь людей
Никогда нигде не найдешь:
Кроткий видом — в душе злодей,
Сеет сплетни, насмешки, ложь.

Доброте его ты не верь,
У таких наготове месть:
Ошибешься ты — и, как зверь,
Уж готов он тебя заесть.

Все про верность тебе твердит,
Распинается краснобай, —
Не забудь: он враждой кипит,
И речам его не внимай!

Я всю жизнь надеждой дышал,
Верил — в людях увижу свет,
И немало добра свершал,
Но лишь злобу нашел в ответ.

Кто виновник бед и кто прав?
Жизнь окутана в черный мрак.
У людей уж таков устав:
Изменяет друг, злобен враг.

Неугоден им честный путь,
Избегающий темноты,
Так поддержит ли кто-нибудь
Правдолюбцев таких, как ты?

1889

* * *

Где ж ты, пламя юности моей?
Не взволнуешь сердца почему?
Я постиг премудрость жизни сей,
Красоты ж не разгадать уму.

Зная цену хитроумью, лжи,
Не старайся слишком добрым быть.
Сердце силою вооружи,
Без усилий счастья не добыть.

Радостей любви не испытав,
Как поймете их значенье вы?
Если горе слишком тяжко — прав
Тот, кто не жалеет головы.

Друг тогда поистине хорош,
Если он с тобой в беде, в борьбе.
Если сам свой скот ты не пасешь,
Кто ж его пригонит вдруг к тебе?

Сам хозяин ты судьбы своей,
Труд — отрада, лень — жестокий бич.
Мало толку в пышности речей,
Если смысла знания не постичь.

Надобно запомнить это всем:
Кто живет без цели, без забот, —
Под конец останется ни с чем.
В рот само ничто не упадет.

1889

* * *

Вовек не развеется черная пелена.
И солнце затмится, погаснет во тьме луна —
Любимей тебя не найду никого на земле.
А ты отвернулась, а ты равнодушья полна.

Другого найдешь ли иль прошлому будешь
верна,

Тоска моей жизни тебе до конца отдана.
Покорно снесу я любую насмешку твою,
Любую обиду покорно я выпью до дна.

1889

* * *

Звереет бай.
Скудеет край
Людьми с хорошей душой.
Правитель тут —
Презренный плут,
Народ обирает свой.

Не разберешь,
Где правда, ложь,
Где ноги, где голова.
Власть — за стеной,
Правитель свой
Дышать нам дает едва...

Ему цена
Везде одна!
С начальством угодлив, тих,
Но, ждя наград,
Вцепиться рад,
Как бешеный пес, в своих.

Ждем тщетно век,
Чтоб человек
Достойный был на посту.

Плут роет нам
По сорок ям,
Пуская в ход клевету.

Он щедрым был,
Он всех купил,
Чтоб волостным ему стать,
Семь шкур теперь
Сдирает зверь,
И внешность — нутру под стать.

Народу враг,
Он каждый шаг
Его сторожит везде,
Там — съезд, а тут
Уездный лют, —
Спасения нет нигде!

Нет братских уз,
Твой ближний — трус.
К кому ты пойдешь в беде?
Дымит костер
Взаимных ссор.
Споткнешься — опора где?

На склоне лет
Не мил мне свет,
Устала душа моя
От грязи всей,
Измен друзей,
Кому доверялся я.

А так взглянуть —
Мой славен путь,
Кадят мне со всех концов.
Но что за честь
Пустая лесть
Фальшивых душой глупцов?!

1890

• Дорогой долгой жизнь водила.
Одно осталось мне — могила.
Но мой язык еще мне друг,
Способен усладить он слух,
Но слушатель мой слишком глух —
Судьба такими наделила!

И вот я дожил до седин,
Я плел слова — о том, об этом.
Но есть ли в мире хоть один,
Кто б внял благим моим советам?
Я шел путями бытия,
С невеждами боролся я,
И вот я вышел на вершину...
Так бег прерви и на лету
Не втискивайся в тесноту,
Свой шаг умерь наполовину!

Чтоб скорбь на плечи не легла,
Чтобы в тупик не завела,
Душа, должна ты вострепнуться,
И, как птенец, на свет взглянуть,
И крыльями легко взмахнуть,
И снова — ввысь и снова — в путь.
Тебе бы к небу дотянуться!

Как сердцу горе перенести?
В тяжелом сердце слов не счесть.
Пусть слушает, в ком сердце есть!
Душа все выплакать готова.
Уже печали вызрел плод,
Огонь в груди шумит, и вот —
Оно зашевелилось, слово.

Невежд — не счесть, а ты один,
Над ними ты не господин.
С бессовестными как общаться?
Их одолел зазнайства зуд,
И зло творят, и ложь несут.
И страх прошел: безмолвен суд,
Безумцам нечего бояться!

Глушцов к рукам прибрать? — Едва ль!
Покинуть родину мне жаль,
Но душу гложет мне печаль,
И тянет, тянет к высям горным.
Создатель был ко мне суров,
Всю жизнь терплю от подлецов,
Я одинок в доме отцов.
Так, значит, надо быть покорным!

Я назван гордо — человек.
Но слава не придет вовек,
Народом пущен конь молвы,
Несется он стремглав, как птица.
В толпу стремишься ты? — Увы!
К толпе не должен ты стремиться.

Ты дома у себя сиди,
Но нет, создатель наш, прости!
Я не могу в доме зарыться.

Допустим, у тебя жена,
И видишь ты: она грешна.
Твоя душа не смущена?
И знаешь ты, на что решиться?
А жить трудней день ото дня. . .
Такое же и у меня
Смятенье: мучает и — длится.

1890

* * *

Всем пресытиться может душа,
Только песня всегда хороша.
Если ты вдохновенно поешь, —
Грудь ликует, свободно дыша.

Голос мой, заливайся и пой,
Гордых дум пусть закружится рой.
Пусть текут мои слезы ручьем,
Душу всю заполняют собой.

Кто шатается по свету, тот,
Как невежда, меня не поймет.
Только твердый душой человек
Этих звуков услышит полет.

А не вникнет в них — все равно,
Пусть волнуется сердце одно,
Пусть проверит мои слова:
Живо горе, что село на дно.

Скорбь колышущимся огнем
Подымается в сердце моем,
И умру я, оставив стихи
Лишь для тех, кто поймет их потом.

Кто несчастней меня живет?
Пусть услышит меня народ.
Кому нужно слово мое,
Тот его пускай и возьмет.

Что мне пользы, коль вызовет стих
Восхищенье судей тупых?
Пусть уж лучше найдется один,
Кто поймет смысл мечтаний моих!

Много вас, но не каждый казах
Разобраться способен в стихах;
Ни познаний у вас, ни ума —
Вам волками бы рыскать в степях.

Вы сердца не хотите раскрыть,
Слухом стих вы привыкли ловить,
И лишь поверху ум ваш скользит. . .
Что ж впустую мне вам говорить!

1890

* * *

О любви, душа, молишь вновь,
Не унять смятенье твое, —
Так желанна сердцу любовь,
Желанна отраве ее!

Вся тоска, вся горечь невзгод
Над огнем души не властна.
Лишь любовь — твой верный оплот,
Лишь с тобой угаснет она.

А того, кто жил не любя,
Человеком назвать нельзя.
Пусть ты наг и нищ — у тебя
Все же есть семья и друзья.

Довелось бы брести впотьмах,
Если б дружбы не вспыхнул свет.
Слава — тлен и богатство — прах,
Если верного друга нет.

1890

ВЕСНА

Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля,
Все живое обласкано солнцем степным,
Словно мать и отец, рада наша земля.

И смеется, и песни поет молодежь,
Да и старых по юртам ищи — не найдешь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдеж.

На весеннем кочевье аулы сошлись,
В общей радости родственники обнялись,
А знакомые просто, шутя и смеясь,
Обо всем толковать по душам принялись.

Верблюжонка верблюдица громко зовет,
Блеют овцы, в кустах птичий гомон встает,
Мотыльки — над травой и в ветвях тополей,
Заглядевшихся в светлое зеркало вод.

Сколько птицы! В любом озерке и пруду
Тронь осоку — и лебедь пойдет в высоту.
Скачешь — смотришь, как спущенный сокол
ручной

Из-под облака лебедя бьет на лету.
Возвращаешься — девушка крикнет:

«Постой,
Покажи, что добыл, молодой, холостой!»

И все девушки лучший надели убор,
И долины в тюльпанах, как пестрый ковер,
В приозерных низинах гремят соловьи,
Им кукушки зарей отзываются с гор.

На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев двоятся отары овец;
Тяжек труд земледельческий — вспашка,
посев,
Но земля все ж сторицей воздаст под конец.

Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Все, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам в милость
природы-творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца.
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.
Все дивится ликующей силе земной,
Все живет, кроме черного камня-гольца.

Старики одряхлевшие, снега седей,
Согреваются, смотрят на игры детей;
В голубых небесах — певчих птиц голоса,
На озерах по заводам — крик лебедей.

В полночь — яркие звезды, большая луна.
Как же им не гореть, если полночь темна?
Но померкнут они, лишь наступит заря,
Животворного, ясного света полна.

Звезды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених ее — солнце, — о встрече моля,
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Только ветер великих просторов земных
Долетит через тучи до звезд золотых
И расскажет, как счастлив с невестой жених,
Как весь мир согревается радостью их.

Ведь всю зиму земля, поседев добела,
Жениха своего терпеливо ждала.
И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.

Глянуть прямо на солнце — болеть слепотой.
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой, повитый закатом шатер золотой.

1890

* * *

Отца и матери услада,
Лелеемый от нежных лет,
Ты был им бóльшая отрада,
Чем солнца свет и вешний цвет.

Но детство пролетает,
Сыночек подрастает,
Да только проку нет.

Свели к мулле тебя с надеждой,
Что, мол, научит кой-чему.
Увы, учитель твой — невежда!
Как мы доверились ему?

Надеждою питалась
Душа... Не оправдалась
Надежда первых лет!

Из паренька не вышло толку.
В тоске родители его.
Опять сынок их знает только
Свой дом — и больше ничего.

Одумайся, беспечный!
Опоры — знай! — не вечны
У дома твоего.

Был сын, достойный восхищенья,
Любви достойный сын, — и вот
Не сын — источник огорченья
Теперь в дому твоём живет.

Ничем, увы, не стал он,
Ничем не оправдал он
Родительских забот.

«Что ждет меня?» — себя он спросит,
Да поздно. И махнет сынок
Рукой. . . Сомнения отбросит,
Покорно примет темный рок.

Ты беззаботных тоже
Видел судьбы? И что ж,
Какой урок извлек?

1890

* * *

Не продохнуть,
Полнит мне грудь
Горе и жжет, как огнем.
Зла не уйму,
И никому
Не рассказать мне о нем.

Чувствую стыд,
Робость томит.
Встретится ль кто из людей, —

Я, как дитя,
Взгляд опустя,
В бегство пускаюсь скорей.

Дух мой смущен,
Пища и сон
Сделались мне не нужны.
Как я изныл,
Нет во мне сил
Милой достигь тишины.

Сердце в огне.
Боже, где мне
Душу свою утолить?
Дай мне на путь
Верный свернуть!
Дай путеводную нить!

В ветре листвою,
Юной, живой,
Тополь шумит, стоголос.
Горем я пьян,
Мокр мой чапан
От набегающих слез.

Гордым я был,
Горе забыл,
Нынче на сердце недуг.
Тягостно мне:
То я в огне,
То леденею весь вдруг.

1890

* * *

С невеждами не знался, не братался,
Глупцами их назвал и заклеимил.
Перекроить весь мир намеревался —
Свои я силы переоценил.

Не находил я друга в трудном деле, —
В борьбе с глупцами горько было мне:
Мои призывы в пустоту летели,
А сверстники стояли в стороне.

Невыносима равнодушья сила,
И отчужденья тягостен мне взгляд.
Потянешься к друзьям — не тут-то было:
Артачатся и пятятся назад.

Один поддакнет и промчится мимо,
Другой махнет беспечною рукой,
А сил все меньше. Все неутомимей,
Все крепче старость тянет на покой.

Как кляча, я устал в дороге долгой,
Я гость своих детей, своей жены.
И вижу я, никем не сбитый с толку:
Все тот же он, народ моей страны.

Не болен я — печален я, однако
Задуматься над этим стоит, брат.
Куда ни погляжу я — козни, драка
За почести, и сплетни, и разврат,

Погоня за чинами, барымта.
Везде борьба за славу, за места.

Толпа плутов, хлыщей и казнокрадов
Проводит в буйном пьянстве ночи, дни.
А истинная дружба, — «Что за радость?
Какая скука!» — говорят они.

О, знал бы ты, как мне противно это.
И я устал, и ты устанешь, брат.
Весь век свой старец призывает к свету, —
Никто не внемлет, — он не виноват.

1891

* * *

Погляди на молодежь —
В ней ты дружбы не найдешь.
Каждый в злобе и досаде
На другого точит нож.

И торгуют искони
Честью, совестью они.
Им трудиться нет охоты —
Время есть для болтовни.

В пустяках он — господин,
Интерес его один,
Как нажрется, словно боров,
Так и спину трет об тын.

Подлый смех в его глазах,
Злые шутки на устах,
Только хрюканье свиное
Слышится в его словах.

1891

* * *

Он не думает, не видит
Дальше носа своего.
А когда на люди выйдет,
Важничает, — отчего?
Слыша «неуч» не впервые,
Отвечает: «Перст судьбы!
Не равны ли все земные
У создателя рабы?»

Кто глаза души раскроет,
Истину увидит тот,
Солнце правды ум омоет,
Сердце счастьем расцветет.
А невежды душу злую
Ночи мгла заволокла.

Не живя, а существуя,
Он ушел в свои дела.

И мулла в чалме огромной
Вкривь толкует наш закон.
Жаден, слеп душою темной, —
С беркутом не схож ли он?
Если сердце без просвета,
Ждать добра — напрасный труд.
Но из всех, кто слышит, это
Лишь немногие поймут.

1891

* * *

В те дни у тебя юных лет огонь
В душе пламенел, был отважен взгляд,
Желаний твоих быстроногий конь
Скакал, не боясь никаких преград.

Надежд — без конца, коротка печаль,
Тебя не давил страданий гнет;
Ты верил тогда: голубая даль
К заветной мечте нас всегда ведет.

Не силою грубой и не мольбой —
Умом, лишь умом ты искал путей,
Не тешил себя ненужной хвальбой,
Улыбкой всегда веселил людей.

Ты сдерживать силу свою привык,
Удар отразить отважно умел,
Трепать не любил по-бабьи язык,
А в битве всегда был душою смел.

Но юные дни пролетят, как дым,
Навеки огонь прошлых лет замрет.
Входи ж и теперь стариком седым,
С душой молодой в древний мир забот.

Не каждому верь. Отходи от зла, —
Враг в сверстнике часто бывает скрыт:
Улыбка его на лице светла,
А в сердце давно скорпион сидит.

С друзьями навек связь дружбы упрочь,
А мести к врагам в душе не таи:
Раскаянье — спешки родная дочь,
Терпенья часы — вот друзья твои.

Дверь сердца тому широко раскрой,
Кто с честью сквозь жизнь может имя
несть.

Гони от себя подхалимов рой:
В хвале их живет и лукавит лесть.

Изменчивый, лживый и злобный свет
Эдемом зовет молодой жигит, —
Он жаждет услышать от всех привет,
Не видя нигде западни обид.

На празднестве жизни пирует всласть,
Не тратя на выбор дум и хлопот.
Жигита ведет единая страсть:
Он хочет, чтоб славил его народ.

Наивна душа его и слепа,
И верит обману лукавых слов,
Но разве не ложь изрыгнет толпа
В ответ на его простодушный зов?

Солги старику, бессовестный лгун, —
Сдержу я укор. Но не тронь камыш:
Гляди, как он свеж, как он зелен, юн, —
Огнем льстивых слов ты его спалишь.

К тебе ль не идет молодежь толпой,
Лицом на лжеца разве ты похож?
Упрек услышав: «Ах, ты вот какой!» —
Что скажешь ты ей, покраснев за ложь?

1891

* * *

И краснеть, и бледнеть,
Сердцем дробь отбивать,
На других не глядеть,
Друг о друге вздыхать. . .

• Так мы страсть узнаем:
Встреч влюбленные ждут,
Но, оставшись вдвоем,
Нужных слов не найдут.

На свидание к ней
С дрожью в сердце идет,
Легкий шелест ветвей
Другу весть подает.

В сердце трепет и страх,
В пальцах холод, ледок. . .
Жар — то весь на щеках,
То незримо глубок.

Жжет плечо, а меж тем
Пред глазами туман.
Кто целуется — нем.
Кто целуется — пьян.

Их скрывает листва,
Сверху полночь глядит.
И лепечет едва
Та, с кем рядом жигит.

Только б чуял плечом,
Только был бы любим. . .
И блаженство лучом
Их пронзает своим.

Кончив с робостью спор,
Пышут жаром тела,
И растроганный взор
Застит влажная мгла.

Глубь суждений, цвет слов,
Что б вы сделали тут?
Вас под пламенный кров
Не зовут, не зовут!

1891

Ты — зрачок глаз моих,
Пламень душ золотых.
Сердцу мук не избыть,
Столь глубок шрам от них.

И мудрец весь седой,
Покачав головой,
Скажет: «Нет, средь живых
Не встречал я такой!»

Весь в слезах я брожу
И тоской исхожу,
Жемчуг слов дорогих
Для тебя нахожу.

Не страшись, что в тиши
Говорю от души,
Иль самой невдомек!
Дивный день предреши.

Ты поймешь до конца,
Что палит нам сердца.
Взор твой скрыт, скромн вид.
Но горяч жар лица.

Холодна ты вполне
И к другим и ко мне.
Боль тая, слезы я
По твоей лью вине.

Косы тьмой, тьмой ночной
Над зарей, над рекой.
Лоб широк, взор глубок. . .
Ты лицо приоткрой!

Яркий рот — сладкий мед,
Блеск зубов — словно лед.
Потерял я покой,
Взгляд живой сердце жжет.

Гибок стан и высок.
Гнет его ветерок.
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.

Пусть дотла сердце сжег
Взор, что чист и глубок.
Страсти раб, я ослаб,
От любви занемог.

Ты грустна — даль темна.
Ты ясна — нам весна.
Смех твой — звон соловья,
Вся душа им полна.

То гневна, то нежна...
Не пьяни допьяна!
Что мне дом без тебя,
Мне и жизнь не нужна!

Как восход, как закат —
Заревой твой наряд.
Лишь взгляну на тебя,
Жаждой весь я объят.

Лучше ты во сто крат
Всех похвал, что твердят.
Должных слов не найду,
Что восторг утолят.

Знает млад, знает стар:
Красота — божий дар.
Нам пророк повелел
Быть в сетях милых чар.

Мне слова не даны,
Стоны мне суждены,
Сердцу ты, только ты
Шлешь мечты, даришь сны.

Все, как я, влюблены,
Все, как я, не нужны,
Сердца стон так звенит,
Что слова не слышны.

Но к тебе нас манит
Пламя ласк и обид.
Нежный смех чуть сверкнет —
Страсть сильней закипит.

Кто не смел — не жигит.
Злая страсть нас томит,
Скоро ль день тот придет,
Что мой жар утолит?!

1891

* * *

Что ты ищешь, моя душа?
Молви правду хотя бы раз!
Ты тревожишь меня, спеша,
Потолкуем с глазу на глаз.

Гордецу — похвалы рекой
Льет изменчивая толпа.
Мало проку в славе такой,
Коль глуха она и слепа.

Разве встретит мудрец привет
У того, кто чести лишен?
Там, где крохи совести нет,
Льстивый вздор лишь услышит он.

Затхлым запахом сточных вод
Мысли наши поганит лесть.
Ты, найдя правдивый народ,
Должен всем его предпочесть!

Здесь продажны слово и вздох,
Покупать же их не с руки —
Восхваленья лживых пройдох,
Что, кружась, жужжат, как волчки.

Лестью грубою тешить слух
До предела постыло мне!
Нет, не сыщешь любви у шлюх,
Где не страсть, а деньги в цене.

Я не раб дешевой хвалы,
Пусть я буду славой забыт!
Люди часто пусты и злы,
Смерть излечит от всех обид.

Ведь земная жизнь, как волна!
Мимолетно бежит она,
• Хороша она иль дурна —
Все равно отравы полна.

1892

* * *

Сердце, полно тебе колотиться,
От насмешек людских не уйдешь.
Разве ты не смогло убедиться,
Что везде лицемерье и ложь?

Горевал сиротливый ягненок,
Успокоился, щиплет траву.
Только сердце — тревожный ребенок —
Не утихнет, покамест живу. . .

Где найдет оно сердце другое?
Как поверит в него до конца?
Жизнь без смысла, добра и покоя —
То не жизнь, а затея глупца.

Говорил ты, что дружба, как бремя,
Сети хитрости плел в тишине.
Но хитрец не хитрее, чем время:
Что ж ты нынче явился ко мне? . .

1892

* * *

Пока твой развернутый стяг
Победно не выхватил враг,
Пока не пятнал тебя знак
Позора средь стычек и драк,
Пока ты красуешься так,
Пока твое сердце — маяк,
Пылает, аляя, как мак,
Пока ты всем веришь, добряк,
Пока на джайляу твоих
По-прежнему родится злак,
Пока твой поток не затих,

Пока он еще не иссяк,
Пока не одел тебя мрак,
Пока не запнулся твой шаг, —
Поверь мне, что жребий твой благ,
Покойно в могилу ты ляг!

1892

* * *

Холод, жар. . . Молод, стар, —
Каждый знал страсти власть.
Но, родник дивных чар,
Без следа сгинет страсть.

Ясный свет юных лет,
Вера в жизнь и мечту, —
С чем сравнить вешний цвет,
Юных лет красоту!

То, гордясь, говоришь:
«Помню я счастья дни!»
То, стыдясь, говоришь:
«Что мне в них, где они!»

Эти дни для тебя —
Смутный сон, жалкий бред.
О былом, прожитом
Толковать смысла нет.

Слов живых не дано.
Ты весь век жил темно
И чужих слов живых
Не поймешь все равно.

1893

* * *

Хвастун, наглец,
Бездельник, льстец!
Когда приходит он,
Свой прячу лик,
Скрываюсь вмиг,
Растерян, возмущен.

Себя во всем
Он образцом
Считает, зол и груб.
Блудлив в речах,
Широк в гостях,
Он дома нем и скуп.

Их всюду — рой.
Они толпой
Пристанут, как с ножом.
Не дашь им — враг.
Охотясь так,
Живут лишь грабежом.

Злословье, лесть. . .
Где совесть, честь?
Торгуют клятвой, всем. . .
Всех ловят в сеть,
Чтобы раздеть;
Что вырвут — живы тем.

Весь этот сброд
Мугит народ,
Повсюду — ложь, обман.
Стал баем — свят,
Стал бием — брат,
И норovit в карман.

Но как ни чти,
Как ни плати, —
От них покоя нет.
Мерзавцы сплошь.
Кого найдешь,
Чтоб добрый дал совет?

И нет средь тьмы,
Кого бы мы
Любить и чтить могли.
«Батыры» те
Нас к нищете
И бедам привели.

Нагла их рать. . .
Попробуй сладь
Словами с подлецом!
Я им внимал,
Я им давал,
Раскаиваюсь в том.

1893

* * *

Ну, поверю, поверю вполне
Я словам твоим, сказанным мне:
«Кто в чалме — тот святой человек», —
Промолчу об их черной вине.

Ну, поверю: они хороши
И добро совершают в тиши.
Если к благу ведет хоть один,
Буду первый я рад от души.

Будет сердце мое не мертво.
Ведь не сказка ж — добра торжество!
«Чести муж» — не пустые ж слова!
И, быть может, я встречу его. . .

Снова вспыхнули б в сердце огни,
Как в былые, как в юные дни.
Ведь мечтами такими я жил,
Но давно облетели они!

Враг без жалости сердце иссек,
На душе моей — холод и снег.
В тщетных поисках истины я
Свой кончаю скитальческий век.

Не нашел я того, что искал.
Всюду козни и зверский оскал.
И отравлена ядом душа,
И напрасно искать я устал.

Все испытано! Не прекословь. . .
Оттого и насуплена бровь.
Верь, коль можешь. . . Как верил и я. . .
Но уже не поверю я вновь!

1893

* * *

• Здесь добро забывается скоро,
Зло надолго заводит ссоры,
Конь надежды, ослабив повод,
Не спешит к нам, полный задора.

Как его ты ни гнал бы плетью,
Конь уступит дорогу бедам:
Об одной не успел подумать —
Сотни новых несутся следом;
Рыщет горе-жигит за нами,
Не расстаться нам с грозным дедом!

Пока не рассеются тучи,
Не увидишь ясной лазури;
Пока сердце тревога мучит,
Душа не осилит бури.

Пока не развеется горе,
Губ твоих не коснется улыбка. . .
Терпи же, с невзгодой споря,
Не склоняйся по-рабски гибко.

Кто безволен и слаб душою,
Сам заслужит себе воздаянье:
Налетят беда за бедою,
Обрекут его на скитанья.

Так встречай же несчастье грудью,
Отражай его твердой рукою!
Но хитры и лукавы люди
И лишают меня покоя.

1893

* * *

Как сберутся на совет —
Мирная беседа,
Разойдутся — так сосед
Очернит соседа!

Слово хочет кто сдержать,
Пустьят вмиг по миру,
Чтоб при этом поддержать
Ловкого проныру.

Если с этой силой ты
Вздумаешь бороться,
Брось напрасные мечты —
Сладить не придется.

Одурачен наш народ, —
Каждому понятно,
Если бий добро берет,
Не вернет обратно.

За барана твоего
Он козленка всучит,
А не выйдет по его,
Он тебя замучит.

Бий не спорит с богачом,
С ним нельзя судиться —
Ему правда нипочем,
Лишь бы поживиться!

С ним судиться захотел —
Будешь сам в ответе. . .
Ах, печален наш удел,
Правды нет на свете!

Так народ наш обошли,
Скручен он врагами
И не чувствует земли,
Бедный, под ногами.

И средь мелочной грызни,
Крупного разбоя
Протекают наши дни —
Нет для нас покоя!

1894

* * *

Вот и осень пришла для меня.
• Как я силы в руках сберегу?
В мыслях май расцветает, мая,
Но весны я вернуть не могу,
Снег и в мае порой на душе, —
Как распустится роза в снегу?
Но в груди если пламя живет,
Не погаснет оно и в пургу.

Близорук человеческий взгляд.
Даль не манит бескрылых людей.
Ничего они знать не хотят,
Кроме мелких, корыстных затей.
Они хитрой полны суетой,
Они в жадности волка лютей:
Затесаться бы гостем на той,
Нахватать бы послаще костей.

Обмануть, поживиться, пролезть,
Погулять на чужие гроши. . .
«Не зевай!» — вот их мудрость и честь.
Вот бахвалятся чем торгоши!

Лишь пройдоха для них человек,
Кто смирен — того трусом зовут.
Неужели же счастье вовек
Без обмана не встретится тут!

1894

* * *

Я нашей молодежью огорчен.
Ее бесчестьем, спесью возмущен.
Она творить и править не способна.
Ловчилы и рвачи со всех сторон.

Зло их не огорчает, добро — не впрок,
Им не преграда — вера или бог,
Торгуют клятвой — только конь им нужен
И полный жирной пищи котелок.

К чему такой пригоден ветрогон?
В каких ремеслах преуспеет он?
Он норовит свой век прожить обманом,
В любом кругу доверия лишен.

Такой обманет здесь, надует там.
Его душа подобна лоскутам.
Пусть он клянется, душу продавая, —
Никто не верит плутовским словам.

1894

* * *

Язык любви — язык без слов,
Лишь чувства, ощущений зов,
Мгновенный взгляд или улыбка —
Его основа из основ.

Когда-то с этим языком
Я был до тонкости знаком,
Но для меня его значенье —
Увы! — давно уж под замком.

1894

* * *

Будь разборчив в пути своем;
Если ты талантлив — гордись
И надежным лишь кирпичом
В стену строящуюся ложись.

Убегающий видит путь,
Догоняющий вслед спешит.
Воля с разумом их ведут.
Справедливость — вот свет души.

Если воля есть, ум живет.
Доброты же и правды нет, —
Впереди огонь, сзади лед,
И никак не уйти от бед.

Удержи корысти порыв,
Похвалы не ищи смотри, —
Недостатки искусно скрыв,
Лишь в борьбе победу бери!

Волю дав хвастовства словам,
Не мечтай других превзойти;
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути.

Тверже ногу, шагай смелей, —
И тогда не погибнет труд:
Речи тех, кто учит детей,
Как зерно, в земле прорастут.

1894

* * *

Ты услышь, о господь,
Вдох молитвенный мой.
Дай мне страх побороть,
Ниспошли мне покой.

Что тоски моей злей!
Как тебя не молить!
Ты меня пожалей,
Мне без сына не жить!

Сердце бьется в огне,
Грудь застыла моя,
И тебе в тишине
Шлю моления я.

Ведь молениям рабов
Вечно внимлет аллах.
Пусть он будет здоров!
Снизойди! Я в слезах.

Боже! Руки дрожат,
Мой безмолвен язык.
Сын! Утешит мой взгляд
Только свежий твой лик.

Буду пламень и лед
Я опять и опять,
Если бог не пошлет
Мне любимца обнять.

То надежда, то страх
В мою душу войдет,
Нету склада в словах,
Мысли бродят вразброд.

Что же это стряслось?
Как болит моя грудь!
Как бы врач на авось
Не решил что-нибудь.

Не недуги твои
Мне страшны, но, любя,
Чую, сын, — не таи, —
Что-то точит тебя.

Коль не сыщешь врачей,
Колдунам не внимай,
Денег, сын, не жалей,
Даром дней не теряй.

Сыпь же деньги врачу,
Пусть сияет он, пусть,
Лишь бы нас — я хочу —
В ночь не мучила грусть.

Абсамет, говорят,
Мой племянник, с тобой.
Отплатить ему рад
Я услугой любой.

Чтить по-дружески нам
Друга — сладкий удел.
Я бы выехал сам,
Да не кинуть всех дел.

Плач нам взор утомил.
Бледны щеки у нас.
Чтоб набрался ты сил,
Молим каждый мы час.

Ты письмо, что прочтешь,
Во вниманье прими.
Если силы найдешь,
Приезжай, не томи.

Ведь родной твой приют,
Весь народ твой, весь край —
Все любимого ждут,
Всею ведь дорог ты, знай.

«Боже!» — шепчут вокруг.
Все понурые тут,
А поборешь недуг —
Все сердца расцветут.

1894

* * *

Аллах, молю тебя стократ:
Будь мне опорой во всем.
Ведь не напрасно все твердят
О милосердии твоим.

Создатель, на меня взгляни!
Молю тебя я об одном —
Для нас Абиша сохрани,
В несчастье помоги моем!

Узреть дай ближним поскорей
Его прекрасный лик, — ведь в нем
Вся скорбь, вся боль души моей,
Теперь снедаемой огнем.

Я не пишу, а слезы лью.
Ты видишь — в горести мой дом.
Иссякли силы, я стою,
Как перед смертным рубежом.

Я о себе пишу, аллах,
О горе я пишу своим,
Ищу забвения в стихах, —
Так исцелиться жаждут сном,

1894

Что сказать, когда в тоске¹
Молкнет речь на языке?
Как писать, когда перо
Замерло в моей руке?

Будь язык мой прям и строг,
Лейся правдой этих строк,
Так, чтоб даже Магавья
Уличить тебя не смог!

Если в нас клокочет кровь,
Не болезнь то, а любовь, —
И письмо, что я пишу,
Перечти ты вновь и вновь.

Для тебя, скажи скорей,
Ясен смысл строфы моей?
Скажешь: «Не твои слова», —
Я не вор чужих речей! . .

Эти речи так полны,
Эти мысли так ясны!
Нет, конечно, ты не прав,
Чувства людям всем даны!

Ну, так лейся, дружбы песнь,
И в твою, мой милый, честь!
Магавья, ты можешь суд
Надо мною произнести!

Я хочу, чтоб ты домой
Шел здоровый, не больной.
Критиков я не боюсь,
Сам я критик неплохой.

Как дождусь поры ночной,
Так иду я на покой,
Всем учителям своим
Благодарен всей душой.

¹ Письмо сыну Абдрахману от имени Какитая, племянник поэта.

Но в молитве перед сном
Я взываю об одном:
Для покоя моего —
• О здоровье о твоём.

Если ты здоров вполне,
Вольно дышится и мне.
Ах, как много предстоит
Нам бесед наедине!

Был бы я в твоём дому,
Знал бы, верно, что к чему.
Магавья, он при тебе —
Я завидую ему.

Ты мне радость, ты мне свет,
Ты души моей расцвет,
Ароматный мой цветок,
Без тебя мне счастья нет.

Я в своих словах простых
К небу возношу мой стих,
Пусть навек господь любовь
Утвердит в сердцах людских.

Я хочу, чтоб в этот час
Он услышал скорби глас,
Чтоб он друга моего
От болезни тяжкой спас.

Умоляю, будь здоров!
Чтобы всю мою любовь
Рассказать в простых словах,
Не найти достойных слов.

Я печален, огорчен,
Взор мой горем омрачен,
Все горит — и мозг и грудь,
Нет отрады мне ни в чем.

Крепко мною ты любим,
Я хочу письмом своим
Совладать хотя б на час
С одиночеством твоим.

Может быть, мои мечты
И наивны и просты,
Но хочу я одного:
Чтобы выздоровел ты!

1894

* * *

Я много разных слов сказал до этих пор,
С печалью устремлял я в будущее взор
И думал: умные проникнутся стыдом
И станут честно жить, народу не в укор.

Но из народов вы — болтливейший народ,
И с первых слов никто друг друга не поймет,
Без сердца жаркого и без горячих слез
Нельзя вам растопить одевший душу лед.

О, не упорствуй так, народ упрямый мой,
Моих речей пойми, подумав, смысл прямой,
Быть может, для себя в них пользу ты найдешь,
Не для забавы здесь я говорю пустой.

Смотри, не заблудись и знай, куда идти,
Пора уж выходить на верные пути.
Когда нет знания и нет любви к труду,
То научись теперь хотя бы скот пасти!

1895

* * *

На двадцать седьмом году
Мудрый мой Абдрахман угас.
Люди добрые, где найду
Столь достойного среди нас?!

Он богатство не ставил в грош,
Теплотой сердечной богат,
Презирал кичливость и ложь,
К цели шел, не страшась преград.

• Был в ученье неутомим,
Скакуну-тулпару под стать,
Безучастный к делам мирским,
Мирозданье хотел познать.

Люди добрые, для чего
Долголетие тем, кто слеп,
Кто не хочет знать ничего,
Чья душа как могильный склеп?!

Был мой сын умен и учен.
Рано бросил он Петербург,
Понимая, что обречен,
Но от нас утаил недуг.

То ли в шутку, то ли всерьез
«Краток век мой», — скажет при всех,
А заметит хоть признак слез,
Так поднимет тотчас же смех.

Он за век свой краткий постиг,
Что иной — за сотню годов:
Изучил он множество книг,
Видел множество городов.

На Кавказе был и в Крыму,
Посетил Сибирь, Туркестан.
Все давало пищу уму,
Жаден к знанью был Абдрахман.

Светел был его краткий путь,
Как полет звезды в звездопад.
Можно ль в чем его упрекнуть?!
Все, кто знали его — скорбят.

Непоклончив, дерзостно смел,
Принял он судьбы приговор,
Смерти прямо в глаза глядел,
Не потупил пред нею взор.

А о том, что нам, старикам,
И жене не вернул он долг,
На бумаге поведал сам
Перед тем, как навек умолк.

Он, что опытом и умом
Равен старцу был, мудрецу,
Уходя, скорбел лишь о том,
Что не стал опорой отцу.

Он был вестник нового дня,
Завершаю я прошлый век. . .
Тяжела утрата моя!
Больно! . . Старый я человек. . .

Горем сломлен я пополам.
Слезы горькие лью ручьем,
Будто кто меня по глазам
Что есть мочи хлестнул бичом.

1895

* * *

Голодное брюхо чем хочешь набей,
А сытое — требует пищи вкусней.
Твердящий: «Поел — полбогатства
обрел», —
Вовек не насытит утробы своей.

Ты беден, трудиться не пробовал ты,
Поэтому — только о пище мечты!
Лишь мясо, твердишь, да кумыс хороши,
Но это лишь признак твоей нищеты.

Будь всем бы доступна такая еда —
К иному тебя потянуло б тогда.
Но ты, не умея себя прокормить,
Все клянчишь кусок у других без стыда.

Заброшен, пустынен твой собственный дом,
И в поисках пищи ты рыщешь кругом.
Кто косточку даст иль кумыса глоток, —
За все отработать заставит потом.

Не бойся внаем на чужбину идти,
Вернувшись с достатком, ты будешь
в чести.

У трусов, дерзнуть не посмевших, вся
жизнь
Как ветер, взметающий прах на пути.

Лишь риск и дерзанье несут торжество.
Ленивец вовек не создаст ничего!
Нет грязной работы! Ходи за ослом, —
Ни руки, ни честь не грязны оттого!

Обманом, уверткой добра не обрести.
Приучишься сладко и пить ты и есть,
А как отвыкать, когда все проживешь,
Лишившись покоя, утративши честь?

Трус жалкою крохой доволен весь век.
Презренный удел, и не сыт человек!
Добро ж, без труда нажитое, — не впрок;
Оно испарится, как стаявший снег.

Вот щеголь с коня, натянув удила,
Глядит, где бы сесть у чужого стола.
Бродяг, потерявших способность
краснеть,
Оставь! Убегай без оглядки от зла.

Их много теперь развелось, этих псов,
Вездельников шустрых, бесстыжих шуто
Смотри, как бы ты не умножил ряды
Проклятых бродяг, позабывших свой кро

1895

* * *

Умерло детство — а ты не знал?
Дни радости растерял?
Прошла юность — не удержал?
Встречай же старость — не ждал?
Быть может, в жизни не раз
Непостоянным бывал?
Не раз себе изменял?
Быть может, несчастный, умрешь,
Как тот верблюжонок в хлеву,
Что хлева и не покидал?

1895

* * *

Когда баран войдет в ручей, воде жирней не стать,
И нам смешно, коль станет волк спеша ее лакать.
Как этот волк, гляжу кругом, не вижу ничего.
Ужель просторный этот мир мне мыслью не объять?

Ужель с рождения тебя особый метил знак
И всю вселенную зажать ты хочешь в свой кулак?
Ведняжка, мысль твоя парит в небесной вышине,
А здесь опоры на земле ей не найти никак.

По человеку можно все постичь своим умом,
И уступает наша мысль лишь пред одним творцом.
Я засыпаю, утомлен, и, вновь открыв глаза,
Стараюсь тайну разгадать в дерзании своем.

Но я сомнений отрицать не стану наобум,
Где нет сомнения в душе, там, значит, нет и дум.
И что порой бессильна мысль — меня не тяготит,
Ведь мыслить лучше, чем всегда держать в дремоте ум.

Мы рождены, чтоб мыслить, жить, и кровь нам дал
аллах,
Так как же думою своей не жить нам в небесах?
Ты и не думая придешь к началу своему.
Желаний лучших обрести земной не может прах.

Путь жизни — узкая тропа иль напряженный лук.
Пока ты жив, его аллах не выпустит из рук.
Запомни твердо: правды нет в извилистом пути.
Не поскользнься, идя в полет, вернее целься, друг!

1895

* * *

Прах мой истлеет, но сам не исчезну я, нет,
Хоть не порадует глаз моих вешний рассвет,
Хоть и разлуку такую с телесным моим естеством
Смертью обычной назвать поспешит
легкомысленный свет.

Манит нас этого мира лукаво-обманчивый зов,
 Словно коня, он стреножить нас сетью обманов
 готоп
 Можем ли мы человека умершим назвать,
 Если оставил в наследство он мудрость
 бессмертную слов!

Все привязаны к жизни, но ты рассудительней
 будь
 В кратком пути созерцая лишь вечности путь;
 Хочешь постичь этой жизни страданья и зло —
 В недра спокойных раздумий спеши заглянуть.

Друг этой жизни, для мира иного чужой,
 Делятся сферы миров недоступной межой.
 Жаден ты к жизни, боишься загробной страны —
 Смело скажи, что не хочешь ты верить в нее всей
 душой

1895

* * *

Магиш, родная, не плачь,
 Будь в грозном горе сильна,
 Иначе смертельная боль
 Отравит сердце до дна.
 Увял твой алый цветок,
 Душа от скорби темна.
 Ах, рано ль, поздно ли — всем
 Такая мука дана.
 В разлуке с другом души
 Одна ль ты? Нет, не одна.
 Родная, нас пожалей —
 И наша доля грустна.
 Ты помни общий удел:
 Рожденным — смерть суждена.
 Велик ли ты или мал,
 Сравняет смерть имена.
 Последний час наш пробьет —
 И оглушит тишина.
 Кто сможет смерть превозмочь!
 Она над нами властна.
 В повиновенье у ней

Весь мир на все времена.
Я знаю, знаю, Магиш,
Он светел был, как весна.
Но тщетны слезы твои,
Ты воскресить не вольна.
Час пробил, песнь замерла,
И вновь не дрогнет струна.
Где ж день, что нынче сиял?
И тень его не видна!
Каким на свете цветам
Краса надолго верна?
Изменчив он, этот мир,
Что озаряет луна!
Тоске покоренный — погиб,
Темна ее глубина.
И ты слезами, Магиш,
Печали не утолишь.
Твой сокол к солнцу взлетел,
Ему земля не нужна.
Из всех детей моих, смерть,
Ты лучшего избрала.
О, тяжело мне, тяжело мне
Среди любимых моих!
Не плачь, Магиш, пощади
Отца, и мать, и родных.
Судьбы нам не одолеть.
Будь сильной силой живых.
Душа страданьем пьяна,
Утрата столь велика.
Друг другу надо помочь.
Я стал бедней бедняка,
Меня сгибает тоска.
Опоры ищет рука,
А где она, где она?!
Лишь горечь сердцу близка.
Ему отрады не знать.
Мне наша скорбь тяжела,
Мой сын не встанет от сна.
Мне трудно стало с людьми.
Навеки я одинок.
Магиш, родная, пойми!

1895

Создатель! Сколько горьких слез¹
Ты захотел мне ниспослать!
В младенчестве мне довелось
Оплакивать родную мать.

Огонь мне душу сжег дотла,
Мне этой боли не снести,
Я счастья столько лет ждала,
А ты пресек его пути.

Меня терпению ты учил,
А я еще так молода,
Теперь меня ты разлучил
С моим Абишем навсегда.

Увял красы моей цветок,
Сухой травкою стала я.
Печали ты меня обрек.
Увы. . . вдовою стала я.

Мне только двадцать две весны,
А с милым я разлучена.
Нет, не были мне суждены
Безоблачные времена.

Огонь мою сжигает грудь,
Терпеть мучения невмочь,
Дней пролетевших не вернуть,
Печали горькой не помочь.

Души глубокой лишена,
Мечты высокой лишена,
Любви до срока лишена,
Быть одинокой я должна.

Не осушу отныне глаз,
Изранена душа моя:
Был не со мной он в смертный час,
С ним даже не простилась я.

Невысказанные слова
Теснят мне грудь. Я слезы лью.
Покуда я еще жива —
В слезах топлю тоску мою.

¹ Песнь-плач от имени Магиш, жены Абдрахмана.

Творец! За что ты мне послал
Неизлечимую печаль?
Зачем туманом ты застлал
Земных дорог глухую даль?

Под черным покрывалом я
Бреду с поникшей головой.
У опустевшего жилья
Супруга след зарос травой.

Не передать мне вещей дум,
Которыми томился он,
Не описать высокий ум
И то, к чему стремился он.

С рожденья скромн, справедлив,
Был многодумен мой супруг.
Со всеми ровен, не кичлив —
Был так разумен верный друг.

Умчалось наше счастье прочь,
Пришел лихой беды черед.
На сердце скорбь сошла, как ночь,
А солнце больше не взойдет.

Все выплачу, все расскажу:
Пускай узнает целый свет,
Что я в глубокой тьме брожу,
Что солнца в мире больше нет.

Бежит река горючих слез.
Как мне ее остановить?
Ждала я счастья. . . Не пришлось
Гнездо в холодном мире свить.

Мы в мире только раз живем.
Зачем же стало так темно?
Жить с горькой долею вдвоем
Мне до могилы суждено.

Увы. . . я тщетно смерть зову,
Она не слышит, не идет,
Ужель не знает, что вдову
Отныне только горе ждет?!

Не вожделением томим
Мой дух, но нет душевных сил.
Ты дуновением одним
Надежды светоч погасил.

От смерти лишь спасенья жду,
Одна лишь смерть развеет тьму, —
Я исцеленья не найду
Мученью, горю моему.

Лечу с горы быстреей, быстреей,
Опору потеряв, лечу.
Погасло все в душе моей, —
Нет места светлому лучу.

Под черным солнцем я жила —
Так с детских лет мне суждено,
Мне с милым ночь была светла,
А нынче мне и днем темно.

Когда бескрыла — не взлетишь,
Не жду я завтрашнего дня.
Как сон, явился мне Абиш,
Как сон, покинул он меня.

Разлуки час невоготу, —
Как вечную мне пережить?
Чем мне заполнить пустоту?
Чем раны сердца залечить?

И вдалеке от мест родных
Он, словно солнце, грел меня,
С вершины чайний моих
Упала в бездну я, стена.

Все, что отрадой было мне,
Земной усладой было мне,
Зеленым садом было мне, —
Ушло. . . Жизнь адом стала мне.

Два года с ним мы жили врозь,
Два долгих года, полных тьмы!
И свыкнуться нам не пришлось,
И вот уж разлучились мы.

За что, за что, создатель мой,
Ты землю превращаешь в ад?
Не ты ль нас одарил мечтой?
Чем бедный смертный виноват?

Безрадостно на свет гляжу,
Томит меня разлуки грусть,
Листком березовым дрожу,
Вот-вот и с веточки сорвусь.

Прощай навеки, радость дня,
Я утешенья не ищу.
Нет больше силы у меня,
Как жаворонок, трепещу.

1895

* * *

Страсть к науке тебя влекла,
Как тулпар к вершине вершин.
К знанию мчался ты, как стрела,
Не страшась препятствий, мой сын!

Не жалел себя самого,
А друзей жалел и берег,
Все же первенства своего
Никому уступить не мог.

Ты за правдою шел вослед,
С юных лет ей преданный весь.
Знаменит был во цвете лет,
Но не знал, что такое спесь.

Стать учителем ты мечтал,
Мудрым знаньем с людьми делаясь.
Если б ты им путь указал,
Легче было бы мне сейчас. . .

Редкий сын был мне богом дан. . .
«Умереть от горя нельзя», —
Говорят у нас, Абдрахман. . .
Это — правда: не умер я.

1895

* * *

Не просто это — звук часов: «тик-так»,
То уходящих дней бесспорный знак.
Прошла минута — стала жизнь короче,
И жизни бег не удержать никак!

«Тик-так»... Часы отсчитывают путь.
Часы напоминают: «Не забудь:
Проходит все. Необратимо время.
Прошедшее вовеки не вернуть!»

Хоть расшибись, а все же это — так!
Уносит жизнь привычный звук «тик-так».
Хоть все обманывать себя готовы,
Но втайне это понимает всяк.

Так день за днем, и так — за годом год,
И вот уж старость — у твоих ворот...
Не вечен, видно, век у человека,
И лишь Предвечный — верный наш оплот.

1896

* * *

Стяжателю одно лишь тешит душу — скот,
И не стыдится он обманывать народ.
Позорный раб своей наживы, он трясется,
Когда к его столу бездомный подойдет.

Зачем свои стада он множит без конца?
Чтоб зависть низкую вселить во все сердца.
Сам грязная свинья, других считает псами,
За кость готовыми служить у подлеца.

Ум, честность в наши дни не слишком ценный
клад,

Владельцам их они богатство не сулят.
Крупинки золота ищи в навозной куче,
Весь изваляйся в ней, коль хочешь быть богат.

Прочтя мои слова, обдумай их в тиши!
Награда нам за труд милей, чем барыши.
Корысть позорит нас, нельзя прожить достойно
Без светлого ума, без пламенной души.

1896

Чужим я чувствую себя среди стариков,
Не нахожу с детьми своими общих слов,
От сверстников, хотя б они родными были,
За тридевять земель я убежать готов.

Обилья прежнего ни в чем давно уж нет,
Блуждаю, в рубище унылое одет,
Все стало для меня безвкусным — сон и пища,
И головою я и бородою сед.

Тому, кто юн, страшна угроза клеветы.
А ты, утративший все юные мечты,
Старик-ворчун, двора чужого дряхлый сторож,
Ты выжил из ума, кому же нужен ты?!

1896

Красотка-девушка у хана жила.
Все отдавал он той, что сердцу мила.
Ходила в золоте, в цветистых шелках,
Толпа служанок с ней повсюду была.

«Как бык плодлив, так вол шумлив», —
говорят.

Пирует старый хан, прославлен, богат.
А девушка от брачных ласк старика
В пучину бросилась, срывая наряд.

Что сердцу юному до пышных затей!
Друг сердца девушке всей жизни нужней.
А кости дряхлые, что жаждут вернуть
Былую молодость, зачем они ей!

Со стариками ль жизнь связать молодым!
Не сдастся сердце, — лесьть рассеет, как дым.
Невесты старше ты на двадцать пять лет, —
Не станешь мужем ей, пусть отдан калым.

Жен молодых глупцы томят взаперти,
Девичью молодость украв на пути.
Откуда к старику любовь прилетит!
Она ж не телка, чтоб насильно вести!

У бая старого в деньгах сила вся,
Но снова юным стать за деньги нельзя.
Презренный, чью-то дочь купив за калым,
Ты, старый, дурнем стал, о счастье прося.

«Что на уме у ней?» — старик не решит,
Но ладят меж собой, живут без обид.
Опутала тебя, а ты уже рад.
Смотри, что с тобой бесовка творит!

Бай старый, берегись, тебе говорят!
Доверившись жене, ты будешь рогат.
Пропавший человек, коль счастье нашел,
Едою и женой хвалясь всем подряд.

С безвинной байбише бранится старик,
Но молодуху лишь смешит этот крик.
Сухой курай — одна, другая — цветок.
Когда же снег и зной сжились хоть на миг!

Вилиание хвостом не скрасит твой брак,
И по спине хлопки не сблизят никак.
Между сердцами год пути, долгий год.
Как их соединишь ты, старый дурак!

1896

* * *

Птицы-песни во всех направленьях летят,
Коль певец многообразной думой богат.
Песня — тень от пленительной думы такой.
Пусть же ритм и мелодия слух покорят!

Песня, ввысь устремленная, льется струей,
Увлекающая могучей своей красотой
Беспокойное сердце и жаждущий ум.
Но ее не поймет тугоухий, глухой!

Песнь летит и рождает порывы в сердцах,
И чудесны ее переливы в сердцах —
Радость, скорбь. Убаюкает сердце она,
Укачает его, как дитя, на руках.

Только пенью не всякому сила дана,
И бывает, что музыка чувств лишена.
Где то сердце, чтоб, слушая странный напев,
Волновалось, ему отвечая сполна?

Песня, нотой высокой начавшись, парит
И как будто бы «слушай меня!» говорит.
И тогда не услышишь ты звуков иных. . .
Вникни в музыку, сердцем с мелодией слит!

Песня умная нежно ласкает, как пух.
Песня глупая режет мучительно слух.
Есть мелодия, что, как слова мудреца,
Пробуждают и лечат возвышенный дух.

Песен суть я раскрыл, написав здесь шесть
строф.

Красота моих слов — для достойных умов.

Если эти слова озадачат тупиц,
То обрадуют — верится мне — знатоков,
И любому, таящему пламя в груди,
Будет ясным значение сказанных слов.

Лето жизни сменяется долгой зимой,
А веселые юности игры — тоской,
Если песнь хороша и взволнует тебя,
Сразу жизнь засверкает зарей золотой!

1896

* * *

День улыбнется иль час такой —
Смолкнет голос тревог и забот, —
Свет вдохновения, свет благой
Облако смутных чувств прорвет.

Свежестью шири степной дыша,
Сердце забьется звончей, горячей —
И распахнется поэта душа,
И упадет пелена с очей.

Весь напряжется он, как тетива,
Воспрянет душа ото сна, и вновь
Дети всесильной мысли — слова
Плоть обретут и жаркую кровь.

Суетных будней рассеяв туман,
Назад оглянувшись и глядя вперед,
Каждое слово, как талисман,
К мысли заветной поэт подберет.

Взглянет он зорче степного орла.
От горя мирского лицом помрачнев, —
Против неправды, насилия, зла
Он обращает высокий свой гнев.

Люди слово его пронесут
Близким и дальним — из края в край:
Суд справедливости, разума суд,
Ты рассуди и ты покарай!

Сердца неистовость, жар ума,
В словах его — лицеприятства нет.
Пером его водит правда сама. . .
Хулите, грозите — таков поэт!

1896

* * *

Тучи набегут порой,
Прольются серым дождем.
Набухнет сердце тоской,
Заплачут печали в нем.

День прошел — ярче трава,
Смеется каждый ручей.
От слез — болит голова,
Тоска еще тяжелей.

1896

* * *

Гривой славился конь вовек,
Красотой души — человек.
Человеку радость — богатство,
Но отцовство слаще всех нег.
Да, ребенка он страстно ждал,
Но отрада ли Рахимшал?
Лучше б, давший такого сына,
Бог обратно его забрал.

1896

Время — пряди тумана вдоль гребней гор.
 Ты с надеждой глядишь в туманный простор,
 Ты следишь за потоком безликих дней,
 Вечной сменой их утомляя взор.

Дни — один в один, словно серая мгла,
 Прилетят — улетят, расправив крыла;
 Притаился меж них твой последний день,
 Но узнать его в силах только аллах.

«Я» — душа и сознание, а плоть и кровь —
 Оболочка души, их к смерти готовь.
 Пусть бессмертна душа, но тело умрет,
 Так терпи же, крепись и не прекословь!

Ищет плоть наслажденья ночью и днем,
 Но какая же малость сокрыта в нем!
 Совесть, правда, любовь — лишь к ним ты
стремись
 До поры, как заснешь непробудным сном!

За богатство — собой придется платить,
 За почет — клеветой душу мутить;
 Не обманешь ты жизнь! Оборвет она
 Все довольство твое, как прелую нить.

Человек полагает: весь мир его,
 Но вселенной владеет лишь божество,
 Людям плоть их и вещи принадлежат
 Неотъемлемо, кроме них — ничего.

Жаркой жалостью к страждущим наделен,
 Ты работай для блага людских племен!
 За любовь к любимым созданиям творца
 И тебя, словно сына, полюбит он.

Люди — разные, в каждом свой смысл и толк!
 Помни это: пред сворой бессилен волк.
 Милосердьем и правдой всех наделять,
 Всем на помощь спешить — вот наш первый
долг!

Кто хорош, кто плох? Не поймешь до конца.
Зачастую ложь прикрывает сердца.
Только плуты себя восхваляют вслух,
Истый праведник о себе — ни словца!

1897

* * *

Разным людям не верь, что тебя вознесут, —
Ведь они же коварно тебя предадут.
Верь себе! И опора и счастье твое —
Это лишь неразлучные ум и труд.

Не пленяйся доверчиво льстивой молвой,
Не гордись незаслуженною похвалой!
Сбитый с толку, ужели обману ты рад, —
Если это не явь, мираж пред тобой?

Если горе придет, то спины не сгибай!
Если явится радость, достойно встречай!
Загляни в свое сердце и там, в глубине,
Отыскав жемчуга, береги, не бросай!

1897

* * *

Грубый крик, рев осла —
Не одна ль досада нам?
Лгать себе без числа —
Разве в том награда нам?

Речь глупцов — как зола.
Ах, того ли надо нам!
Жизнь, что зря отцвела, —
Есть ли в ней отрада нам?

1897

* * *

Милый мой, дорогой,
Я тебе шлю привет.
Сожжена я тоской,
Знаешь ты или нет?

Жду вестей день-деньской,
Жажду их всей душой.
Где найду я покой,
Если ты стал чужой!

Сердца ты моего
Светом был; гибну я:
Без тебя все мертво,
Отцвела жизнь моя!

1897

* * *

Подснежник, выглянув весной на свет,
Не знает — жизнь его долга иль нет.
Надеется, что будет выше дуба,
Он, солнцем пьян, теплом весны согрет.
Дохнула осень — и замерз он вмиг,
И ковыля он ростом не достиг.
Я тоже в юности мечтал о многом,
Недосягаемом для сил моих.
Иступлен мой булат. Лицо в морщинах,
И жара нет в крови, и голос тих.

1897

* * *

Красивою песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон.
Как я, люби их от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И сердца пламенем я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней приникает жадным ртом.
И что ему люди с их толкотней,
Его оттесняющие плечом!

Я вспоминаю бывшие дни:
То горе, то радость, то любовь,
И все, что было мечте сродни,
Живою плотью одето вновь.

Снова глотаю я прежний яд,
Я утопаю в нем с головой,
Люди, которые вокруг галдят,
Кажутся истиною самой.

И начинает земную лесть
Правдой считать душа моя,
Разве на свете отрава есть,
Какой бы не выпил до капли я?

1897

* * *

Разрознен мой родной народ,
Расколот, разобщен,
Мне жить спокойно не дает
Вражда со всех сторон.

Я всем всегда помочь бы рад.
В моих глазах равны
Бывали все: и стар, и млад,
И бедность, и чины.

С людьми делил я все, что есть. . .
Что ж отнял я у вас,
Чтобы мою позорить честь
Бесстыдно всякий час?

Народу отдал я любовь.
Что ж с злобой палача
Вы раните мне сердце в кровь,
В грязи его топча?

Клеветецете на всю семью. . .
Отнять покой, мечты,
Отнять мой дом, жену мою —
Цель вашей клеветы.

Довольно! Не вобьете клин!
Оставьте лживый суд!
Не меряйте на свой аршин —
И так мне душно тут!

Ваш клеветнический язык
Еще гнуснее дел.
Таил я возмущенный крик,
Но есть всему предел.

1898

* * *

О порыв души огневой,
Твой отточен и меток луч,
Словно молния перед грозой,
Что прорвалась из черных туч.
О язык мой, о пыл стихов,
Непонятен ты для глупцов!

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не щадил
И явил искусство свое.
Но по-прежнему спит народ,
И ничто его не проймет.

Слово, понятое умом,
Ускользает, как звук пустой,
Но по жилам течет огнем,
Коль берешь его всей душой.
Люди учат, поют мой стих,
Но он темен еще для них.

1898

* * *

Проклятый мир обирает нас. Как поладить с ним?
Где былые силы твои? Ты стал иным!
В надежде горечь тaitся. Коварна жизнь!
А мы в своем злополучье других виним,

Любая радость твоя перейдет в печаль.
Что суетиться ради немногих дней?
Ты не найдешь того, из-за чего не жаль
Близких своих забыть и оттолкнуть друзей.

Если речь не от сердца — слова придержи!
Язык привычен лукавить, послушен лжи.
Ты разве знаешь предел желаньям твоим?
Они скрывают завесой истину от души.

1896

* * *

Когда умру, не стану ль я землей?
Язык мой дерзкий — девушкой немой?
Бездушным льдом — пылающее сердце,
Что за любовь боролось с жизнью злой? . .

Не станет ли последним этот год?
Ведь рано ль, поздно, а мой час пробьет!
И станешь ли судить меня, потомок,
За каждый мой нечаянный просчет?!

Суди! . . Меж нами — немоты стена.
Суди, но помни: пусть страшна вина, —
За грех один карать не нужно дважды,
А я, живой, за все платил сполна!

Души измученной постигни суть!
Тяжелым и тернистым был мой путь.
Я — человек с загадкой, помни это!
Боролся с тьмой, как мог. . . Не обессудь!

Задирю в земной явившись дол,
Порой хитрил я, был порою зол.
Прозрел с годами, сделался разумней,
Но все ж до совершенства не дошел.

Мешали мне. . . Никто мне не помог.
Свободы я не знал. . . Спаси вас бог
От этой доли. . . Пожалей, потомок,
Того, кто скорбен был и одинок!

Мое довольство — призрачно оно.
Как горько мне, что мало свершено! . .
Но каяться в стихах — не стоит боле:
Стихам хранить секреты не дано.

1898

* * *

Если мысль за волею вслед
Оскудеет в сердце пустом,
Ты, утратив разума свет,
Станешь тварью, темным скотом.

Мой безвольный разум, скользя
По верхам, нейдет в глубину.
И душа устала, друзья!
Одряжлел я, тянет ко сну. . .

Коль смиришь ты жадную плоть, —
Жаль ее, беднягу, тебе.
А не сможешь плоть побороть,
Одолеет она в борьбе.

Ведь у тварей душа темна,
И не знают мыслей скоты.
Вовсе красок жизнь лишена,
Если вглубь не стремишься ты.

Человеком назваться я
Не могу, окруженный тьмой.
Как найти мне смысл бытия,
Коль народ невежествен мой?

1898

* * *

Дни за днями чредой, —
Покоя тщетно искать.
За мыслью мысль чередой, —
И ветру их не догнать.

1898

Всё слабее и все глуше сердца бой,
Тесно сердцу день и ночь в груди больной.
Вдруг прихлынет кровь горячая к нему,
Сон тревожен в непроглядной тьме ночной.

Беззаботность смял недуг; не счесть утрат.
Мысль немую скорби тяжкие томят.
Пустобрехов скудоумных увидав,
С отвораченьем отворачиваю взгляд.

Жаждет сердце отошедших дней былых,
Настоящим шлет проклятье; то на миг
Пожелает вдруг спокойствия оно,
То, отчаясь, ищет вновь мучений злых.

То склонится вдруг к слезам, полно тоской,
О недугах помышляет день-деньской;
То их прячет глубоко на дне своем,
Страх питая пред насмешкою людской.

Все слабее и все глуше сердца стук,
Затаилось и скрывает свой недуг, —
То прихлынет кровь горячая к нему,
То, улегшись, на мгновение смолкнет вдруг.

1898

Ты помнишь ли юность, друг,
Когда кровь кипела твоя?
Опьянен, все светло вокруг,
Даже с первым встречным — друзья.

И любовь, и ясность души —
Отрада в кругу друзей.
Надеждой, счастьем дыши. . .
Дождешься ль подобных дней?

Где же ты, золотая пора,
Когда радость лилась рекой?
Было все как будто вчера,
А оглянешься — далеко!

Умоляй, тоскуй, проклинай
И оплакивай — не вернешь!
Любовь ушла — догоняй!
Друзья ушли — не найдешь.

Поплачу, дай слезы очам.
Дай терпенье, потерплю.
Если есть для сердца бальзам,
Израненное исцелю.

1899

* * *

На сорок лоскутьев тоскою
Растрезано ты — каждым днем. . .
Как же сердцу дожить в покое,
Изверившемуся во всем!

Те — взяты землей, те — враждою,
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот — ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою
Во мраке, и выхода нет.
Беспечных утешит любое.
А где нам с тобою ответ?

А как ты горишь болью злою! . .
Мечты! Оглянись на них
И вспомни величье былое
Желаний бесплодных твоих.

1899

* * *

Собаку я выкормил из щенка —
И зубы ее испытал.
Меткости я обучил стрелка —
И сам мишенью стал!

1899

* * *

• Зачем улыбки уста,
Когда так злобен он?
Меняет мненья, как цвета
В листве жамелеон.

Он надевал любой наряд,
Чтобы привлечь сердца.
Стал волостным — надменен взгляд
Сурового лица.

При первой встрече руки жмет,
И льстит, и лебезит,
Но отвернись — уже не тот,
Так подлостью разит!

Сегодня он тобой пленен,
Всем жертвует, любя.
Сегодня греет, завтра он
Испепелит тебя.

Плюет на все твои права,
Юлит, как бес, хитро.
Белы, как снег, его слова,
Черно, как грязь, нутро.

Здесь не лукавство и не страсть —
Смертельно болен он,
И от болезни той пропасть
Он сам же осужден!

1899

* * *

Рос ты, к небу устремляясь головой,
Гордо, смело, без печали роковой.
Так весною к солнцу тянутся ростки,
Когда степи покрываются травой.

Отшумел давно суровых лет поток,
Наступил уже косьбы и жатвы срок.
Знало сердце зной и холод, но оно
Устояло пред лицом утрат, тревог.

От тревоги непрестанной ноет грудь,
На лице твоём — тоски и горя путь.
Как пшеницу, чьи колосья налились,
Замышляют и тебя к земле пригнуть.

Не сдаётся обреченная душа,
Будто вечно жить ей в мире, но, спеша,
Смерть приходит, похищает душу вмиг.
Сам подумай ты — где жизнь и где душа?

Нынче — дышишь, завтра — прах, таков
закон.

Нашей жизни блеск обманчив, словно сон.
Разве знаешь, где назавтра будешь ты?
Помни, друг мой, что для смерти ты рожден!

1899

* * *

Одинокое, не ищи,
Сердце, отклика на пути!
Мысль моя, не странствуй, молчи,
Коль пристанища не найти.

Чувство высказанное — ложь,
Безответен души призыв.
Так куда ж ты, сердце, влечешь,
От всего меня отлучив?

Счастье, дружба, любовь, покой, —
Оценила вас жизнь в гроши;
Ими платят беде людской
Лицемерные торгаши.

Суд народа для них — безмен,
Чтоб лишь взвесить хулу и лесть, —
Мастера в ремесле измен,
Позабывшие стыд и честь!

С кем тоску свою разделить,
Если дружба не ко двору?
Чьим сочувствием утолить
Одиночество и хандру?

Всюду подлость одна и та же:
Пожалеешь кого, а тот
Деньги станет кланчить; не дашь —
На тебя же сердясь, уйдет.

Но войти продажным словам
В сердце искреннее — невмочь.
Льстивый плут ни себе, ни вам,
Никому не в силах помочь.

Ты бесплодным горишь огнем,
Горевая душа моя!
Это пламя — что толку в нем? . .
Где любовь твоя, где друзья?

1900

* * *

Когда все тени, удлинясь,
Сливаются в одну
И солнце покидает нас,
Чтоб отойти ко сну,

Я с сумерками говорю,
Раздумием томим,
Жизнь горемычную свою
Рассказываю им.

Тропинка узкая ведет
В долину прошлых лет:
Куда ни гляну — гнет забот,
Утраты, сотни бед. . .

Что ни припомню, — все подряд
Мне причиняет боль,
Все в душу мне вливает яд,
На раны сыплет соль.

И, как заброшенный щенок,
Душа моя скулит.
Когда б хоть миг я вспомнить мог,
Чтоб не было обид!

Казалось, добрым был посев,
А что в полях взошло! . .
Век доживаю, оскудев,
И пожиная зло.

1900

* * *

Казах, отрада иль беда —
Все время пить кумыс?
А есть ли у тебя еда,
Чтоб закусить кумыс?

Конину ты жевать привык,
Тянуть кумыс хмельной,
А это, скажем напрямик, —
Порок весьма дурной!

Айран полезней во сто крат. . .
Послушай, коневод,
Где кони, там и конокрад, —
И нет числа хлопот!

Где кони, там полно греха, —
Конина всех влечет. . .
А чем баранина плоха?
Воздай и ей почет!

Зачем ты держишь табуны,
Попробуй разберись:
Не скакуны тебе важны,
Признайся, а кумыс!

Разумным нужно быть, казах,
В хозяйстве и делах!
Держи овец — и злу конец!
Ты будешь при деньгах!

1901

* * *

Стыдливость, но лишь для отвода глаз;
Тут тайная хитрость, там фальшь напоказ.
Ни великой борьбы, ни большой любви,
Одно легкомыслие есть у нас.

Есть скука у нас, беспробудная лень,
Нам всякая дорогá дребедень.
Забыли мы и совесть и честь
И знаем: лови сегодняшний день!

Друзья и родня — лицемерны насквозь,
Любовь и долг расходятся врозь.
Враги сильны, и слабы друзья.
В какое же время мне жить довелось!

И люди глядят друг на друга в упор,
Порой проявляют никчемный задор.
Отец может сына ругнуть любя,
Но сын чтоб отца. . . О, стыд и позор!

1901

* * *

Я надеялся — листья надежды желты.
Я так долго мечтал — обманули мечты.
Сердцу тяжело, тревожно, когда вдалеке
Проступают тех дней миновавших черты.

То не жизнь позади, а несбывшийся сон!
Лучше б жил я, от светлой мечты отрешен.
Погляди на себя: есть ли сила в руках,
В сердце — жар и лицо румянил ли он?

Как мира́жам степным, людям верить нельзя.
Мир и правда чужды им: друг другу грозя,
Лгут, лукавят; заемные мысли у них.
Поступайте, как сердце велит вам, друзья!

1901

Веселья легкая вода,
Пустая молодость — беда.
Ты лучше разумом попробуй
Познать, где дружба, где вражда.

Что славным у людей слывет,
Тебя не слишком пусть влечет.
Не торопись, мой друг, работа —
Она предмет твоих забот.

Души богатства береги,
Всего, что дешево, — беги,
А скромность — истинный хозяин,
Он душу не введет в долги.

Не будь ко всем доверчив сплошь,
От зоркости ты не умрешь,
Не то и стариком согбенным,
Где враг, где друг, — не разберешь.

Хапуга на объятъя скор,
Всегда он там, где шум и спор.
Мой друг, ты разве сам не видишь,
Что под конец он ниц, как вор.

1901

Твой язык богат,
И слова звучат,
Трогая людей.
Слыша речь других,
Ты поправишь их,
Скажешь — как верней.

И в отчаянье
Не впадет душа,
Горе пережив. . .
Верности ищущу!
Дружба хороша,
Если друг — правдив.

1901

* * *

Как море — сердце, радость — блеск его.
Без радости все — тускло, все — мертво.
И если в сердце погасает пламень, —
Не радуется на свете ничего.

Дружить, кипеть — у сердца много дел!
А честь и совесть — разума удел.
Важны лишь честь и совесть. . . А тщеславье,
Оно — как дым: дохнешь — и улети!

Огонь тускнеет в сердце старика,
Не ладятся дела без огонька:
Себе не веришь, слушаешь советы,
Робка твоя рука и неловка.

1902

* * *

Мотыльки, чей светел наряд,
Вам, цветы, привет свой дарят.
Но спугнет гроза, сад примят —
И они назад не летят.

Людям всем дана, всем подряд,
Череда удач и утрат,
Что всегда сомненьем томят
И скорей ответа хотят.

Время гонит всех — стар иль млад.
Время злых помех снять бы рад!
Жизнь — тоска и смех, блеск и чад.
Срок придет — и ты смертью взят.

1902

ИСКАНДЕР

Вот сын Филиппа Искандер,
Он Македонией владел,
Он был храбрец. Но кто мне скажет:
Где честолюбию предел?!

Филипп почил. И, полный сил,
Себя царем провозгласил
Наш Искандер и на соседей
Он глаз свой алчущий скосил.

Собрал он войско, и тогда
Он без особого труда
Стал опрокидывать престолы,
Жечь села, грабить города.

Он много стран завоевал.
Он кровь людскую проливал.
Оружьем покорив народы,
Он власть на силе основал.

Уже последний пал сосед, —
А все ему покоя нет!
Тогда вдруг Искандер задумал
Завоевать весь белый свет.

Кровавый вепрь и зол и дик,
Людей он презирать привык.
Придворные недаром звали
Его владыкою владык.

Он стал царем царей, и вот
О нем уже молва идет!
На путь далекий снарядившись,
Он отправляется в поход.

До дальних гор и до долин
Дошел — и наконец один,
Сопротивленья не встречая,
Он стал вселенной властелин.

Он шел и шел. Упрям и строг,
Попал туда, где нет дорог,
В пустыню, мучаясь от жажды. . .
Вот так испытывает бог!

Была так жажда велика,
Что средь палящего песка,
Уже готовился владыка
Навеки потерять войска.

И вот настал тот миг, когда,
С конем, почившим навсегда,
Он, лежа рядом, вдруг заметил,
Что вдалеке блестит вода!

И вот владыка из владык
Пополз и видит, что родник
Журчит, и алчными губами
Он к сладостной воде приник.

И рыбы вяленой кусок
Он сунул в воду и — о бог! —
Вдруг рыба стала сладкой! Это
Никто понять так и не смог.

Воскликнул царь: «Вот это да!
Напейтесь! Славная вода!
И мы пойдем. И там, в долине,
Мы завоюем города!

Попей и напои коня!
На свете нет сильней меня,
В богатую страну, наверно,
Ручей нас приведет, звеня».

И в край тот, что лежит вдали,
Рядами войны пошли,
Гремя железным снаряженьем,
Под музыку, в густой пыли.

Шли долго войны, и вот
Средь гор ущелье предстает.
И встало войско пред ущельем
У странных золотых ворот.

А на воротах был замок.
Царь приналег, да так, что взмок. . .
Но совещаться начал с войском:
Открыть ворота он не смог!

Кто подхалимством окружен, —
Тот самодур. Им был и он,
Наш Искандер, — все время слышал
Он только лесть со всех сторон.

Стал Искандер от гнева ал.
Замок он в исступленье рвал
И бил в ворота кулаками.
«Я требую открыть!» — орал.

И пред владыкою владык
Вдруг старец сгорбленный возник.
«Ведут сии ворота к богу, —
Входить нельзя», — сказал старик.

«Я — Искандер, я царь царей!
Я царь всех стран и всех людей!
Что за страна лежит пред нами,
А ну-ка отвечай скорей!»

«Хоть всей вселенною владей,
Ты сам же раб своих затей.
Себя смири! Не задавайся!
Ты честолюбец, ты злодей!»

«Я тот, кто вечно хочет в путь!
На мир хотел бы я взглянуть! . .
Чтоб я с людьми мог поделиться,
Ты подари мне что-нибудь».

И в щель открывшейся двери
Просунут сверток был. «Бери!
Но ты понять сумей, однако,
В чем смысл того, что там внутри!»

Царь заглянул: ну и дела! . .
И плюнул Искандер со зла,
Пред ним лежал раскрытый сверток,
В нем кость запрятана была.

«Я оскорблен! Наверняка
То шутка злого старика!»
И кость никчемную брезгливо
Его отбросила нога.

Но Аристотель, друг царя,
Взял кость в ладони, говоря:
«То кость, однако ж, не простая!
Она нам послана не зря».

Был в спорах он непобедим,
Тот друг царя. Царь горд был им. . .
«Взять золото и кость! Давайте,
Что тяжелее, поглядим!»

И вот мудрец весы достал
И взвешивать спокойно стал.
И кость пошла все книзу, книзу,
И вверх и вверх пошел металл.

Владыка, побледнев со зла,
Кольчугу, ту, что тяжела,
Как гиря, скинул с плеч на чашу. . .
Но кость ее перемогла!

И царь промолвил: «Ну и ну!
Кость перевесит всю казну!
Найдите то, что тяжелее,
Чем кость, — обшарьте всю страну!»

Владыку разбирает злость! . .
Мудрец набрал землицы в горсть,
Слегка посыпал кость, и сразу
Вверх стала подыматься кость.

И растерялся тут гордец:
«Так растолкуй же мне, мудрец!
Скажи мне: что это за чудо
И в чем же дело наконец?»

«То кость глазничья. Алчен, лют
Взор человека. Адский труд
Глаза насытить! Горсть землицы
Насытит лишь, когда умрут!

В безумье алчущий живет, —
Он вечно давит кровь и пот. . .
Глаза ж его, когда погибнет,
Такая кость, как эта вот.

О мой властитель, не гневись!
Затем ворота заперлись,
Чтоб кое-что тебе напомнить,
Чтоб мысль твою направить ввысь».

И вот владыка из владык
Главою гордою поник.
Он понял всю тщету мирского
И к дому двинул напрямик.

Вот весь — недолгий — мой рассказ,
Я сочинил его для вас,
Чтобы напомнить: нет предела
Для злобы ненасытных глаз!

Про бренность помни бытия,
Живи, от ближних не тая
Заветных помыслов. Будь честен!
Да будет чистой жизнь твоя!

К чему тебе успех дрянной
Или фальшивый друг иной,
Когда в лицо тебя он хвалит,
А после хает за спиной?

Лишь губошлеп кричит, сипя,
Свою особу лишь любя.
Честь за себя стоит по праву. . .
И отвечает за себя.

МАСГУД

О Мухаммед, аллаха друг, открой,
Как описать, что давнею порой
В Багдаде в дни Гаруна аль-Рашида
Жил-был Масгуд — разумник и герой.

. . . Масгуд собрался за город пойти
Пройтись и вдруг увидел по пути,
Что старика разбойник нагло грабит, —
Старик несчастный при смерти почти!

Старик кричал. Но был разбойник лют!
Прохожие? Да разве те спасут?
На страшного разбойника без страха
Набросился разгневанный Масгуд.

Масгуд к стене разбойника прижал,
Разбойник мигом вытащил кинжал.
Старик с земли поднялся невредимым.
Но, вырвавшись, грабитель убежал.

Старик упал спасителю на грудь. . .
(Успел разбойник все-таки пырнуть
Масгуда в бок!) Старик сказал: «Запомни!
Добром меня ты вспомнишь как-нибудь!»

Старик твердит спасителю: «Жигит
Нет, подвиг твой не будет позабыт.
Случилось так: ты спас меня от смерти. . .
Аллах тебя за это наградит!

Такими вот, как я, полна страна :
Я не батыр, не хан. Да, спасена
Тобою жизнь простому человеку,
И мне известна мужества цена!

Я странник. Да, я беден, да, я стар, —
Я странствую с базара на базар
И из села в село. Я здесь случайно.
Но я прошу принять мой скромный дар.

Меня аллах от смерти нынче спас,
В тяжелый миг послав на помощь вас.
Ради аллаха я прошу — придите! . . .
И он назначил место, день и час.

«Я заступился, — сделал все, что мог.
И то совсем не подвиг — просто долг.
Но я приду туда, куда хотите.
Раз вы решили, что так хочет бог!»

И за город явился наш Масгуд
В урочный час. Старик уже был тут.
Стоял он у разрушенной гробницы.
А рядом яблоня. На ней плоды растут.

Старик сказал Масгуду: «Видишь, вот
Растут плоды. Сорви же смело плод:
Зеленый, или красный, или белый, —
Тот, что милее, тот, что смотрит в рот!

Съешь белый — станешь сразу всех умней,
А желтый съешь — богаче всех людей.
А красный съешь — все женщины на свете
Тебя возлюбят до скончанья дней».

Стал думать над словами старика
Масгуд — была задача нелегка! . . .
«Ни белый и ни желтый мне не нужен!»
И потянулась к красному рука.

«Масгуд, ты выбрал плод, который ал.
Потом не кайся, сам его сорвал!
Но объясни мне, почему, однако,
На этот алый плод твой выбор пал?!»

«Да, вправду мудрость — свет, а глупость —
тьма,

И умным быть хотел бы я весьма!
Но все ж не быть мне властелином мысли.
Боюсь, хлебну я горя от ума!

Найду ль себе я вровень мудрецов?
Я должен буду жить среди глупцов.
И, не найдя ни честных и ни умных,
Я потеряю ум в конце концов.

Себя я на терзанья обреку,
Спать перестану и впаду в тоску.
Себя я доведу до смерти, тщетно
Вдолбить пытаюсь мудрость дураку.

Когда б я стал богаче всех людей,
То скажут про меня, что я злодей.
И обкрадут. И снова станешь нищим,
Каким богатством в мире ни владеи.

Богатство бы мне горе принесло.
Оно б меня от злобы не спасло.
Меня б всю жизнь терзали клеветой.
Нет, что ни говори: богатство — зло!

Богатство — зло, одно спасенье — труд.
Спешит к богатству не мудрец, а плут.
Но в наше время это все забыто,
И бескорыстной дружбы не поймут.

Любой сейчас не стоит ни гроша,
А ну не дать попробуй ни шиша,
Псом назовут. Все станут псами! Будет
Несчастною вовек твоя душа!

А красный плод вкушу — и я любим!
Мной будут бредить женщины одним!
Полмира женщин! Сколько миллионов?
Я к ним пойду, пойду к друзьям моим.

Такое войско за себя собрать!
У каждого ведь есть жена иль мать
И если царь иль кто другой обидит,
Есть у кого защиту отыскать!

Вражда на свете, — род идет на род!
Все злится этот, все воюет тот.
И если на меня вдруг замахнутся,
То женщина оружие отберет.

Мне нужен этот плод, который ал.
Я сам его рукой своей сорвал,
Его я выбрал, все, как надо, взвесив,
Да, на него мой выбор сразу пал».

«Ты прав, мой друг, ты очень прав, мой брат.
И выбор твой хорош! Я рад, я рад! —
Старик благословил: — Ну, на здоровье!
Ты без того и славен и богат».

Был тот старик на весь известен мир.
То был святой, то был мудрец Кыдыр.
Старик Кыдыр благословлял Масгуда.
Молчал пред ним склонившийся батыр.

И тот, кого благословил старик,
Стал, по преданью, славен и велик,
Прозванье получил Шамси-Жихана ¹,
Он стал как солнца лучезарный лик.

В те дни, кто в злобе уходил во тьму,
Кто вечно шел в крови, в огне, в дыму,
Тот обращался к женщинам нередко
За помощью — к их сердцу и уму.

Да, это было в старые года.
Сейчас же нет ни чести, ни стыда! . .
. . .Когда бы не могилы дорогие,
Я бы ушел отсюда навсегда!

¹ Ш а м с и - Ж и х а н (искаж. *араб.*) — дословно: солнце вселенной.

А как Масгуд? Известно стало мне,
Везиром был Масгуд в одной стране. . .
И как-то ночью тот спасенный старец
К Масгуду вдруг является во сне.

«Предупреждаю, скоро будет тьма.
И будет дождь. Зловредный дождь весьма!
Лишь будет он неделю. Кто напьется
Водицы дождевой, сойдет с ума.

Неделю будет черным небосклон.
Дождь все зальет. Все опоганит он.
И только тот, кто чистою водою
Сумеет запастись, лишь тот спасен!»

И вот Масгуд с утра, нетерпелив,
Идет к Халифу. И велит Халиф
Водою запастись. Двор ждет несчастья,
Водою бочки до краев налив.

И вот беда явилась на порог:
День наступил тот, что мудрец предрек!
Все плакали, стонали и галдели.
Никто в стране ни спать, ни есть не мог.

И вдруг толпа, орущая не в лад,
Ворвалась дико во дворец и в сад.
Хан и правитель видят пред собою:
Безумные и скачут и кричат.

И вышел хан, решителен и прям,
И речь сказал, как бы сказал сынам:
«О бедный мой народ, ты обезумел!
Подумайтесь! Ступайте по домам!»

Толпа же все ломилась напролом.
Вопила и стояла на своем:
«Хан и правитель потеряли разум!
Давайте-ка скорее их уьем!»

И так правитель молвил: «Рад не рад,
А видно, с ними нам придется в лад
Кричать. Другого я пути не вижу!
Иначе нас задашат, как котят».

И, выпив той воды по полглотка,
Перед толпою оба старика
Предстали вдруг, кривляясь и беснуясь. . .
Толпа молчит, покорна и кротка.

Спокойно, не крича, в свои дома
Толпа людская разошлась сама.
Случилось, что безумие людское
Двух мудрецов смогло свести с ума.

Мораль нужна легенде этой? Вот:
Толпа безумна. Ну а умник тот,
Кто мраку попустительствовать будет,
Тот собственную участь проклянет.

1887

Хорошо ли, плохо ли жил, но вот состарился.

Прожита жизнь — спорил я, боролся, судился, имея одни хлопоты, и в них обессилел, устал и убедился в бесцельности всего сделанного.

И вот оказалось, что все, что было, — было только унижением человека.

Как же прожить мне остаток своей жизни? Не найду ответа.

Править ли мне народом? Нет, управлять им нельзя. Если этого не хочет даже тот, кто призывает на свою голову любую беду, не хочет этого даже молодежь с неостывшим сердцем, то я, старик, тем более не хочу. Нет, я не знаю, как им править. Так упаси меня бог от дела, которое мне не по силам.

Умножать ли мне стада? Нет, я не хочу заниматься этим. Пусть дети разводят скот, сколько им вздумается. На старости лет я убедился, что не стоит тратить остаток дней на умножение скота для добычи воров и попрошаек.

Умножать ли мне знания? У кого учиться, кому передать свои знания и для кого их пополнять? Без народа нет и жизни. Какая польза в том, что ты разложишь в пустыне ситец и сядешь рядом с ним, взяв аршин в руки? Раз нет человека, с которым можно было бы поделиться своим горем и радостями, то сама наука — горе, и она только ускоряет старость.

Может быть, мне стать благочестивым и заняться исполнением всех обрядов религии? Нет, и этого не стоит делать, потому что и для этого нужен покой. Какое может быть благочестие, когда ни в чувствах, ни в жизни нет покоя?

¹ Текст «Слов-назиданий» печатается в сокращении.

Может быть, мне заняться воспитанием детей? Нет, я не хочу воспитывать детей. Может быть, я воспитал бы их, только вот не знаю как. Я не знаю, для чего их воспитывать, к какой цели их вести, для какого народа их готовить. Я не вижу для своих детей места, в котором они могли бы радоваться жизни. Я не знаю, по какому пути направить их. Для чего же я буду снаряжать караван, если я не знаю, куда мне его послать?

Так сидел я, не зная что делать.

Наконец, решил: буду развлекаться бумагой и чернилами, буду писать подряд все, что вздумается. Если найдется человек, который увидит здесь нужное для него слово, то пусть выпишет слово и сделает его делом; если же никому не нужны мои слова, то пусть они останутся словами.

Так я решил, на этом я остановился, и теперь нет у меня иного занятия, кроме этого писания.

ВТОРОЕ СЛОВО

Не любят народы друг друга. В детстве мне часто приходилось слышать, как наши казахи, встречаясь с узбеками, называли их «сартами», подсмеивались над ними: «Ах вы, такие-сякие, широкополые, тарабаристые. На глазах сладкие, за глазами ругательные. Ах вы, сарты; по-нашему ведь сарт — сурт, — значит грохот, и сарт — значит — грохотало».

Так мы смеялись над соседями.

Встречаясь с ногайцами — татарами, тоже ругали их и над ними смеялись: «Ногаец верблюда боится, верхом на лошади устает, а пешком отдыхает. Не ногайцы они, а нокайцы, что значит неуклюжие. Ни в чем у них нет ловкости, и трусы-то они и крохоборы».

Если встречались с русским, то смеялись над ним за спиной: их мы считали людьми необузданными, людьми доверчивыми.

Я тогда думал, что, кроме нас, нет хорошего народа и что самый лучший в мире народ — мы, казахи.

Так радовался я, ругая соседей, забавляясь руганью и смехом.

Теперь я вижу — нет такого растения, которого сарт не сумел бы вырастить. Нет такой вещи, которую он не сумел бы смастерить. Нет такой страны, куда бы не проник купец-сарт.

Живут они друг с другом дружно.

Прежде только от них и приходила к нам, живым, одежда, а мертвым саван. Голыми мы остались бы без сартов, если бы не покупали всего у них, отдавая им свой скот, выращенный с такими заботами. И теперь, при русских, быстрее переняли сарты русские знания и русское мастерство. Обходительность, чистота, вежливость — все у сартов.

Смотрю на татар — они могут быть хорошими солдатами, умеют стойко перенести бедность, не боятся смерти, умеют строить школы. У них, как и у нас, есть муллы. Они соблюдают законы религии. Татары умеют трудиться, богатеть; жизненные удобства — все у них. К их богачам наши идут за хлеб в слуги и в батраки.

Даже нашего бая они выгоняют из своего дома и говорят ему: «Этот пол не для того сделан, чтобы ты топтал его своими грязными ногами». Все это оттого, что они дружно работают, овладевают мастерством. Вот что приводит их к достатку.

О русских нечего и говорить. Мы не можем сравниться с их прислугой.

На чем же основана наша хвастливость и те пренебрежительные слова, которые мы говорим о своих соседях?

ТРЕТЬЕ СЛОВО

Почему же казахи не любят друг друга? Почему они не правдивы, почему они добиваются чиннов?

Великие мудрецы давно сказали: каждый лентяй — трус, бессилен. Бессильные не бывают храбрыми, бессильный всегда хвастлив. Каждый хвастливый всегда невежда, всякий невежда всегда глупец, и всякий глупец бесчестен. Лентяй становится жадным и никому не нужным попрошайкой.

Это оттого, что нет у многих из нас иной мысли,

кроме мечты об увеличении поголовья скота. Нет у нас земледелия, торговли, мастерства, науки.

Люди думают только об умножении скота. Умножив стада, они передают их пастухам, а сами, наевшись мяса, напившись кумыса, хотят наслаждаться любовью и скачками.

И вот праздность делает для человека тесными его чочевье и зимовье. Ему кажется, что мало у него земли для стад, которых он сам не видит. И он отбивает землю у соседа клязузами, взятками начальству, насилиями. А сосед старается вытеснить другого соседа или уходит с места, на котором жили его предки.

Мы даже радуемся бедности своего народа, потому что чем больше бедных, тем дешевле рабочие руки. Мы радуемся, когда люди лишаются скота, потому что тогда освобождаются пастбища. Разве мы друг другу желаем добра? Мы хотим обнищания соседей, а те хотят, чтобы мы разорились. И вот так мы все перессорились.

Но и для вражды надо иметь силу. И вот мы стали оспаривать друг у друга должности волостных старшин и биев. Степь широка, но она нам стала тесна, а люди не уходят в чужие края, люди не пахут землю, не торгуют. Нет, они торгуют, только по-своему: они поочередно продают сами себя — сегодня одному, завтра другому. В раздорах покупают люди в степи себе стонников, перепродают голоса и влияние.

Степь полна вражды и воровства.

Кто же может укротить вора, когда, опираясь на воров, все враждуют друг с другом?

Клязуза населяет степь, на лучших людей страны клеветают, против них возбуждают уголовные дела для того, чтобы на выборах лишить этих людей права быть выбранными.

Мы не сеем хлеба, но мы сеем раздоры, мы выращиваем ложных свидетелей, которые могут подтвердить, что они видели то, чего они не видели, и слышали то, чего не слышали. Мы умножаем врагов.

Что делать в степи честному человеку? Если умолять врага, если согласиться с ним во всем, то, значит, ты сам не честен, а если бороться с врагом, то станешь ты жить в вечных хлопотах и не найдется у тебя времени ни для какой работы.

Старшины живут обманом, и войлок под их задами постелен хитростью, и они посажены на него неправдой.

Есть пословица у казахов: «Не в деле, а в человеке сила». Значит эта пословица, что ничего не достигнешь правдой и все получишь обманом.

Для обманов мы выбираем волостного правителя на три года, и первый год мы докучаем ему, рассказывая про свои обиды, а он нас только слушает, и мы упрекаем его: «И для чего мы избрали тебя? Ты ничего для нас не делаешь».

Второй год правитель заботится о том, как бы опочить своего соперника, чтобы тот не мог сесть на это место после следующих выборов.

Третий год правитель всех выслушивает и обещает все изменить, если его изберут снова старшиной.

Так проводит он все время в пустых хлопотах.

Хоть бы мы тех людей избирали, которые получили образование на русском языке. В этом был бы хоть какой-нибудь смысл.

Во-первых, это побудило бы казахов обучать большее количество детей. Во-вторых, такой человек не зависел бы от степных управителей, а был бы зависим от закона.

Не на пользу, а явно во вред народу избираются сейчас бии — судьи. Избираются люди невежественные; им нужно знать своды старого обычного права: «Путь, проторенный Касым-ханом», «Старый путь Есим-хана» и «Семь сводов справедливости Азь-Таукехана», составленные на совещании в Куль-тобе.

Надо понимать и различать, что в этих законах устарело, что нужно заменить. Но избираемые теперь судьи не сумеют найти разумную замену. Ведь и прежде говорили люди: там, где два бия, там четыре спора.

Бии множат споры. Чем умножать количество биев и споров, лучше выделить из каждой волости по трое судей и сделать их несменяемыми. Пусть их сменяют только за преступление. Пускай дела решают двое из них, а третьего приглашают со стороны. А если бы и эти не решали дела, то брать для решения одного из трех постоянных судей. Может быть, тогда наши споры решались бы быстрее.

Тот, кто умеет внимательно смотреть, знает, что глупый смех похож на опьянение.

В самом деле, пьяный человек — легкомысленный; когда он говорит, от его слов заболевают головы слушателей.

Беспечный смех приводит того, который ему предается, к расстройству хозяйства, к растрате ума и к разным неблагоприятным поступкам. Можно сказать, что такие люди или в этой жизни, или в загробном мире будут наказаны.

Разумный человек к своим делам относится внимательно, и это приводит его к довольству.

Я не хочу, чтобы мы все время горевали — никакая душа не выдержит такой постоянной печали. Но горе должно быть разумное, и такого горя не надо избегать; огорчайся тем, что у тебя мало горя, избавляйся от пустых забот настоящей работой. Каждая настоящая работа уменьшает горе. Значит, избегай горе, гони его от себя не пустым смехом, а разумным трудом. Значит, не отдавайся горю в плен, не запирайся в свои несчастья — это тоже неправильно.

Не радуйся преступлению дурных людей, не наслаждайся смехом — сердись на зло, смейся гневно.

Смех с досады — это не радость, а горе. Такому смеху ты сам не будешь постоянно предаваться. Этот смех не похож на опьянение. А если будешь смеяться от удовольствия, увидя, что есть хорошие люди и высокие подвиги, то смейся смело.

Но не разбрасывайся в веселье. Не хвастайся весельем, не разливай его, как пьяный разливает свое питье. Есть смех, который не рождается в сердце, а идет только из груди. Это деланный, подкрашенный смех. Не увлекайся таким смехом.

Человек рождается, плача, умирает, сердясь. Не видя счастья жизни, преследуя друг друга, хвастаясь друг перед другом, теряем мы бедную жизнь, не видя ее, унижаем непристойными поступками, пренебрегаем ею, как песком, как гнилой веревкой, а когда она подходит к концу, то плачем и не можем купить и одного дня жизни за все свое состояние.

А стоит ли та жизнь, которую ты прожил, жалости?
Жить хитростью, жить слезливыми просьбами — это не значит жить, это значит существовать, как существует собака.

Если хочешь жить достойно, живи трезво, опираясь на свою силу, трудись, и земля принесет тебе свои плоды и не оставит тебя в ничтожестве.

ПЯТОЕ СЛОВО

Писал про смех — теперь напишу про горе.

Скорбь сжимает грудь, ослабляет все суставы тела, исторгает из человека слезы и потоки жалоб.

Сколько раз я слушал, как говорили казахи: «Господи, сделай нас беззаботными, как младенцев». Значит, у казахов есть заботы, и они считают себя взрослыми.

Но если спросить у них: какие у них заботы, какое горе они знают, то они ответят пословицами: «Дана тебе жизнь на полдня, а средства имей на целый день», «Бедному и отец не родня», «Скот — печень человека», «Богатому свет, а бедному тьма», «Храбрец и волк найдет пищу на дороге», «Берущая рука привыкает и отдавать», «Тот, кто сумел нажиться, тот и прав», «Избегай озер глубоких и людей скупых», «Если голоден, скачи в дом, где идут поминки».

Много у нас пословиц, но не говорится в них о науке, о знании, о справедливой и спокойной жизни.

Человек любит свой скот, как собственные свои потроха. Он хочет получить все обманом. Если ему не дадут, хочет ограбить. Человек не боится ограбить даже отца.

Так на что же жалуются казахи?

Разве их мудрость не похожа на мудрость младенца?

Но даже дети знают, что раскаленный камень жжется, а взрослые не боятся преступления.

Когда детям бывает стыдно, они готовы провалиться сквозь землю, а люди, создавшие эти пословицы, очевидно, ничего не стыдятся, они отрекутся и от тебя, если ты не будешь на них похож.

И вот страна, в которой я живу, и вот народ, который я люблю.

ШЕСТОЕ СЛОВО

Одна из казахских пословиц гласит: «Начало уменья в объединении. Начало достатков в труде».

Но что такое единение и как его достичь — казахи не знают.

У казахов выходит так, что единение — это общность скота, еды и одежды.

Но если это так, то какая же польза от богатства и какой убыток в бедности? Зачем искать богатства на стороне, если оно есть у тебя в роду и его можно выпросить?

Но это ли единение?

Нет, единение в общности мысли, в общих намерениях, а не в мнимой общности богатства, которое будто бы можно выпросить у своей родни.

Дорожа такой жизнью, считая только смерть врагом, человек становится врагом всего высшего и извечного: спасая низкую жизнь, бежит человек от врага, получает славу труса, бежит от труда и получает славу лентяя, становясь врагом всего хорошего.

Нет, такая жизнь не жизнь. Вот когда у человека жива душа, живо сердце, вот тогда жизнь жива.

Если ты сам как будто жив, а сердце твое мертво, то ум твой пропал. У тебя не будет силы на труд. Есть стихи:

Никчемный лентяй, насмешник,
Ты радуешься, что у тебя всегда готова еда.
Ты суетишься, внутри ж ты ничтожен,
Не знаешь конца своего, не знаешь стыда.

Лучше праведная смерть, чем такая жизнь.

СЕДЬМОЕ СЛОВО

Когда рождается ребенок, в нем уже есть два начала.

Одно — это желание есть, пить, спать, вообще удовлетворять потребности тела. Если этого желания нет,

то тело перестанет быть жилищем души, не будет расти и развиваться.

Второе начало — стремление все знать. Ребенок стремится ко всему — он тянется к блестящему предмету, пробует все на вкус, на ощупь. Заиграет музыка — ребенок тянется к ней; услышит лай собаки, или топот идущего скота, или плач и смех — и сразу встрепетается. Позднее он начинает спрашивать: «Что это такое?», «Почему он это делает?», «Для чего это?». Ребенком овладевает высокое беспокойство.

Вот это и есть потребность души, стремление все видеть, все знать, всему научиться. Если пропадает это стремление, если не захочешь полностью знать все или узнавать хоть часть, то ты уже не человек. Если мы не стремимся к знаниям, то наша душа уже не душа человека, а душа животного.

С самого начала бог создал человеческую душу так, что она отличается от души животного. И это видно во всем. В младенчестве, ежеминутно спрашивая «почему», мы забывали и пищу и сон. Почему же, вырастая, мы теряем наш первый дар — жажду познания? Почему же идем за теми людьми, которые создают науку и находят ответы на «почему»?

Мы должны были бы увеличить свой мир, умножить сокровища, к которым стремились в детстве. Жажда знания должна была бы подчинить себе тело. Но мы не поступаем так. Мы галдим галками, каркаем воронами и, как они, не летим дальше навозной кучи у аула.

Жажда знаний владела нами только в детстве. Окрепло тело и не подчинилось душе. И мы перестали верить тому, что душа нам подсказывала, насыщаясь только простым видением. Мы не вникали в сущность жизни и утешали себя словами: «Ничего не убыло и у того, кто жил, ничего не зная». Нам рассказывали о познании, а мы не верили. Нас учили, а мы отвечали: «Твой разум для тебя, а мой для меня». Мы отвечали: «Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным, да по-своему». Мы говорили: «Бог с ними, не нужно быть лучше других». Мы не видели достоинства познания и не понимали наставлений.

И вот в груди нет простора и в сердце нет веры.

Так чем же мы лучше животного, которое видит мир, но не знает мира?

Детьми мы хотели знать, хоть мы и не узнавали, но мы были детьми людей, потому что стремились к знанию. Сейчас мы хуже животных. Животное не знает, но оно и не спорит, не доказывает, что знает. Мы же ничего не знаем, но дорожим невежеством, и не променяем невежество на знания, и готовы отстаивать свое невежество со всей страстью вздорного озорника.

ВОСЬМОЕ СЛОВО

Кто же примет мудрый совет? Кто послушает наставления?

Ни волостной старшина, ни бий меня не услышит.

Если б у них была мысль о познании, то их бы не избрали; они и избираются потому, что добиваются избрания, считая, будто могут стать примером для всех. Они сами считают себя совершенством.

Зачем же им слушать? Да если бы они и захотели слушать — нет у них на то времени. У них в голове своя забота: не оказаться виноватым перед начальством, не пропустить в аул разных смутьянов. Они заняты.

Думают они: вот сядет им на голову птица счастья, и станут они владельцами полумира, умножат стада и все купят за свой скот. Так ходят они, задрав нос. Честь, бесчестье, разум, наука — все это для них ниже скота. Они думают, что за подарки скотом можно получить даже доброе мнение бога. Для них религия — скот, народ — скот, знание — скот, совесть — скот.

Как же им понимать жизнь и слушать советы, когда у них нет времени на понимание?

Бай думает всех закормить, всех запоить, всех принудить караулить его скот, убересть скот от воров и волков, убересть от стужи. Много пройдет времени, пока он это все устроит, а устроив, он все завершит одним хвастовством и бахвальством.

Не послушают советов и воры, злодеи, хитрецы.

А мирные люди, люди овечьей породы, не могут меня слушать, потому что они не обеспечены пропитанием. Они говорят так: «Почему вы обращаетесь

к нам? Лучше обратитесь к тем, которые старше нас, к тем, которые должны были бы понимать слова разума». Но тем нет до этого никакого дела. Нет у тех ни горя, ни печали.

ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Я сам казах. Люблю я казахов или не люблю?

Если бы любил, то хвалил бы их поступки, находил бы в них хоть одну черту, достойную человеческой любви. Или, чтобы хоть не терять надежды, утешал бы себя мыслью: «Если нет у них этого, то, может быть, есть другое». Должен был бы я хоть как-нибудь поддерживать в себе веру. Но нет этого у меня.

А если бы не любил я казахов, то не посещал бы их круга, не интересовался, что происходит среди них, и спокойно лежал бы в стороне. Или откочевал бы от них. Но нет у меня ни того, ни другого. Не думаю я: исправлю я их. Нет у меня надежды, что они сами исправятся. И вот я существую, но не живу. От досады на них, от досады ли на самого себя живу здоровый снаружи, мертвый внутри. Сержусь, но в сердце нет гнева. Смеюсь без радости. Произносимые мною слова как будто не мои. Все стало чужим.

В те дни, когда я еще верил, я часто думал бросить казахов, уехать куда-нибудь, но тогда еще я любил их и надеялся на них. Теперь я узнал их совершенно, потерял всякую надежду, погасла всякая вера, и не хочу я даже уехать куда-нибудь, не хочу породниться с чужими, привыкнуть к ним.

Стал я человеком с пустой грудью и думаю, что, может быть, и хорошо жить так, чтобы встретить конец, не жалея об ушедшем, умирать, не горюя, а устремляя взор надежды на будущее.

ДЕСЯТОЕ СЛОВО

Некоторые молятся, прося у бога ребенка. Но для чего человеку ребенок?

«Если умру, — думает человек, — пусть останется наследник, пускай он помолится после моей смерти, а когда состарюсь, то прокормит меня сын».

Справедливо ли это желание?

Человек хочет, чтобы сын заступил его место.

Человек, ты думаешь, что имущество без тебя останется без хозяина? Тебе ли заботиться об оставшемся имуществе? Почему ты ревнуешь других к своим вещам, лежа на смертном одре?

Хорошие дети — радость, плохие — горе. Знаешь ли ты, каким будет ребенок, которого ты просишь у бога? Мало ли тебе тех мук, которые ты сам перенес в жизни? Мало ли ты совершил собачьих поступков? Почему же ты хочешь, родив ребенка, передать ему свою собачью жизнь и муки?

Ты хочешь, чтобы после твоей смерти твой сын молился за тебя. Но если ты многим сделал добро, то кто же не помолится за тебя; если же ты сделал много зла, то что тебе даст молитва сына?

Или ты думаешь, что сын твой после твоей смерти сделает за тебя то, чего ты сам не сделал? Такой ли ты отец и такова ли твоя страна, чтобы ты мог воспитать хорошего ребенка?

Ты хочешь, чтобы он прокормил тебя в старости? Пустая вера. Да доживешь ли ты до старости? А если доживешь, то будет ли твой ребенок хорошим и способным тебя прокормить?

Если у тебя будет скот, то кто тебя не прокормит? Если у тебя не будет скота, то чем тебя будет кормить сын? А сможет ли твой сын сам умножить стада — это темно и недостоверно.

Хорошо. Даст тебе бог ребенка, но сумеешь ли ты его воспитать? Нет, не сумеешь, и будешь ты отвечать не только за свои грехи, а станешь соучастником грехов своего ребенка.

Подумай о том, правильно ли ты сам относишься к вещам, — и твое беспокойство уменьшится.

Ты начинаешь обманывать своего сына с раннего детства, суля ему то одно, то другое. И забавляешься тем, что обманул ребенка. Но если твой сын станет обманщиком или лгуном, то, спрашиваю я тебя, кто его научил?

Потом ты научишь его ругать других, а сам будешь защищать его и прощать его озорство и этим окончательно испортишь ребенка.

Потом ты отдашь его в ученье и наймешь самого

дешевого муллу, думая, что хватит с твоего сына уменя читать и писать.

Сам ты учишь сына хитрости, говоришь, что вот такой-то мальчик за глаза его ругает.

Вот и все твое воспитание. И почему ты после такого воспитания ждешь добра от своего ребенка?

Еще ты молишься о богатстве, но для чего тебе эта молитва?

Вот бог дал тебе силу, достаточную, чтобы ты трудился. Но ты не работаешь. Бог дал науку, но ты не учишься. Бог дал тебе разум, но ты его растерял. Ты бы стал богатым, если бы трудился без лени, терпеливо искал и благоразумно работал. Но тебе не этого нужно: ты хочешь получить богатство угрозами, обманом, попрошайничеством. Вот чего ты хочешь.

Ты враждуешь с людьми, теряешь доброе имя, выпрашиваешь подачки. Ну вот, хорошо, ты пришел наконец к цели, приобрел скот. Но сумеешь ли ты воспользоваться богатством и получить знания? Нет, ты и сам не смог познать. Значит, ничего не узнает и твой ребенок. Без науки же нет благ ни на том, ни на этом свете.

Молитва, пост, паломничество в Мекку, совершенные без знания, не есть настоящее благочестие. Я не видел ни одного казаха, который, разбогатев по-волчьи, жил бы после этого по-человечески. Нет, люди по-волчьи богатеют и по-собачьи разоряются. И три сокровища остаются у них: му́ка, горе и злоба.

Богатый умеет только хвастаться, что он богат, разорившись, он хвастается тем, что был богатым, и нищенствует вволю.

ОДИННАДЦАТОЕ СЛОВО

Чем же сейчас промышляют казахи?

Они промышляют двумя вещами: воровством и попустительством; вор думает, что он разбогатеет воровством, а хозяин скота пытается наверстать убытки, украв у соседа с излишком. Власть имущие стараются разбогатеть за счет истца и также за то, что они вырчат вора.

Другие люди стараются разбогатеть на доносах или на том, что они дадут вору внаймы коня или получат от него по дешевке добычу.

Другие плуты стараются разбогатеть, подсказывая людям, которые даже еще и не имеют воровских мыслей, разные новые козни. Они говорят им: «Поступай вот так-то и будешь беком, будешь сильным или получишь удовлетворение за нанесенную тебе обиду и прослынешь храбрецом». Они занимаются подстрекательством, стараясь сбить с пути истины людей, уча их подозрительности.

Начальники говорят одному: «Я тебя поддержку, наживайся за счет такого-то». Другим начальники говорят: «Что ты зеваешь, наживайся за счет такого-то».

А простой люд рассчитывает на то, что их много, и обещают люди поддержать одного из своих всей толпой в бою и в тяжбе. Перебегают люди из партии в партию.

Не видя покоя ни лежа, ни стоя, так продают люди себя, жену, детей и свой аул.

Если бы исчезло это воровство и эти два способа наживаться, то, может быть, люди занялись бы хозяйством, беки ограничили бы свою алчность, а бедняки, стремясь к тому, чего у них нет, обратили бы свои желания к достойному труду. Теперь же все люди — соучастники краж и укрывательства.

Кто же исправит это? Неужели и клятва, и честь, и стыд так и иссохнут бесславно? Легко было бы укротить самих воров, но кто укротит баев, ставших послушными союзниками плутов и смутьянов?

ДВЕНАДЦАТОЕ СЛОВО

Если кто-нибудь неверно делает хорошее, неправильно исполняет благочестивое, то у нас не повернется язык, чтобы запретить ему это дело.

Думаю я, что главное в намерении: в том, что делается для блага, не может быть плохого.

Однако людям, у которых не хватает знания для благочестия, было бы лучше, если бы они знали хотя бы два правила: во-первых, надо понимать смысл веры,

во-вторых, не надо ограничиваться совершением обряда, а надо стремиться учиться.

Если кто-либо, не научившись, бросил учение, он уже сбился, и его благочестие не будет настоящим.

Если кто, не поняв истинного смысла веры, наденет чалму и начнет величаться, называя себя поборником поста и молитвы, то это будет подобно тому, как человек, не заплатив калым за невесту, поехал за ее приданым.

ТРИНАДЦАТОЕ СЛОВО

Смысл веры, то, что называют иман, — это понимание беспорочного, всеблагого единства создателя и понимание учения нашего пророка, посланника всемогущего.

Но для того, чтобы утвердиться в имане, необходимы два условия: во-первых, вера должна быть сознательной, во-вторых, вычитав из книг одно, услышав от мулл другое, нужно выработать свое понимание и быть стойким в нем и не верить уже ничьему наущению.

Если тебе будут грозить смертью, если тысяча людей будет оспаривать тебя тысячью разных способов, нужно, чтобы чувство твое не поддалось.

Для того чтобы сохранить такое понимание веры, нужно львиное сердце и неослабевающие суставы.

Но есть люди, которые думают, что у них есть вера, но верят они по чужому завету. Такие люди неустойчивы. Они клятвенно утверждают, что белое — черное и черное — белое, и клянутся, что неправда — правда. И да сохранит нас от таких сам господь бог.

Не нужно забывать, что, кроме двух видов веры — сознательной и несознательной, — никакой третьей веры нет.

И когда поступаешь против закона истинной веры, не надо думать, что бог по доброте простит. Не это соответствует величию бога и благодеяниям пророка.

Пусть будут прокляты те люди, которые ободряют вас ложными пословицами, которые говорят, что на острие сабли нет клятвы; которые говорят, что нет для бога грехов, которые бы он не простил.

Есть ли у человека что-либо драгоценнее, чем его сердце?

Если казах говорит, что человек имеет сердце, значит, он считает того человека богатырем. Других свойств сердца он себе ясно не представляет.

Будь милосердным, считай другого человека своим братом, желай ему того, чего желаешь себе. Вот хорошие правила для сердца для того, чтобы воспитать в себе правдивое сердце.

Если язык повинуется сердцу, то ошибок не бывает, а если язык лжет, то и сердце бывает обмануто.

Есть у нас в народе выражение: «Доблестное сердце». Знай, что такое сердце не совместимо с обманом и хвастовством.

Человек, обладающий сердцем, быстро оправляется от несчастья. Он не идет, как собака, за чужим караваном. Он сам поворачивает заблудившихся лошадей на истинный путь. Он покоряется, но покоряется тому, что справедливо для разума. И трудна ему иногда эта покорность. И он не покоряется тому, что не выдерживает испытания разумом. Вот истинное сердце. Это львиное сердце, это то, что казахи называют «журекты». То же, что мы обычно называем сердцем богатыря, — это не львиное сердце, а волчье сердце.

Казах ведь тоже дитя человека. Он совершает зло не от глупости, не оттого, что у него нет разума, а оттого, что в сердце его нет той твердости, которая позволяет выполнить повеление разума.

Я не верю людям, когда они говорят, что совершили зло, потому что не имели познаний. Нет, часто люди имеют знания, но пренебрегают ими, потому что исполнение истинного знания часто — подвиг. А раз поддается казах подлости, — нет у него уже сил порвать со злом.

И люди, которых в народе называют «сильными жигитами», «ловкими жигитами», ведут друг друга к беде и преступлению, возбуждая возгласами: «Ай да батыр! Вперед, богатырь!» Но человек, отступивший от

пути истины, от пути чести, человек, который предался темным делам, хвастовству и не проверяет себя, — это не только не богатырь, не только не жигит, но даже не человек.

ПЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Между умными и глупыми людьми, по-моему, есть одна существенная разница: умный человек — человек. Конечно, и он увлекается, но, увлекшись, он тратит все на достижение цели, и само время поисков останется для него в памяти лучшим временем жизни.

Такой человек, найдя достойный предмет страсти, ищет с жадностью и, когда, вспоминая, рассказывает, то понимает, что он получил высокое наслаждение, и не жалеет, что жизнь его прошла.

Глупый человек не находит себе места в жизни. Он увлекается чем попало, растрчивает свою страсть на бесцельные и бесплодные желания, он проводит самую лучшую часть жизни в собачьей беготне, а старость в раскаянии.

Глупый человек в молодости меняет потеху на потеху. Ему кажется, что молодость вечна, что тело не стареет и суставы не ослабевают. Но быстро потехи сгибают ему шею, и он теряет способность выбора и даже теряет желания.

Страстность становится болезнью. Если человек и достигает того, к чему он стремился, то все это только мнимое достижение, человек переживает только опьянение. Опьянение лишает сил и затмевает его разум, и смотрят окружающие трезвые на пьяного и смеются над ним. В это время разумный, не выставляя себя на посмешище, упорно ищет и находит.

Глупый человек похож на всадника, который, сбросив с коня седло со стремями, потеряв шапку, закрыв зад лошади полами своего кафтана, задрал нос к небу, скачет, как одурманенный.

Если ты сам хочешь быть в ряду разумных, то раз в день, или раз в неделю, или хоть раз в месяц давай сам себе отчет, как ты за это время вел себя в жизни, совершил ли ты поступки, соответствующие благу и

разуму. Не совершил ли ты того, в чем следует раскаиваться? Думай о том, как ты провел свою жизнь и заметил ли ты, запомнил ли ты, как провел ее.

ШЕСТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Казах не заботится, чтобы его жизнь была праведна перед богом. Он думает, что достаточно делать так, как делают другие, что добродетель в том, чтобы вставать и снова падать на молитвенном коврике, творя поклоны. Ведь говорят у нас иногда купцам, приехавшим получить долг: «Вот все, что я нашел. Если для тебя достаточно, то бери. Не думаешь же ты, что специально для тебя я достану богатство из-под земли».

Но судьбу нельзя обмануть, как обманывают купца. А люди, не утруждая себя хлопотами и не желая ничему учиться, говорят: «Вот все, что я знаю. Где же мне на старости доучиваться?» Или они говорят: «Я невежда. У меня и язык не поворачивается, чтобы говорить высокие слова».

Человек, разве твой язык сотворен не так, как язык других людей?

СЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО

Воля, сердце и разум спорили, кто из них важнее. Они пришли к знанию, чтобы оно решило этот спор.

Воля сказала: «Послушай, знание, ты ведь сама знаешь, что без меня никто не может достигнуть своей цели. Ведь только благодаря мне люди отстраняют лень и упорно, настойчиво стремятся познать тебя. Даже богатому нельзя без воли и труда достигнуть совершенства».

Разве не я руковожу выбором людей? Не я ли предохраняю их от легкой наживы и злых повадок? Не я ли возвращаю людей на путь истинный, когда они его покидают? А вот эти двое со мной спорят».

Разум сказал: «Но ведь только я знаю, что вредно, что полезно как для этого, так и для того света. Слова понимаю один я. Без меня нельзя получить прибыль, без меня нельзя избежать убытков. Только я пости-

гаю науку. Как же эти двое, — сказал разум, — оспаривают мое первенство? И на что они годятся без меня?»

Заговорило сердце: «Я царь человеческого существа. Я гоню кровь по жилам, без меня нет жизни. Только я заставляю сытых, беспечных людей, валяющихся в тепле на мягкой постели, тревожиться и думать о том, как живут бедные и обездоленные. Я отравляю сны беспечных, заставляю людей ворочаться в их постели. Во мне почтение к старшим и милость к младшим. Как часто не берегают меня в чистоте, как часто меня унижают. Но если сердце честно и безупречно, то нет обиды между людьми. Я восторгаюсь добродетелью и заставляю людей отскакивать от зла, как от змеи. Все доброе — скромность, справедливость, милосердие, отзывчивость, — все исходит от меня. Как же эти двое могут спорить со мной?»

Тогда знание, выслушав всех, заговорило: «Слушай, воля, все, что ты говорила, справедливо. Более того, ты обладаешь многими другими достоинствами, тобой не упомянутыми. Но хотя и не могут жить те двое без тебя, но вместе с силой у тебя есть и жестокость. Много от тебя и пользы, но бывает от тебя и вред. Иногда ты крепко держишься за добро, но иногда и за злодеяние. Это плохо в тебе». Так сказало знание. Потом оно продолжало: «Разум, то, о чем ты здесь говорил, тоже правильно. Без тебя ничего нельзя найти. Только ты знакомишь нас с тайнами творения, жизнью души, но и от тебя бывает зло. Ты рождаешь хитрости, проделки, ты являешься руководителем и хороших и плохих людей. Ты ведешь людей по пути добра и зла одинаково. Вот это в тебе очень плохо».

И продолжало знание: «Я приказываю вам троице объединиться в одно целое, и повелителем троих будет сердце. Разум, ты слишком разносторонен. Пускай сердце следует за тобой в добро, пускай оно тогда с тобой соглашается и радуется. Но пускай оно не идет за тобой по дороге зла. Более того, пускай оно тогда будет тебе приказывать вернуться. Воля, ты сильна, но пускай и тобой руководит сердце, пускай на доброе и полезное дело оно не будет жалеть твоих сил, а на зло пускай оно накладывает запрет.

Посоветовавшись, соединитесь все трое вместе, но помните, что сердце — повелитель. Если вы все трое

будете в одном человеке и так, как я это говорю, то человек, который будет руководиться вами, станет праведником и даже пыль его ног сможет исцелять слепых. Если же будут раздоры между вами, то пусть человек послушается сердца».

ВОСЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО

Хорошо, если человек одевается в целое, чистое и если ходит он опрятным. Но плохо, когда человек старается одеваться не по средствам или, гордясь своей одеждой, становится щеголем. Ведь щеголи все время охорашиваются, поправляют усы и бороду, ресницы, брови, думают о своей походке, ходят подбоченясь, живут в пустых заботах.

Щеголи считают, что одежда должна прокормить человека. Они благодаря одежде и хорошим лошадям хотят прослыть жигитами, хотят пользоваться почетом у старших, хотят быть предметом зависти для равных; они хотят, чтобы стоящие ниже говорили про них: «Что может еще пожелать человек, так хорошо одетый и имеющий такую прекрасную лошадь?»

Все это глупо и позорно.

Но если такая блажь одолеет человека, то трудно снова стать ему человеком.

Ты же избегай общества щеголей.

Только разум, наука, воля, совесть возвышают человека.

Думать, что можно иначе возвыситься, может только глупец.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Не от рождения человек разумен. Он становится разумным после того, как, увидев и оценив многое, начнет отличать хорошее от дурного.

Человек, запомнивший слова мудрых, сам становится благоразумным. Но само благоразумие еще не решает всего. Вот если ты благодаря благоразумию избегаешь плохого, то можешь себя считать за человека.

Но если ты хоть и слышишь мудрые речи, но слушаешь их беспечно или, выслушав и придя в восторг,

не захотел переспросить, чтобы вникнуть в сущности мудрости, и не изменился, то для чего ты слушал? Один мудрец сказал: «Чем говорить людям, тебя не понимающим, лучше откармливай свинью. У нее хоть прибывает жира».

ДВАДЦАТОЕ СЛОВО

Вы знаете, что нельзя изменить судьбу. Так вот — человеку суждено пресыщаться.

Пресыщение создано судьбой, не сам человек нашел его, но если узнаешь пресыщение хоть один раз, то трудно будет тебе от него отделаться. Ты его будешь отбрасывать, а оно станет возвращаться к тебе, и в конце концов оно тебя одолеет.

Есть ли вещь, которая бы не надоедала? Пресыщение знает даже человек разумный. И от еды, и от игры, и от смеха, и от хвастовства, и от щегольства, и от пиров, и от бесед, и от женщин — в большей или меньшей мере, — от всего человек остывает, и это так потому, что пресыщение обнаруживает в каждой вещи порок.

Мир не стоит на месте. Жизнь и сила человека также не остаются в неизменном состоянии. Всему существу суждено непостоянство, изменяется и сердце. Увидев, почувствовав многое, человек узнает и себе цену; узнав бесцельность жизни и краткость забав, человек познает усталость.

И вот почему думаю я, что иногда глупость и беспечность сохраняют для многих радость.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО

Трудно уберечься от хвастовства.

В самом хвастовстве можно различить два вида: назовем один гордостью, а второй просто бахвальством.

Гордостью назовем то, когда человек считает себя значительным и боится прослыть невеждой, легкомысленным хвастуном, не хочет быть попрошайкой, клеветником, лгуном. Вот такой человек бережет себя от плохих поступков, считая их унижительными для себя, и гордость его возвышает.

Все это черта умного и совестливого человека. Такие люди думают про себя — пускай меня и не будут считать хорошим, но хоть не буду я в глазах людей плохим и ничтожным.

Другие же стараются, чтобы о них как можно больше говорили. Они хотят, чтобы их называли баями, богатырями, ловкачами. Они забывают даже, что иногда о человеке говорят, но говорят плохо.

Но и такая хвастливость бывает трех родов.

Одни хотят, чтобы их хвалили среди чужих людей. Такой человек хотя и невежествен, но он все-таки человек.

Другой хвастается в своем роду. Невежественность такого человека полна и несомненна. Но человечность такого хвастуна хотя и не полна, но все еще существует.

Третьи хвастуны хвастаются в своей семье. Уж их даже и в роду никто не похвалит. Вот этот невежда — из невежд невежда, и такой человек — уже не человек.

Потому что тот, который старается, чтобы его хвалили, хочет быть похвальным и в своем роду; тот, который старается, чтобы его похвалили в его роду, хочет, чтобы его хвалили и в его семье. Но тот, который ищет похвал у своих домашних, тот уже лишен стыда, потому что он всегда сам себя может захвалить до совершенства.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Размышляю я о том, кто же среди казахов заслуживает уважения и любви?

Может быть, уважать бая?

Нет теперь баю уважения. Ведь нет теперь бая, который бы независимо распоряжался своим богатством и своими суждениями. Баи соперничают с баями, зависят от сотни людей, унижаются перед ними, давая им взятки скотом.

Бай по своей глупости думает, что это у него просят подарков. Нет, это он умоляет людей взять, потому что взятка не дар и не щедрость.

Внося раздоры в свою округу, раскрывая объятая всяким смутьянам, раздает бай свой скот.

Другие баи, видя, что не могут жить люди нашей страны в согласии, поддаются запугиванию и служат проходимцам всем своим добром.

Может быть, уважать мурз? Но нет в настоящее время настоящих мурз. Вот мурз, дающих взятки и покупающих свое звание за взятки, очень много. Одни из них становятся мурзами для того, чтобы заработать на этом. Другие, потеряв всякий разум, кланяются перед всяким, думая поклонами добиться уважения.

Уважать ли мне волостного старшину и бия?

Но нет биев и старшин справедливых. А биям и старшинам, купившим свои места, нет основания требовать к себе уважения.

Уважать сильных? Но в дурном все сильны, а на хорошее у нас сильных нет.

Я бы уважал умного, уважал бы справедливого, но нет умных людей. Разума хватает только на хитрость, мошенничество.

Отдать ли уважение несчастному, беспомощному, обездоленному? Но они не могут сесть даже на лежащего верблюда.

Скромность, которая происходит от слабости, не достоинство. Если бы у них была возможность хоть забраться на верблюда, то нашли бы они возможность и зацепить по дороге что-нибудь.

Итак, остался я среди мошенников и хитрецов, и нет на них угомона — хотят они все опустошить.

Но кого же любить мне и кому желать благополучия?

Я вспоминаю пословицу: «Кто бережет добро, тот избегает тяжб».

Я желаю тех и тем желаю благополучия, которые скромно отдают половину своего состояния для того, чтобы сохранить другую половину; пусть они жертвы, но они хоть скромны.

Кроме них, никого не могу найти в числе хороших.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО

Не всякая радость — благо. Есть и такая радость, которая не даст возможности нашим казакам стать лучше. Эта радость в том состоит, что найдет казах

скверного человека или у какого-нибудь человека найдется нехороший поступок и скажет себе: «Стыд такому-то. А ведь он себя считает человеком. Разве по сравнению с ним я не лучезарен? Разве по сравнению с ним я не хорош!»

Слушай, казах: разве тебе бог сказал, что достоинство быть лучше самого худшего? Или тебе это сказали достойные люди?

Если есть люди невежественнее и сквернее тебя, то разве ты хорош?

Человек может стать хорошим, сравнивая себя только с хорошим.

Если на скачках участвует сто лошадей и кто-то получит приз, но не первый, то ведь спрашивают у него: а сколько было лошадей впереди тебя? Какой толк спрашивать, сколько лошадей было сзади тебя? Какая радость для отставшего, если он может сказать: и за мной еще было пятеро.

Разве утешение говорить: не мы одни плохи? Разве бог сказал тебе, что тебе достаточно не отставать от толпы?

Кто тебе сказал, что для толпы нет наказания? Или ты думаешь, что в аду не хватит места для толпы? Толпа редко состоит из людей образованных, знания чаще бывают у одиночки. Поэтому не прячься в толпе.

Легче ли, если в доме все заболело, или лучше, когда половина заболела, а половина здорова?

Если заблудилась толпа, то разве не нужен ей человек, который знает степь, по которой идет толпа?

Если истощены все лошади, то это большое зло; меньшее зло, если половина истощена, а половина в теле.

Если пришел джун, то разве хорошо, что он разорил весь народ? Нет, лучше, если хоть половина народа осталась неразоренной.

Значит, нет утешения для одного дурака в том, что на свете много дураков.

Разве убедит свою невесту жених, у которого дурно пахнет изо рта, сказав, что у него в роду у всех так пахнет из пасти? Обрадуется ли невеста, скажет ли она ему: «Не отставай, милый, от своих и ты не мой рта?»

• ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

На земном шаре, говорят, два миллиарда людей. Из них два миллиона казахов.

У наших казахов дружба, вражда, хвастовство, сила, погоня за богатством, поиски знаний — все это не похоже на привычки других народов.

Мы друг с другом враждуем, друг у друга воруем, друг за другом следим и не даем друг другу сомкнуть глаз хоть на мгновение.

Нет у нас ни городов, ни людей, видящих мир.

Неужели же мы так и останемся ничтожнейшими среди народов мира?

Настанет же день, когда среди казахов исчезнут воровство, сплетни, клевета, вражда и будем мы добывать добро и знание верным путем.

Но откуда же явится это?

Ведь у нас сейчас двести человек зарятся на сто голов скота. Разве они могут успокоиться, пока не уничтожат друг друга?

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Обучать детей хорошо, но для начала их надо обучать родному языку, грамоте и самым обыкновенным знаниям. Для арабского и фарсидского языков надо иметь богатство.

Как голодный человек сохранит разум и прилежание для того, чтобы постичь многие науки?

Скудость достатка, раздоры между родичами толкают людей на плутни, на насилия, на воровство.

Работай, умножай свой скот, умножай знание и мастерство. Тому, чему сам научишься, обучай и своего сына. Расти знания. Главное — научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство — все это у русских. Для того чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру.

Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза.

Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно.

Надеяться на то, что проживешь только хитростью, значит быть жертвой невежества.

Невежественный человек способен продать отца, мать, всех родных и близких первому русскому чиновнику, который похлопает его по плечу.

Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче.

Однако в настоящее время люди, обучающие своих детей по-русски, норовят при помощи русского языка поживиться за счет других казахов. Не имей такого намерения.

Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения.

Если мы узнаем столько, сколько знают другие, то станем сильными и равноправными.

Правда, до сих пор из среды казахских детей, узнавших русский язык, не выросло еще выдающегося человека. Это потому, что этих детей портят родственники, родители и близкие люди. Но и сейчас они лучше необученных.

В русскую школу отдают детей нехотя, как на позор или в неволю. Отдают одни бедняки с горя. Как же детям вырасти при таком отношении к науке хорошими людьми?

Иногда казахи, поссорившись со своим родом, желая досадить ему, говорят: «Чем терпеть мне такое унижение среди своих, не лучше ли сдать сына в солдаты, а самому отрастить волосы, приняв облик и обычаи чужого народа?»

Нехорошо бросать свой народ.

Далеко ли уйдут, научатся ли добру дети тех казахов, которые произносят такие постыдные слова? Станут они учиться как-нибудь, будут в одно ухо впускать слово, в другое — выпускать. Вот почему нет детей, которые бы занимались напористо, даже когда их учат бесплатно.

Говорю тебе правду: не торопись женить сына, обу-

чай его русской науке, хотя бы пришлось тебе для этого заложить все свое имущество.

Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, учи его и сделаешь тем благо ему и своему народу.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО

Если лошадь казаха придет первой на скачках, или победит борец из его рода, или схватит добычу его беркут, или собака опередит других, то обрадуется казах до потери сознания. Не знаю, есть ли у него какая-либо радость больше этой. Ой, наверное, нет.

Но достойны ли человека эти радости? Что ты хвастаешься доблестью какого-нибудь животного или победой борца? Тот, который опередил или обогнал, не ты и не твой сын.

Все это похоже на стремление досадить друг другу, разозлить кого-нибудь.

Чему радуешься? Досадить другому нехорошо. Это противоречит разуму и обычаю, вредит тебе самому. Нечему радоваться, если ты кого-нибудь разозлишь, обидишь. Не вызывай у другого человека злобы и зависти.

Сакаковая лошадь, и беркут, и борзая — все это животные. Они иногда бывают у одного, у другого. И сильный жигит рождается то в одном, то в другом роду. Все это создается не твоим искусством.

Победивший однажды не постоянно побеждает. Если ты проиграл, то не желай провалиться сквозь землю. Только невежественные люди радуются и печалются тому, чему не стоит радоваться и печалиться.

Подумаем обо всем этом.

Невежественный народ радуется тому, чему не надо радоваться. Он не помнит, что сделал, что сказал, и радуется пустякам до потери сознания, до опьянения. Он не стыдится того, чего следует стыдиться, и стыдится того, чем надо гордиться. Все это происходит от невежества и от глупости.

Скажешь это людям, и они отвечают: «Да, правда, правда», как будто соглашаясь с тобой. Ты этому не верь, завтра человек, который с тобой соглашается, будет поступать так же, как и все остальные. Он не удержится на скользком пути, не образумится.

Если казах привык к злу, он от него отстанет от страха — только сильного страха, а чаще он откажется от зла только после своей смерти.

Таких людей, которые, признав свою неправоту, станут действовать правильно, я не видал.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО

(По Сократу)

Это слова Сократа, переданные нам Ксенофонтом и записанные им в книге первой «Воспоминаний о Сократе».

Аристодем смеялся над повинующимися воле божества.

Сократ сказал:

— Эй, Аристодем, есть ли люди, которыми ты восхищаешься?

Тот ответил:

— Сколько угодно, высокочтимый учитель.

— Назови нам имена их, — сказал Сократ.

— Я восхищаюсь песнетворчеством Гомера, трагедиями Софокла, искусством перевоплощения в душевное состояние иных людей. Дивлюсь я в живописи Зевксису.

Кроме того, указал он на нескольких людей, искусство которых приобрело широкую известность.

— Если так, кто же, по-твоему, заслуживает большего восхищения, — сказал Сократ, — художник, делающий изображения, у которых есть только облик, или создатель, сотворивший человека с живой душой и всепостигающим разумом?

— Правильно, — ответил ученик, — более достоин хвалы последний, но только тогда, когда это получается не случайно, а намеренно.

— Какие же предметы ты признаешь делом случайным и какие творениями разума? Те ли, цель и смысл существования которых неизвестны, или те, которые существуют для какой-нибудь пользы? — спросил Сократ.

— Надо полагать, что творения разума — это то, что создано с явной целью получить лучшее и полезное.

— Хорошо. Если так, то ведь ясно, что творец человека, давая ему пять органов чувств, понимал их пользу.

Во-первых, у человека есть глаза, чтобы он видел; если бы не было глаз, то какое бы мы получали в жизни удовольствие от красоты мира?

Так как глаза слабы, то для того, чтобы их можно было открывать и закрывать, существуют веки. Для того, чтобы глаза были защищены от сора, существуют ресницы, а для того, чтобы отвести от глаз пот со лба, существуют брови. Если бы не было ушей, не слышали бы мы ни звуков, ни голосов, не получали бы наслаждения от песни и ниоткуда не могли бы получить известий; если бы нос не различал запахов, то мы не наслаждались бы ароматом и не избегали бы дурных запахов; если бы небо и язык не могли бы различать вкуса, то мы не получали бы наслаждения от приятной пищи. Разве все это не на пользу нам? Глаза и нос находятся недалеко от рта, чтобы мы могли есть и пить, видя принимаемую нами пищу и слыша ее запах. А необходимые, но извергающие отбросы другие отверстия помещены дальше от благородных органов познания, помещенных в голове. Разве это не доказательство, что все созданное не случайно?

Аристодем подумал и поверил — и у него не осталось никакого сомнения в том, что создатель мира создал мир с любовью и искусством.

Сократ продолжал:

— Подумай о том, что все живое боится гибели, стремится к жизни и к продолжению ее. Разве это не доказывает высшую любовь к творению, разве это не результат любви, заложенной в каждом живом организме, любви к жизни?

Сократ продолжал:

— Эй, Аристодем, что же ты думаешь, что ум только у человека? Разве организм человека не похож на прах той земли, по которой ты ходишь? Разве та влага, которая находится в твоём теле, не похожа на капли простой воды? Как же ты сам стал господином разума? «Сперва, — скажешь ты, — появилась душа, а потом пришел и разум». Только благодаря душе ты стал господином. Ты видишь этот мир, но целиком охватить его разумом не в силах. Но вот ты убеждаешься в том, что все создано целесообразно и все соответствует никогда

не нарушаемой закономерности. Неужели всему этому ты будешь только удивляться, считая все это случайностью и только?

Или господином всего этого является некий неизмеримый великий разум? Если все происходит не от разума, то от чего? Каковы законы, по которым создан прекрасный мир?

Ученик ответил:

— Все, что ты говорил, верно. Итак, выяснено, что создатель является великим разумом. Я не дерзаю оспаривать величие творца, однако для чего это великое начало нуждается в моих молитвах?

— Эй, Аристодем, — сказал Сократ, — ты ошибаешься. Разве нужно еще доказательство того, что ты в долгу перед создателем, который о тебе заботится?

Аристодем ответил:

— Откуда же я знаю, что он заботится обо мне?

Сократ ответил:

— Посмотри на всех животных, посмотри на себя. Животные одухотворены, но похожа ли их душа на твою? Человек, думая о настоящем и будущем, а также и о сегодняшнем дне, все проверяет чувством и умом. Животное тускло представляет настоящее, но не понимает ни прошлого, ни будущего, но и настоящее ему не дано. Сравни организм животного и организм человека. Человек опирается на ноги, растет вверх, он охватывает своим взором всю жизнь, проверяет ее, и все животные служат ему. Ведь одни животные надеются на свои ноги, другие на свои крылья, но им не дано пользоваться услугами подобных им животных. Если бы человек был создан не человеком, а животным с тем телом, которое ему дано, он был бы ничтожным, а если бы животному дать разум человека, то тело его не соответствовало бы разуму. Животные не могут строить города, производить инструменты, делать оружие и достигать границ искусства и познания. Не доказывает ли все это, что человек создан царем всех живых творений? Не доказательство ли это того, что создатель полюбил человека, позаботился о нем и что человечество обязано выказывать ему свое повиновение?

Так кончил учитель.

Эй, мусульмане! Вы видите, что одни богаты, другие бедны, одни больны, другие здоровы, одни легкомысленны, другие расположены к доброте и сознательны. Люди различны. Если кто-нибудь спросит вас, отчего это происходит, то вы ответите, что это дело творца, его воли. Считая господа бога безгрешным и безупречным, мы верим. Но вот оказывается, что бог вознаграждает богатством клятвопреступников, тунеядцев, а людей, которые честно трудятся и молятся, он лишает последней возможности прокормить жену и детей, обращая их труд в ничто. Видим часто, что скромный человек болеет и унижен. Наоборот, воры, мошенники здоровы. Из двух детей одних и тех же родителей один разумен, другой глуп.

Ведь всему народу сказано: будьте справедливыми и честными; всему народу показан правильный путь. Сказано, что праведные возвысятся, а нечестные получат муку. Однако сам создатель как будто одних ведет к добру, других — к злу. Разве все это соответствует безупречности и безгрешности, справедливости господа бога? И народ, и имущество народа — все в руках бога. Что ж можно сказать о его делах? Вы скажете, что он делает то, что хочет. Если так скажете, то вы его самого тем самым отменяете. Это ваше слово будет означать, что господь бог не безупречен, что недостатков у него много, но говорить об этом не хватает смелости. Оказывается, что бог сам заставляет все делать так, как это делают. Из-за чего же обижаться одному существу на другое существо, делает кто-нибудь для них добро или делает кто-нибудь зло? Не делается ли это все по божьему велению? Но бог говорит, что каждому разумному человеку вменяется в обязанность иметь благочестие и каждому, имеющему благочестие, вменяется в обязанность повиновение. Правое дело не должно бояться проверки разума. Если мы не будем иметь свободный разум, то как понять божественное слово, что разумному человеку вменяется в обязанность иметь истинное благочестие? Куда денется сказанное богом: познающий меня узнает меня только разумом?

Нет, лучше, очевидно, понять так: бог — творец

добра и зла, но не он заставляет их совершать. Создатель болезни — господь бог, но не он заставляет болеть. Бог создал богатство и бедность, но не бог сделал тебя бедным или богатым. Если ты так поймешь веру, то это еще на что-то похоже, иначе все пусто.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Есть хорошие казахские пословицы, но есть и такие, которые ниже не только божеской, но и человеческой справедливости.

Например, говорят: «Если ты беден, то будь бессовестен», «Если ты потерял совесть, то пусть будет проклята твоя жизнь!»

Разве можно сказать, что бедный человек должен быть бессовестным? Ведь то, что человек зарабатывает себе на жизнь трудом, это не постыдное дело. Наоборот, то, что человек трудится, а не попрошайничает и не сидит сложа руки, это его возвышает.

Другие пословицы говорят: «Если поджигать с умением, то и снег загорится», «Если умело попросить, то нет ничего, чего бы не отдали».

Это неразумное слово достойно божеской кары. Чем проводить жизнь в унижении и искать способов «зажигать снег», надо искать богатства либо у земли, либо от работы своей.

Есть пословица: «Если безвестен, то подожги поле». Но какая польза от славы поджигателя?

Говорят также: «Чем сто дней быть мерином, лучше один день быть жеребцом». Но к чему такое однодневное счастье одержимого, одурманенного страстью животного?

Есть пословица: «Увидав золото, покинет путь истинный даже ангел». Да покарает вас за эти слова ангел. К чему ему золото?

Еще говорят, оправдывая алчность: «Богатство слаще отца и матери». Нет правды и в другой пословице: «Душа слаще золотого дома». Что сладкого может быть в душе негодяя, который меняет родителей на богатство? Разве не бессовестно собираться продать своих родителей? Они мучились, приобретали, думали, что все нажитое достанется детям. Если ты готов продать

родителей за богатство, то разве ты не враг всего живого?

Нужно быть осторожным, повторяя пословицы, созданные невежеством.

ТРИДЦАТОЕ СЛОВО

Много у нас болтливое хвастовство — езды на соколах. К чему это трескучее хвастовство и на что оно годится? Нет у хвастунов ни совести, ни досады, ни мысли серьезной, ни дум горьких, ни решимости, ни храбрости, ни человечности, ни совестливости. Они клянутся, споря: «Не будет моя голова приторочена к чужому седлу. Разве чужой меня кормит или дарил мне дойный скот? Ничего я не пожалею — душу свою отправлю к черту. Лучше умереть, но не сдаться». «Все равно, — говорят хвастуны, — смерть одна».

Видели ли вы казаха, который бы выдерживал смысл такого слова? Нет, все только кричат, что смерть им не страшна, и тычут пальцем на свой маленький кадык и клянутся, что они сейчас зарежуся.

Если бы я встретил человека, который на самом деле зарезался хотя бы за глупое свое слово, то я бы начал считаться с этим хвастовством. Но я слышу один только грохот. Хвастается человек, чтобы говорили о нем: «Не трогайте его — он забияка».

О господи, да разве вы не знаете приметы по-настоящему отважных людей? Разве так дают они клятвы?

Кругом одни пустозвоны, болтуны. Говорят про них в народе: «Бесстыжему — болтливый язык подмога».

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО

Для того чтобы усвоить то, что ты слышишь, надо соблюдать четыре правила.

Во-первых, сосредоточь целиком все свое внимание.

Во-вторых, когда услышишь что-нибудь необходимое, увлекись им, вникай в сущность предмета.

В-третьих, повторно продумывай про себя то, что услышал.

В-четвертых, отгоняй от себя мысль о других бесполезных вещах.

Отведи от себя беспечность, распущенность, ребячливую рассеянность, потому что эти свойства разметут и уничтожат все, что ты собрал для достижения знания.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Тем, которые хотят познать науку, необходимо помнить, что для этого надо выполнить несколько условий. Тот, кто забудет о них, не достигнет цели.

Не нужно учиться, рассчитывая воспользоваться наукой для того, для сего, думая, что она принесет сразу выгоды.

Если страстно полюбишь науку и само знание будешь считать подарком, то оно даст тебе высшее блаженство. Стремись к знаниям, стремись к ним страстно. Тогда то, что ты видел или слышал, будет хорошо усвоено и ты в ясных словах и образах закрепíš в себе это сознание.

Если же твои чувства будут обращены к другим вещам, то и науку ты будешь изучать только ради этих вещей. Это отношение будет похоже на отношение мачехи к пасынку. Науку же надо любить, как мать любит своего сына.

Во-вторых, если человек стремится к знанию, то знания приобретаются им сравнительно легко. Но в этом деле необходима искренность. У познания должна быть благородная цель. Не приобретай знаний для того, чтобы хвастаться или спорить. Споры порождают зависть; унижают достоинство человека.

Целью спора часто является не истина, а победа над другим человеком. Человек, который переспорил сотню людей и сбил их с правильного пути, бесконечно ниже человека, который направил на путь правды одного человека. Спор необходим в науке, но увлекаться спором нельзя.

Избегай спеси, гордости, зависти, которые встречаются и среди ученых.

*

В-третьих, если достигнешь истины, то не отступай от нее даже под угрозой смерти.

Если твоя истина не овладеет тобой целиком, хотя ты уверен в ней, то для кого же другого она может быть ценной? Как ты можешь желать от других уважения к тому, чему сам не служишь преданно?

В-четвертых, для повышения знания есть два способа: человек должен развивать способность мыслить, человек должен развивать свое воображение. Без мысли и воображения наука не может развиваться.

В-пятых, избегай беспечности. Беспечность — враг бога и народа. Легкомысленная беспечность несовместима с занятием наукой.

В-шестых, развивай характер. Характер — это сосуд, который вмещает и науку и разум. Если ты будешь легкомыслен, легковерен, если ты будешь увлекаться пустыми забавами, то характер твой испортится, ослабнет. После этого нечего и учиться, потому что все равно пользы не будет. Зачем собирать что-нибудь, если у тебя нет хранилища?

Воспитай волю — это броня, сохраняющая разум. Не стремись к забавам и похвальбам. Пусть все будет у тебя служить разуму и чести.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО

Необходимо учиться ремеслу.

Скот погибнет от джута, а ремесло всегда остается в руках, и ремесленник, продающий без обмана то, что он сделал своими руками, — лучший из казахов.

Однако у казахов-ремесленников есть свои пороки.

Во-первых, они не ищут на стороне лучших мастеров, не идут к ним, чтобы перенять их опыт и, переняв, обогнать их уменьем. Они довольствуются тем, что умеют делать, и, следуя вековой привычке казахов, спешат завалиться набок.

Во-вторых, они работают лениво. Если заработает ремесленник две-три головы скота, то ему кажется, что он уже разбогател. Он думает: «Вот и у меня есть стада», — и начинает предаваться лени, беспечности и франтовству.

В-третьих, если скажут ремесленнику: «Ты великий мастер и человек большой души», или же: «Братец, что стоит тебе сделать для меня», — то мастер думает, что люди от него зависят, он гордится, поддается лести и начинает понапрасну тратить свое время на заказы льстецов.

В-четвертых, любит казах-ремесленник проводить время с приятелями. Пройдоха, который льстит ему, давая работу, и предлагает свою дружбу, дарит мастеру какой-нибудь пустяк, задабривает его и обманывает.

Мастер чувствует себя в числе важных людей. Он старается изо всех сил, работает, не замечает, что его кругом обманывают. Он вкладывает в работу свой материал, урывает от себя, забывает об одежде, о долгах, а люди наживаются на нем, перепродают то, что он сделал, — и так запутываются дела людей. Ремесленники берут в долг чужой скот и отдают его, чтобы расплатиться со старыми долгами. Мастер теряет свое человеческое достоинство и обращается в ничто.

Отчего это получается так, что многие, будучи сами не дураками, так легко поддаются обману?

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Все люди знают, что они смертны, что смерть не всегда приходит только к старикам и что взятого однажды она никогда не возвращает. Верит этому и казах, но верит поневоле, не поняв всего до конца. Верит он и тому, что мир создан единым богом, что будет суд на том свете, что добро будет награждено, зло наказано и что это наказание и награда не будут походить на наши мирские дела. Бог покажет истинное милосердие и накажет зло бесконечной карой.

Казах всему верит этому не глубоко. Он верит смутно, и кто его наставит на истинный путь?

Я думаю, что нельзя назвать казахов истинными мусульманами.

Земные дела держат их, и не может быть в одной душе двух радостей, двух страстей, двух противоположных желаний. Не могут быть в душе человека два начала, глубоко им владеющих одновременно. Если так, то когда у человека земная забота и земная радость

более владеет им, чем забота о том свете, то такой человек не мусульманин.

Теперь же решай сам, есть ли среди казахов мусульмане. Если встретятся казаху две вещи — одна из них будет нужна для земной жизни, а другая для будущей, — скажи, которую он возьмет, не тронув другой? Ты знаешь, что он возьмет земную радость, а вторую оставит, полагая, что приберет ее при следующей встрече. Ты думаешь, что господь бог простит его, а он не упустит случая. Но если после этого человек клянется в вере, разве не понятно, что он уж променял потусторонний мир на радость этого мира?

Думай о высшем.

Человеку человечество друг. Это потому, что твое рождение, воспитание, нужда, несчастье — вся твоя природа, место, откуда ты взялся и куда ты должен идти, вся твоя судьба одинакова с судьбой всех остальных людей.

Твоя смерть, твое сокрытие в земле, гниение твоего тела, допрос, который тебе произведут на Страшном суде, твой будущий страх за преступления этого света, наслаждение прелестями и этого и другого мира — все это общее с другими людьми.

Ты вместе с другими людьми — гость земной жизни. Люди, вы друг у друга в гостях. Так зачем тебе враждовать невежественно с чужой мудростью, завидовать чужому счастью, зачем тебе просить у бога, чтоб он для тебя достал что-нибудь у другого?

К лицу ли высшему существу, чтобы он ради кого-нибудь обижал другого человека?

Люди, не умеющие связать двух слов, все-таки настаивают на своем. Что за тяжбу с судьбой ведешь ты, не имея на то основания, и что ты сам за человек?

ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Говорят, что в день Страшного суда построят в один ряд ходжей, мулл, суфиев, мурз, сеидов. Те, которые стали муллами, ходжами, суфиями, мурзами, сеидами только для того, чтобы здесь, на земле, получить почет и уважение и благо, — те будут стоять отдельно. А те, которые получили эти звания, чтобы быть угодными богу, — станут отдельно.

Первым бог скажет: «Вы в жизни земной искусно добивались того, чтобы вас называли «уважаемый ходжа», «уважаемый мулла», «уважаемый сеид», «уважаемый мурза». Но здесь нет вежливости. Ваша счастливая жизнь кончилась, и с ней погибли ваши звания. Слушайте же не слова уважения, а вопросы правды. Я вам дал жизнь. На что вы ее истратили? Вы прикрывались заботой о будущей жизни. На самом же деле всю вашу жизнь вы посвятили обману».

После этого творец обратится к другим людям, которые употребили жизнь не для своего удовольствия, а стараясь угодить богу:

«Вы потратили свою жизнь и свое состояние, чтоб угодить мне. Я вами доволен. Для вас у меня есть почет и место. Если вы здесь, на суде, имеете друзей, которые хоть не сделали того, что сделали вы, но сочувствовали вам, желали вам удачи, укажите мне их, и я окажу им милость».

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО

В священных изречениях пророка, благословенного богом, Мухамеда сказано: «У кого нет стыда, у того отсутствует и вера».

Поговорка наших казахов говорит то же самое: «У кого стыд — у того вера».

Если это так, то выясним, что собой представляет стыд.

Есть стыд, вызываемый невежеством. Он похож на смущение ребенка, который не решается вымолвить слово перед взрослыми. Это ложный стыд. Стыдиться того, чего не следует стыдиться, — это следствие невежества.

Настоящий стыд удерживает от поступков, идущих против закона или противоречащих здравому смыслу.

Такой род стыда можно также разделить на два вида: при первом стыде ты не совершал сам постыдный поступок, но стыдишься за другого человека. Это происходит как бы от жалости к нему за то, что он поступает неправильно. Этот стыд похож на сострадание. Он охватывает тебя целиком и заставляет краснеть.

Другой вид стыда зарождается тогда, когда ты совершил поступок против закона или совершил нечто бесчестное по неведению или по своей злой прихоти.

Пусть такой поступок останется не замеченным другими людьми. Но он тревожит твою совесть, и совесть тебя пытается твоим самоосуждением. Человек не находит себе покоя, не смеет посмотреть прямо.

Люди перестают есть, спать, иногда даже лишают себя жизни. Трудно человеку, которого застигли мучения совести. Ему некогда утирать слезы из глаз и жижу, текущую из носа. Он становится подобным псу. Он не только не может посмотреть в глаза окружающим, но вообще ничего не видит.

Если ты видишь человека, дошедшего до такого состояния, и не пожалеешь его или постараться сделать, чтобы ему стало еще больнее, то ты сам лишен человеческой совести.

Но люди, которых я вижу вокруг себя, не стыдятся и даже не краснеют. Много, если они скажут: «Но ведь я же говорил, что виноват. Что же еще надо?» Или так скажут: «Ну, хорошо, я опозорился, но ведь и ты поступил бы точно так на моем месте». Или скажут: «Да вот такой-то да еще такой — все они совершили такие же дела, но продолжают ходить по земле как ни в чем не бывало. . . А мой поступок по сравнению с их делами, можно даже сказать — и не грех, и у меня к тому же были основания так делать».

Так нахально оправдываются они, если пытаешься их усовестить.

Что можно сказать про таких людей? Имеют ли они совесть, если можно вообще говорить об их совести? Ведь их дела противоречат делам пророка и правилам сердца.

Можно ли сказать про них, что у них есть совесть?

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО

1. Достоинство человека определяется тем, каким путем он идет к цели, а не тем, достигнет ли он ее.

2. Как ни прекрасна мысль, но, пройдя через уста, она бледнеет.

3. Сказав мудрое слово себялюбивому невежде, ты можешь на этом или успокоиться, или начать досадовать.
4. Помогай достойному; поможешь человеку пустому — только себе повредишь.
5. Сын, почитающий лишь своего отца, — недруг народу, сын народа — и твой друг.
6. Достойный просит многого, довольствуется малым. Пустой просит мало, а дашь ему больше, он все равно будет недоволен.
7. Трудящийся только для себя — уподобляется скоту, набивающему брюхо. Достойный трудится для человечества.
8. Кто дал Сократу яд, кто сжег Жанну д'Арк, кто распял Христа и заставил Мухамеда прятаться от преследований в труп верблюда? Толпа. Значит, толпа глупа. Умей направить ее.
9. Человек — дитя своего времени. Но если ты дурач, не обвиняй в этом своих современников.
10. Если б в моих руках была власть, я отрезал бы язык всякому, кто говорит, что человек неисправим.
11. Одинокий человек — мертвый человек. Горе его окружает. Однако мир заполняют не только беды, но и развлечения. Кто перенесет первое? Кто проживет без второго?
12. Кто не испытывал зла? Теряет надежду лишь безвольный. Ведь истина, что в мире нет ничего постоянного, — значит, и зло не вечно. Разве после суровой, многовьюжной зимы не приходит весна — цветущая, многоводная, прекрасная?
13. Кричащий в гневе — смешон, молчащий в гневе — страшен.
14. Успех и счастье пьянит человека: из тысячи лишь один в счастье сохранит настолько разума, чтобы не предать перед людьми нагим.
15. Если хочешь, чтобы дело ладилось, — сумей за него взяться.
16. Слава — высокая скала. И змея забирается на нее ползком, и сокол достигает ее единым взмахом крыла.
17. Мир — океан. Время, как ветер, гонит волны поколений, сменяющих друг друга. Они исчезают, а океан кажется все тем же.

18. Простолюдин, прославленный за ум, выше царя, увенчанного счастьем. Юноша, продающий свой труд, достойнее старика, торгующего своей бородой.

19. Бойся не черта, а жадного попрошайку. Лентяй всегда ханжа и лицемер.

20. Плохой друг, как тень: в солнечный день беги — не убежишь, в пасмурный день ищи — не сыщешь.

21. Доверяйся тому, кто замкнут, но дружи с тем, кто общителен. Остерегайся беспечного, но будь опорой опечаленному.

22. Гнев без воли — вдовец, ум без печали — вдовец, ученый без последователей — вдовец, а любовь без верности — вдова.

23. Пока тебя не вознесло счастье, добра тебе желают все кругом. Но возвысило тебя счастье — доброжелатель твой лишь ты сам.

ТРИЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Сказать по правде, у наших отцов и дедов, по сравнению с нынешними людьми, было меньше знаний: обхождение их и обличие были грубы, и язык груб. Но у них было два высоких человеческих качества, которых нет у нас.

Мы, нынешнее поколение, искореняя в себе дурные нравы прошлого, заодно потеряли в себе те возвышающие человека свойства, которыми обладали предки. Если бы мы, совершенствуясь, сохранили и хорошие качества своих прадедов, то стали бы достойным и передовым народом. Но поскольку у нас нет тех двух качеств, то все вновь приобретенные качества не становятся качествами человеческими, а обращаются в какую-то чертовщину. Кажется, это и есть одна из главных причин утраты нами нашего достоинства.

Если спросишь, какие это были качества, то я отвечу: в те времена были люди, которые звались «ельбасы», что значит главарь народа, и «топ-басы», что значит главарь общины. Все управление жизнью народа, разбор всех жалоб находилось в руках этих людей. Остальной народ занимался своим хозяйством и своим

делом. Воля главы народа и главы общины была законом. Говорили: «Если каждый станет судьей, то тесно будет и на огромной горе. Если имеешь старшего, то не сгоришь и в огне».

Народ отдавал вождям в руки поводья и не отменял решения вождей. Всякий хотел прославить своего старшего. Народ содержал старших в почете, а они не кривили душой, потому что старшина считал, что богатство народа — его богатство, а сам народ — его брат.

И вот второе старинное качество: люди дорожили честью.

Когда упоминали имя предков и взывали к роду, люди рода, забыв личные обиды, забыв вражду, шли на выручку обиженного сородича. Говорили тогда в народе: «У кого нет чести, того чужой обидит». И прибавляли: «Стремящийся отомстить за личную обиду приносит ущерб общей пользе». И прибавляли: «Среди родни могут быть плохие люди, но отверженных не бывает». Еще говорили: «Если шестеро в раздоре, то упустят они уже и то, что у них во рту, но если четверо сплочены, то захватят они и то, что на небе».

Тогда не любили споров и говорили: «Кто любит дорогу, тот находит клад, кто любит спор, тот находит беду».

И нет у нас этих двух славных качеств предков. У них забота о счастье создавала стойкость. Мы лишились этих двух качеств. Не только наша дружба обман, но и наша вражда только зависть и неуживчивость.

СОРОКОВОЕ СЛОВО

Умоляю, ответьте мне на мои вопросы.

У нас, у казахов, нет плохих среди мертвых и нет хороших среди живых.

Почему?

Со стариками не спорят молодые, но сами старики, потеряв уже много ровесников, не приходят к согласию с теми, кто еще жив.

Почему?

Увидав в чужом роду достойного, мы поклоняемся

ему, как святому, а встретив такого в своем роду, мы обижаем и чуждаемся его и чуть ли не заставляем бежать к чужим.

Почему?

У нас хорошего человека из чужого рода называют светилом, а своего хорошего человека не признают.

Еще раз спрашиваю: почему так?

Путник, приезжая из своих мест к чужим, хвалится своим краем, наговаривает всякую ложь, небылицу, а возвращаясь к себе, хвалит, не разбирая, чужие места и снова лжет.

Почему?

Казах ласков с младшими детьми, но охладевает к детям, когда они вырастают и мужают.

Почему?

Родичи не едут на веселый пир, избегают похорон родича, но охотно откликаются на его приглашение принять участие в воровстве и набегах.

Почему?

Родичи завидуют удаче скакуна своего родича, получившего первенство на скачках, а потом обижаются, если их обойдут при дележке приза.

Почему?

В старину не забывали услугу, и если человек давал свою лошадь путнику, у которого устал его конь, то помнили услугу до смерти. А теперь помощь, оказанная в этом году, в этом же году забывается.

Почему?

Вот байский сын обеднел. Он стесняется работать и не стыдится воровства.

Почему так?

Двум хорошим людям, живущим в одном ауле, уже тесно. А два подлеца так дружны, что их водой не разольешь.

Почему так?

Вот считаешь за друга кого-нибудь и даришь ему коня, и приходит к нему твой враг и дарит ему жеребенка, и друг уже отвернулся от тебя.

Почему так?

А иногда человек хочет до смерти, чтобы приехал к нему его враг и чтобы хоть раз удалось ему поговорить с ним, и ближе ему враг, чем друг, который всегда ему послушен.

Почему так?

Почему никто не желает своему другу благоденствия и возвышения? И если друг случайно возвысится, то становится человек непримиримым врагом прежнему другу.

Почему?

Вот некоторые люди не могут приискать себе в деле советчика и избегают людей, которые знают проделки и тайные помыслы злодеев.

Почему так?

Почему некоторые в гостях ведут себя так, как будто они с собою щедро пригнали скот, а когда к ним самим приезжают гости, то принимают гостей так, как будто все свои стада далеко отогнаны.

Почему так?

Почему люди, жаждущие мира, быстро от него утомляются? Почему народом управляют дельцы — шустрые и хитрые?

Почему, когда старик берет вторую молодую жену, она всегда оказывается гордой и самодовольной?

С чего это?

Почему злодеи смелы?

Почему бедный муж глуп и упрям?

Почему людей, которые сдерживают себя, у нас называют дурными, а людей разгульных и хвастливых, сеющих раздор, считают удалыми?

Почему так?

И ответьте на последний вопрос: почему не верят добру казахи и не хотят слушать правдивое слово, не находят для слушания такого слова времени, но любят слушать ложные и коварные речи, от которых даже молоко скисает в юрте, а они слушают и не могут оторваться, хоть бы все их хозяйство сносило половодье?

СОРОК ПЕРВОЕ СЛОВО

Человек, который не только хочет дать совет казахам, но и желает наставить их на путь, должен для этого сам удовлетворить двум условиям.

Первое: он должен иметь в руках власть. Надо взять детей у родителей, отдать ребят в школы, направить одних на одну специальность, других — на другую. Надо создать школы, надо, чтобы население дало

средства на эти школы, надо, чтобы учились все, даже девушки. И вот тогда, когда молодежь вырастет, а состарившиеся отцы перестанут вмешиваться в дела и разговоры молодежи, может быть, тогда казахи исправятся.

Вы видите, что для того, чтобы выполнить первое условие, человек, желающий исправить казахов, должен быть несметно богат.

Вот второе условие: вероятно, надо одарить отцов, чтобы забрать у них детей, и надо дать образование детям.

Но такой власти, такого богатства, для того чтобы справиться со всем этим, не существует. Без власти и без подарков наставить казахов советами и увещеваниями на путь истины невозможно. Невежество впиталось в мясо и кости народа вместе с материнским молоком и выело из него человечность.

Как станешь говорить с ними, если они не понимают слов, если у них смешки, шептания, окрики и рычания, и они полагают, что нет на свете ничего интереснее этих звуков?

Как же с ними говорить, если они даже не умеют слушать, а все время озираются, смотрят в сторону и думают о другом?

СОРОК ВТОРОЕ СЛОВО

Казах пристрастился к плохому из-за безделья. Если бы он пахал или торговал, разве он имел бы время на праздную жизнь?

Сейчас он находит удовольствие в том, чтобы, выпросив у кого-нибудь на время лошадь, скитаться на ней из аула в аул, есть на дармовщину, собирать сплетни и слухи, хитростью и коварством подстрекать других или самому участвовать в заговоре и так околачиваться без цели и дела.

Человек работающий считал бы для себя такое положение позорным; он не променял бы дела на бродяжничество.

А сейчас баи бросают стада на попечение пастухов-мальчишек, терпят расхищение богатства ворами, волками, но не могут стерпеть, чтобы их оставили вне участия в тайнах, нашептываниях и сплетнях. Бай не мо-

жет не ездить по соседним аулам, не может не совать свой нос во всякие дрязги, во всякую грязь. Еще он хочет бесплатно жрать и ржать от животного удовольствия.

Если спросят, как все это стало привычкой народа, то скажут, что человек, который прилежно занимается скотоводством или другим делом, по нашим понятиям, не считается достойным уважения. А вот тот, кто способен на всякие вероломные проделки, кто распространяет сплетни по аулам, тот в почете.

И все более или менее способные казахи бросают свой скот на попечение знакомых, сказав только: «Ты, мол, присмотри, пригляди за моими стадами», — а сами предаются сплетням, дармоедству и бесцельному шатанию по окрестным аулам.

Люди гордятся не богатством, не умом, не честью — они гордятся уменьем надуть и уменьем донести.

Если человек — доносчик и обманщик, то, пусть он и бедняк, все равно приобретает верховую лошадь, толстую плеть и едет в гости. Усадят его в гостях на почетное место, хоть и ненадолго, и будут угощать его жирными кусками мяса, хоть и недолго.

Подстрекает обманщик простоватых хвастливых баев, говорит им: «Вы мне только прикажите, а я за вас в огонь и воду пойду!» И баи слушают его, и кичатся, и не думают о своем хозяйстве, и дарят обманщику лошадь.

Так раскошеляются баи, теряя покой и не получая от того никакой пользы.

Если баю надо поговорить с кем-нибудь, он советуется прежде всего с прохвостом, а прохвост виляет перед баем и скачет перед ним иноходью, боясь только соперничества. Он боится, что бай подружится с человеком иных повадок и тогда ему, прохвосту, будет меньше почета. И вот говорит прохвост: «Эх, вы, да вы не узнали его, не раскусили. Все, что он говорит, — это одни уловки и хитрости. Вы должны ему ответить на это вот так, а вот на это еще так».

Науськивает прохвост бая и превращает его в недоверчивого человека.

Кичится бай и на прямое слово дает двусмысленный ответ, подсказанный прохвостом, и отворачивается добрый человек от бая, а прохвост тут как тут, и говорит

он баю: «Ага, вот видишь сам, разве я не предупредил тебя, что это у него все одни уловки?» И теряет бай волю и отдается в руки прохвоста.

СОРОК ТРЕТЬЕ СЛОВО

Одни свойства человека рождаются вместе с ним, другие создаются в результате труда. Есть и пить — это произвольная потребность. Спать — также. Желание приобрести известные знания в своем зародыше тоже произвольные, но ум и знания — это уже плоды труда. Видя глазами, слушая ушами, держа руками, пробуя на язык, нюхая носом, человек познает мир. Эти ощущения укрепляются в сознании человека в виде положительных и отрицательных понятий.

Эта сила духа, произвольная и не зависящая от наших желаний, подобна хорошему или дурному впечатлению от виденных нами вещей.

Но человек одно развивает, другое отодвигает, и то, что отодвинуто, если не исчезает совсем, то делается малоощутительным. Труд развивает чувство познания. Труд закрепляет в сознании услышанное. Человек приводит знание в порядок, отбирает нужное от ненужного и становится умным.

Люди ссылаются на бога, что «бог вот не дал мне разума», но это клевета на бога. Разве бог велел кому-нибудь не видеть или не понимать, велел не запоминать? Человек сам занялся развлечением, тунеядством, сном и хвастовством. Он сам потерял свои душевные сокровища и превратился в животное.

Но скажут: если для ума нужна воля, то чувство приходит само. Нет, надо иметь силу стремления. Она создается разумом.

Стремление есть у каждого, но его надо развивать, ухаживать за ним, и тогда жажда познания становится большой и сильной. Человек превращается как бы в другого человека, овладевает искусством.

А если ты о знании не будешь думать, то оно ускользнет и, уходя, не станет кричать: «Я ухожу, я теряюсь».

Настигнуть, вернуть первоначальное стремление труднее, чем вырастить его. Сила духа, сила воли вме-

щают в себя множество свойств, и описать их не хватит времени. Но помни, что всякое мастерство, всякое искусство, которое остается без применения, теряет самые лучшие свои качества, начинает притупляться и исчезать, и часто его вернуть уже невозможно.

Я сообщу тебе только три свойства, которые необходимы душе. Умоляю тебя, не теряй их. Если ты потеряешь их, ты перестанешь быть человеком.

Что это за свойства?

Это свойство быстро понимать все виденное и услышанное и допытываться, откуда оно происходит. Эта живость, этот подвижной элемент души не могут быть заменены чтением книг. Торопись узнавать, торопись делать. Если вовремя не сделаешь, если в нужный момент не скажешь, будешь всю жизнь раскаиваться, скажешь: «Эх, пропустил я время».

Второе начало — это притяжение однородного однородным; оно состоит в том, что ты будешь все сравнивать; узнав новое, будешь вспоминать однородное, проверять, похоже ли это новое на старое полностью или только частично; будешь спрашивать о непонятном, изучать его по книгам и не успокоишься до тех пор, пока не усвоишь все, что тебе хотелось.

Третья сила — это чувство сердца. Храни в чистоте сердце от хвастливой кичливости, эгоизма, легкомыслия и беспечности. Если сердце загрязнится пороками и потускнеет, то исказится отраженный в нем мир и станет все неясным, неточным.

Все, что ты добывал своими руками, все твое богатство ты должен знать, изучать, а если не узнаешь, то не удержишь его в своих руках. Надо знать силу и слабость своего состояния.

Наука имеет свои сильные и слабые стороны. Над ней надо работать, ее надо изучать. Не поняв до конца, потеряешь даже приобретенное.

Имей во всем меру. Знать меру всему и всего — большое дело. Не запутывайся в мыслях, не лишайся здравого рассудка. В еде, в питье, в смехе, в одевании, в развлеченье, в любви, в объятиях, в поцелуях, в страсти к богатству, даже в карьеризме и хитрости — во всем имеется мера. Все, что сверх меры, — зло.

Древние мудрецы говорили: «В том, в чем мы находим радость, в том же в свое время находим горечь».

Пусть не будет тайной для тебя то, что живость и умение сравнивать могут соединяться и все исходит от этих двух сил — и добро и зло.

Хвастливость, злобность, лживость, азарт и подобные им пороки тоже рождаются от этих двух сил: от живости и от притяжения однородного однородным, то есть от того, что есть в сравнении.

Мы должны стараться отобрать все хорошее и отвергать пороки.

Проверяй все сердцем.

Разум отличает полезное от вредного, но разум должен быть отважным. Только тот, кто соединит разум с отвагой, обуздает страсти и будет управлять ими, как укрощенными конями. Иначе они станут источниками порока и, как взбесившиеся лошади, унесут человека с дороги, сбросят его на камни, или в воду, или в бездонный овраг.

Часто даже умный человек не умеет управлять своими страстями, и тогда они сбросят его на землю, и он, раскинув полы своего халата, будет сидеть, оглядываясь, в унижении до самой смерти.

СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Худший человек из числа людей — это человек без стремлений. Но стремления бывают различны. Одни интересны, надежны, другие пусты. Например, все хотят, чтобы их хвалили; и кстати и некстати душа просит похвалы.

Человек общается и делится мыслями с людьми своей работы, своего круга.

Больше всего желают люди славы и почета.

Другие жаждут богатства. «Добуду, — думает такой-то, — скупостью, хитростью добуду — все равно как. Ведь богатых не винят». «У богача всегда светлое лицо», — говорит пословица.

Будь собакой и лай, но если ты богат, никто с тобой не будет спорить. Так думают люди, полагая, что богатство даст им пользу и славу. Так думают многие казхи, но это не совместимо с истиной.

Другие хотят прослыть храбрецами или совершить паломничество в Мекку и надеть зеленую чалму. Третьи хотят получить звание муллы, четвертые хотят прослыть хитрецами, пятые хотят, чтобы их считали

знатоками какого-нибудь дела — и все эти люди хотят только поважничать перед народом. Они щупают пульс казаха, стараются узнать, какое дело ценится сейчас больше всего, и сломя голову бегут приняться за это дело.

Нет тут истинного порыва, чистой души. Люди заискивают у людей, а не думают о чистоте своей души, и много у них в душе задоринок и зарубок, и разводится в ней грязь желанья легкой наживы.

И я вот смотрю на людей и не знаю, с кого брать пример и у кого учиться.

СОРОК ПЯТОЕ СЛОВО

Доказательством существования бога считается то, что вот уже тысячелетия люди на различных языках говорят о существовании всевышнего.

Сколько бы ни было религий, во всех считается, что богу присущи справедливость и любовь.

Мы, смертные, сами не создатели и все понимаем по созданным вещам.

Мы тянемся к справедливости, к любви, и человек отличается от другого постольку, поскольку он понял мудрость аллаха.

Начало человечности — любовь, справедливость, чувства. Это всегда нужно и во всем нужно. Это дело — всевышнего создателя. Даже в том, что жеребец овладевает кобылицей, есть уже зачатки какой-то любви.

Мы сами не создаем науку, мы познаем мир, который мы видим. Тот, у кого больше знаний, любви, справедливости, — тот мудрец, тот ученый, тот овладел миром.

ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ АБАЯ «СЛОВА-НАЗИДАНИЯ»

Известно, что ни одно из произведений великого казахского поэта Абая Кунанбаева (1845—1904) не увидело свет при его жизни. Лишь через пять лет после смерти поэта, в 1909 году, в Петербурге был издан сборник его стихов. А прозаические произведения, представляющие сугубо специфический жанр литературы — так называемые «Гаклия» (Слова-назидания) или «Кара сёзь» (слова в прозе), были опубликованы лишь в советское время. Но тем не менее произведения Абая, как поэтические, так и прозаические, получили на родине поэта широкое распространение в рукописном виде. Стихи переписывались, заучивались и передавались из уст в уста, а прозаические произведения распространялись в рукописных списках или исполнялись искусными рассказчиками-толкователями.

Какое место занимают «Гаклия» или «Кара сёзь» в творчестве Абая Кунанбаева? Мухтар Ауэзов, крупный исследователь творчества Абая, писал: «Трудно назвать жанр, к которому можно было бы отнести «Назидания». Здесь и философско-моралистические, и общественно-публицистические, и изобличительно-сатирические высказывания поэта. Нося в целом характер то мирной, то иронически-желчной, то глубоко грустной беседы со своим читателем, эти «Слова» прежде всего отличаются исключительно тщательной стилистической отделанностью».

Мухтар Ауэзов прекрасно понимал, для кого и с какой целью написаны Абаем назидания, эти сорок пять «Слов», содержащие как философские раздумья поэта о волнующих жизненных проблемах, так и беседы-рассуждения, «адресованные к слушателю-собеседнику в форме устного обращения к нему с глазу на глаз». Слушателями поэт считал преимущественно людей старшего поколения. Он учитывал уровень их мышления, особенность мировосприятия и поэтому писал свои беседы-назидания своеобразным, доступным для них образным языком, насыщенным афоризмами

и народными пословицами. Очевидцы свидетельствуют, что «Слова» пользовались у читателей и слушателей не меньшей популярностью, чем поэтические произведения, потому что в них Абай в интересной, оригинальной форме выражал те же мысли и идеи, те же чувства и настроения, что и в своих стихах. Вот как он представлял себе назначение поэта:

Против невежества, против зла
Он обращает свой гнев, скорбя.
Люди слово его пронесут
Близким и дальним — из края в край.
Суд справедливости, разума суд,
Ты рассуди и ты покарай!

Мухтар Ауэзов справедливо отметил, что Абай в прозаических обращениях к слушателю-собеседнику «становится гневным судьей или печальником народа, и в таких случаях его «Слова» превращаются в скорбную исповедь человека, обреченного на одиночество в мрачный век господства беспросветной тьмы». Как «гневный судья» он неустанно обличал социальные пороки, зло и несправедливость в обществе, а как «печальник народа» горько сетовал на отсталость и невежество, на дрязги и раздоры, которые, по убеждению поэта, обрекали народ на униженное положение. Обличая и осуждая в своем творчестве все, что вредит народу, что мешает прогрессу и просвещению, Абай верил в силу воздействия своего слова. Но действительность не оставляла надежд, принося поэту одни разочарования. Философско-поэтические слова Абая были своеобразной формой борьбы за просветительский общественный идеал. Девяностые годы XIX века, когда были написаны «Гаклии», являются самым плодотворным периодом всего творчества уже пожилого поэта. В первом слове «Гаклий» поэт написал: «Прожита жизнь — спорил я, боролся, судился, имея одни хлопоты, и в них обессилел, устал и убедился в бесцельности всего сделанного». И вот оказалось, что все, что было, — было только унижением человека, и поэт вопрошает себя: может быть, «править мне народом», «умножать ли мне знания», «заняться исполнением обрядов религии», «заняться воспитанием детей»? И находит все это уже невозможным и нереальным для себя. «Наконец решил, — пишет он, — буду развлекаться бумагой и чернилами, буду писать подряд все, что вздумается».

Прошло девять лет, прежде чем Абай написал все сорок пять «Слов»-бесед и высказал в них свои сокровенные думы, чаяния и скорбные жалобы на равнодушных к голосу поэта современников.

Обращаясь к содержанию прозаических «Слов» Абая, нетрудно установить их идейно-тематическое сходство с большим циклом

стихов поэта этих лет. Справедливости ради нужно отметить, что критическое начало в поэтических произведениях гораздо острее, чем в прозаических «Гаклиях». Некоторая смягченность тона бичевания пороков в «Гаклиях», видимо, объясняется тем, что Абай свои беседы адресовал людям старшего поколения и тем, кого поэт, очевидно, считал своими ближайшими единомышленниками или последователями. Вероятно, поэтому Абай делился с ними своими мыслями, в то время как в поэзии он разоблачал носителей зла.

Абай во многих своих прозаических назиданиях как бы расшифровывает те глубокие философские мысли, которые скульптурно вылеплены сложными поэтическими образами в его стихах.

* * *

По объему и характеру «Слова» Абая не одинаковы, не однородны. Несколько выделяется «Двадцать седьмое слово», которое написано в форме диалога Сократа со своим учеником Аристодемом на тему о том, какими высокими качествами наделил человека бог и каким «вечным должником» бога является человек за то, что он «удостоен его любви». Несколько особняком также стоит «Тридцать седьмое слово». Оно состоит из двадцати трех афоризмов, не имеющих прямой связи с основной тематикой бесед.

Если условно выделить эти два «Слова», которые как по объему и тематике, так и по стилю отличаются от других, то остальные «Слова» можно сгруппировать вокруг нескольких основных тем. Первая — это «Слова» об общественном строе и административном управлении. К этой группе можно отнести третье, восьмое, двадцать второе, тридцать девятое, сорок первое, сорок второе «Слова». В них затрагиваются и другие темы. Но основными все же являются рассуждения, связанные с формой правления в степи. Как известно, во второй половине XIX века, когда жил и творил Абай, в казахских степях всюду был установлен институт волостных правителей, избираемых на три года. Как и в поэзии, Абай во многих местах своих бесед-рассуждений, особенно в перечисленных «Словах», с презрением говорит о волостных правителях и биях, сидящих на шее народа. «Кто же примет мудрый совет? Кто послушает наставления? Ни волостной старшина, ни бий меня не услышат... У них в голове своя забота: не оказаться виноватым перед начальством, не пропустить в аул разных смутьянов». «Уважать ли мне волостного старшину и бия? — пишет он в «Двадцать втором слове». — Но нет биев и старшин справедливых. А биям и старшинам, купившим свои места, нет основания требовать к себе уважения». Абай не только не склонял голову

перед «власть имущими», но и всячески разоблачал их злодеяния и мошеннические проделки, сеявшие ложь, обман и сплетни, разжигавшие ссоры и дразги, развивавшие взяточничество, воровство, подкуп и подхалимство.

По-видимому, питая иллюзии относительно возможности улучшения системы волостного и бийско-судейского правления, Абай предлагал, как и до него Чокан Валиханов, свою реформу выборов волостных правителей и биев. Он хотел, чтобы волостной правитель был человеком, получившим образование на русском языке, избирался народом на долгий срок, защищал народные интересы, поддерживал полезный труд, ремесла, просвещение. Наряду с этим он считал необходимым отменить введенное царским правительством положение об избрании судей и следователей из родовых биев, так как они не могут справедливо решать споры и тяжбы, и вместо них предлагал учредить институт третейских судей, которые вели бы следствие на глазах у народа, что совпадает с тем, что некогда предлагал в «Былом и думах» Герцен. Подчеркивая прогрессивность предлагаемой реформы Абая, отражающей его демократическую, просветительскую позицию, Мухтар Ауэзов в то же время отмечает и существенный недостаток, заключающийся в том, что Абай, как и до него Чокан Валиханов, предлагали избирать судей на пожизненный срок. В этом сказались историческая ограниченность просветительско-демократического мировоззрения обоих казахских деятелей.

Следующая тематическая группа прозаических «Слов» состоит из рассуждений и наставлений Абая об образовании, знании и воспитании. Пожалуй, это самая животрепещущая из всех тем, волновавших поэта. Всюду речь идет об отсталости казахского народа в экономической жизни, в образовании, в науке и культуре, в чем поэт обвиняет «сильных мира сего»: царских чиновников, волостных правителей, баев и биев, а также всех тупых, невежественных, раболепствующих и пресмыкающихся перед ними людей. Беспощадно бичуя все, что держит народ в беспросветной тьме, что тормозит прогресс и просвещение, Абай всеми силами доказывал необходимость нести казахам науку и культуру, чтобы стать вровень с другими народами.

Образованию, знанию и науке Абай придавал первостепенное значение. Он укоряет тех родителей, которые, имея возможность учить детей, не учат их или учат не так и не тому, попусту растрачивая свое богатство. «Но я не встречал еще человека, который, подлостью разбогатев, нашел бы потом достойное применение своему состоянию». Такая резкая социально-изобличительная критика заканчивается следующим: «Без науки нет блага ни на том, ни на этом свете». Воспитание в детях хороших человеческих качеств

также связывается Абаем с образованием и наукой. Примечательно, что последнее «Сорок пятое слово» заканчивается словами: «Тот, у кого больше знаний, любви, справедливости, — тот мудрец, тот ученый, тот и обладает миром».

Мысли об обучении детей, о воспитании в них лучших человеческих качеств постоянно занимают Абая-наставника. Они разбросаны почти во всех его «Словах». Именно на них возлагает Абай свои надежды, думая о судьбе своего народа. «Надо создать школы, — писал он в «Сорок первом слове», — надо, чтобы население дало средства на эти школы, надо, чтобы учились все, даже девушки. И вот тогда, когда молодежь вырастет, а состарившиеся отцы перестанут вмешиваться в дела и разговоры молодежи, может быть, тогда казахи исправятся».

Абай-просветитель свято верил в силу воспитания и наряду с осуждением все время наставлял своих слушателей-собеседников на то, чтобы каждый исправлял свои недостатки и недостатки своих детей. «Если б в моих руках была власть, я отрезал бы язык всякому, кто говорит, что человек неисправим», — писал он в «Тридцать седьмом слове».

В беспощадной критике зла и несправедливости с целью преодоления всех отрицательных черт и свойств человеческого характера и поведения Абай видел одну из своих основных задач.

«Двадцать пятое слово» целиком посвящено размышлению о значении русской культуры и русской науки для просвещения казахского народа. «Главное — научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство — все это у русских. Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру». Трудно переоценить значение этой программы для просвещения казахского народа, для его исторически сложившейся дружбы с великим русским народом и приобщения к его культуре. В своих стихах Абай учил отличать русский народ и его демократическую культуру от царских колонизаторов и их политики. Абай призывает казахов изучать русский язык, русскую науку и культуру для того, чтобы принести пользу родному народу. А в «Двадцать пятом слове» мы читаем прямой призыв Абая-педагога к родителям: «Не торопись женить сына, обучай его русской науке, хотя бы пришлось тебе для этого заложить все свое имущество».

Многое в высказываниях Абая напоминает взгляды представителей русской демократической мысли.

Как и в поэзии, в прозе Абая солидное место занимает тема труда. Многие пороки современников подвергались поэтом критике и осмеянию. Об этом Абай особенно страстно пишет в сорок втором, сорок третьем «Словах». «Пристрастие казаха к дурному

объясняется бездельем. Если бы он занимался хлебопашеством или торговлей, у него не оставалось бы и мало-мальски свободного времени на глупости». Далее автор рисует картину и плоды этого безделья. Он считает, что именно «безделье превратило казаха в бродягу. Выпросив у кого-нибудь на время лошаденку, он скитается из одного аула в другой, чтобы жить на дармовщину, или собирает сплетни, стараясь вовлечь людей в интриги и рассорить их, или же сам вместе с подобными себе строит другим козни. Честный труженик посчитал бы такую жизнь «собачьей». Отсюда и страстный призыв Абая к честному труду, к ведению хозяйства, к овладению ремеслом, к занятию земледелием, скотоводством и т. д.

Философски осмысливается Абаем высокая роль и значение труда в жизни и историческом развитии человечества. Причину прогресса, успехов и достижений в области экономики и культуры он видит в честном труде на благо человека, народа и родины. «Ум и знания — плоды труда», — пишет он в «Сорок третьем слове». Однако и тут ограниченность просветительно-демократического воззрения казахского мыслителя не позволила ему поднять-ся до понимания классового характера труда.

Вместе с тем следует отметить, что гуманист Абай, резко бичуя своих современников за антиобщественные, безнравственные поступки, винит в них местных правителей — волостных и биев, которые не только не слушаются добрых советов и наставлений, но и сами разжигают низменные страсти, винит богачей, которые считают, что «все можно купить за скот», что «честь, бесчестье, разум, наука, вера, народ для них не дороже скота».

Общественно-литературная деятельность Абая протекала в условиях начавшегося разложения феодально-патриархальных отношений под воздействием буржуазной экономики, в тяжелых условиях царской колонизации, во времена сильного влияния религиозных преданий адата и шариата, национальной раздробленности и низкого уровня грамотности казахского народа, ведшего кочевой образ жизни.

Абай решительно осуждал строй насилия, эксплуатации, родовые междоусобицы, боролся с культурной отсталостью, звал народ к просвещению. Своим творчеством Абай содействовал пробуждению и развитию национального самосознания казахского народа. Тяготеющий к русским революционным демократам, но ограниченный условиями казахского общества, Абай не мог подняться до осознания необходимости революционных преобразований. Сторонник просветительских идеалов, он переоценивал роль образования, видя в нем единственный путь к новой жизни.

Не будучи атеистом, Абай призывал людей к моральному самоусовершенствованию, боролся за улучшение нравов. Но Абай не был и религиозным догматиком, в религии он искал ответы на морально-этические вопросы и, естественно, не мог их найти.

Некоторые ценные и закономерные для его времени моральные сентенции в нашу эпоху потеряли свою актуальность и могут рассматриваться как исторический документ.

Одной из пяти главных тем прозаических назиданий и наставлений Абая являются вопросы, связанные с религией. Будучи идеалистом по своим философским воззрениям, Абай в своих нравовучениях «иногда ссылается на моралистические догмы ислама. При этом апологетику ислама он истолковывает в духе идеалистической морали» (М. Ауэзов). Но его отношение к служителям ислама — муллам, хазретам, ишанам и т. д. всегда сугубо критическое, саркастическое.

Различая эксплуататорскую верхушку своего народа и бедноту, Абай все острые критики направляет на тех, кто сидит на шее народа. О бедном трудовом народе он постоянно пишет с сочувствием и любовью. Характерно его собственное признание: «А если бы не любил, то не разговаривал бы с сородичами, не советовался, не доверял бы им свои сокровенные мысли». В то же время он выступал за искреннюю дружбу с другими народами, за то, чтобы родной народ учился у передовых «великой цели», «общей правде». С позиций интернационализма и гуманизма Абай писал: «Если человек, не отделяющий себя от народа, желает дружбы своего народа с другими, то уже одно это говорит о нем, как о сознательном и честном человеке».

Мухамеджан Каратаев

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А р г ы н, н а й м а н ц ы — названия родов.

Б а и т — сказание.

Б а к с ы — знахарь, шаман, колдун.

Б а й б и ч е — старая жена.

Б а р ы м т а — насильственный угон скота.

Б е т а ш а р — обычай открывания лица невесты.

Е н н а й т ы н а — искаженное начало молитвы корана.

Ж а р - ж а р — любовная песня.

К у р а й — музыкальный инструмент.

С а б а — большой бурдюк.

Ш и л ь д е х а н а — обычай празднования рождения ребенка в ночь после его рождения.

СОДЕРЖАНИЕ

Мухтар Ауэзов. Абай Кунанбаев 3

Стихотворения

«Словно месяц, изогнутый в небе ночном...» <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	26
«Наши девушки нежной цветут красотой...» <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	26
«Я презрел познание, юноша пустой...» <i>Перевод М. Петровых</i>	27
Лето. <i>Перевод П. Шубина</i>	28
«Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон...» <i>Перевод Д. Бродского</i>	29
«Вот и старость... Свершиться мечтам не дано!...» <i>Перевод А. Гагова</i>	31
«Хоть любую добычу беркут берет...» <i>Перевод А. Штейнберга</i>	32
«Бай живет и охраняет свой скот...» <i>Перевод М. Зенкевича</i>	33
«Измучен, обманут я всеми вокруг...» <i>Перевод П. Карабана</i>	33
«Тот, кто заблудился, видит впереди простор пустой...» <i>Перевод Д. Бродского</i>	35
«Только юность одна — жизни счастливый цвет...» <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	36
«Жигиты, дорог смех, не шутство...» <i>Перевод А. Гагова</i>	37
«О, помоги к стопам твоим...» <i>Перевод В. Бугаевского</i>	40
«Каждый за товаром едет на базар...» <i>Перевод Л. Шифферс</i>	40
«Пока не знаешь — молчи...» <i>Перевод М. Петровых</i>	41
«В приютской школе много вас...» <i>Перевод С. Богвинника</i>	43
«Плачет мой Кокбай...» <i>Перевод П. Карабана</i>	45

«Бестолково учась, я жизнь прозевал...»	<i>Перевод</i>	
<i>А. Штейнберга</i>		45
«Грязный в словах и делах...»	<i>Перевод П. Карабана</i>	46
«Коль у тебя в чужом роду...»	<i>Перевод П. Карабана</i>	49
«Стих — это вождь среди слов, ценнейший их убор...»		
<i>Перевод Вс. Рождественского</i>		54
«Если умер близкий — скорбен человек...»	<i>Перевод</i>	
<i>П. Карабана</i>		55
Осень.	<i>Перевод А. Гагова</i>	57
«Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!...»		
<i>Перевод П. Шубина</i>		58
Зима.	<i>Перевод Вс. Рождественского</i>	59
Кулембаю.	<i>Перевод А. Жовтиса</i>	60
«Тихой ночью при луне...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	60
«Нет жизни у меня в груди...»	<i>Перевод А. Гагова</i>	61
«Наконец волостным я стал...»	<i>Перевод Д. Бродского</i>	
		62
«Все взвесит справедливость на весах...»	<i>Перевод</i>	
<i>А. Гагова</i>		66
«Управитель начальству рад...»	<i>Перевод Вс. Рождественского</i>	
		67
«Да будет слово мудреца...»	<i>Перевод П. Карабана</i>	68
Восьмистишия.	<i>Перевод Л. Озерова</i>	69
«Коль свет горит в твоей душе...»	<i>Перевод С. Богвинника</i>	
		74
«Не для забавы я слагаю стих...»	<i>Перевод Д. Бродского</i>	
		75
«Острый разум чист, словно пласт ледяной...»	<i>Перевод</i>	
<i>А. Штейнберга</i>		76
«Две дороги — любовь и страсть предо мной...»	<i>Перевод</i>	
<i>А. Штейнберга</i>		77
«Дух унижен мой...»	<i>Перевод А. Глобы</i>	77
«Ах, что за жребий ждет меня!...»	<i>Перевод Д. Бродского</i>	
		78
Обращение жигита.	<i>Перевод П. Шубина</i>	80
Ответ девушки.	<i>Перевод П. Шубина</i>	82
«Вдоль спины заплетенные косы лежат...»	<i>Перевод</i>	
<i>Вс. Рождественского</i>		83
«Друга стойкого среди людей...»	<i>Перевод М. Касаткина</i>	
		84
«Где ж ты, пламя юности моей?...»	<i>Перевод В. Звягинцевой</i>	
		85
«Вовек не развеется черная пелена...»	<i>Перевод</i>	
<i>Л. Нечая</i>		86

«Звереет бай...»	<i>Перевод П. Карабана</i>	86
«Дорогой долгой жизнь водила...»	<i>Перевод Л. Озерова</i>	88
«Всем пресытиться может душа...»	<i>Перевод Вс. Рождественского</i>	89
«О любви, душа, молишь вновь...»	<i>Перевод М. Петровых</i>	90
Весна.	<i>Перевод П. Шубина</i>	91
«Отца и матери услада...»	<i>Перевод В. Державина</i>	93
«Не продохнуть...»	<i>Перевод Д. Бродского</i>	94
«С невеждами не знался...»	<i>Перевод Л. Озерова</i>	95
«Погляди на молодежь...»	<i>Перевод А. Арго</i>	97
«Он не думает, не видит...»	<i>Перевод А. Гатова</i>	97
«В те дни у тебя юных лет огонь...»	<i>Перевод М. Касаткина</i>	98
«И краснеть, и бледнеть...»	<i>Перевод М. Тарловского</i>	99
«Ты — зрачок глаз моих...»	<i>Перевод М. Петровых</i>	101
«Что ты ищешь, моя душа?..»	<i>Перевод А. Штейнберга</i>	103
«Сердце, полно тебе колотиться...»	<i>Перевод Л. Озерова</i>	104
«Пока твой развернутый стяг...»	<i>Перевод А. Штейнберга</i>	104
«Холод, жар... Молод, стар...»	<i>Перевод М. Петровых</i>	105
«Хвастун, наглец...»	<i>Перевод П. Карабана</i>	105
«Ну, поверю, поверю вполне...»	<i>Перевод П. Карабана</i>	107
«Здесь добро забывается скоро...»	<i>Перевод М. Касаткина</i>	108
«Как сберутся на совет...»	<i>Перевод А. Арго</i>	108
«Вот и осень пришла для меня...»	<i>Перевод Л. Шифферс</i>	110
«Я нашей молодежью огорчен...»	<i>Перевод А. Гатова</i>	110
«Язык любви — язык без слов...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	111
«Будь разборчив в пути своем...»	<i>Перевод Вс. Рождественского</i>	111
«Ты услышь, о господь...»	<i>Перевод К. Липскерова</i>	112
«Аллах, молю тебя стократ...»	<i>Перевод В. Бугаевского</i>	114
«Что сказать, когда в тоске...»	<i>Перевод А. Арго</i>	115
«Я много разных слов сказал до этих пор...»	<i>Перевод Вс. Рождественского</i>	117
«На двадцать седьмом году...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	117

«Голодное брюхо чем хочешь набей...» <i>Перевод П. Карабана</i>	119
«Умерло дѣтство — а ты не зналъ? . . .» <i>Перевод А. Глобы</i>	120
«Когда баран войдет в ручей, воде жирней не стать...» <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	121
«Прах мой истлеет, но сам не исчезну я, нет...» <i>Перевод М. Касаткина</i>	121
«Магиш, родная, не плачь...» <i>Перевод М. Петровых</i>	122
«Создатель, сколько горьких слез...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	124
«Страсть к науке тебя влекла...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	127
«Не просто это — звук часов: «тик-так»...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	128
«Стяжателью одно лишь тешит душу — скот...» <i>Перевод О. Румера</i>	128
«Чужим я чувствую себя среди стариков...» <i>Перевод О. Румера</i>	129
«Красотка-девушка у хана жила...» <i>Перевод М. Петровых</i>	129
«Птицы-песни во всех направленьях летят...» <i>Перевод А. Гатова</i>	130
«День улыбнется иль час такой...» <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	131
«Тучи набегут порой...» <i>Перевод А. Глобы</i>	132
«Гривой славился конь вовек...» <i>Перевод А. Гатова</i>	132
«Время — пряди тумана вдоль гребней гор...» <i>Перевод А. Штейнберга</i>	133
«Разным людям не верь, что тебя вознесут...» <i>Перевод А. Гатова</i>	134
«Грубый крик, рев осла...» <i>Перевод М. Петровых</i>	134
«Милый мой, дорогой...» <i>Перевод М. Петровых</i>	134
«Подснежник, выглянув весной на свет...» <i>Перевод А. Гатова</i>	135
«Красивою песней под струнный звон...» <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	135
«Разрознен мой родной народ...» <i>Перевод П. Карабана</i>	136
«О порыв души огневой...» <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	137
«Проклятый мир обирает нас. Как поладить с ним? . . .» <i>Перевод М. Петровых</i>	137

«Когда умру, не стану ль я землей?..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	138
«Если мысль за волею вслед...» <i>Перевод А. Штейнберга</i>	139
«Дни за днями чредой...» <i>Перевод А. Глобы</i>	139
«Все слабее и все глуше сердца бой...» <i>Перевод Д. Бродского</i>	140
«Ты помнишь ли юность, друг...» <i>Перевод А. Глобы</i>	140
«На сорок лоскутьев тоскою...» <i>Перевод М. Петровых</i>	141
«Собаку я выкормил из щенка...» <i>Перевод А. Жовтиса</i>	141
«Зачем улыбчивы уста...» <i>Перевод П. Карабана</i>	142
«Рос ты, к небу устремляясь головой...» <i>Перевод Д. Бродского</i>	142
«Одинокое, не ищи...» <i>Перевод А. Штейнберга</i>	143
«Когда все тени, удлинись...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	144
«Казах, отрада иль беда...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	145
«Стыдливость, но лишь для отвода глаз...» <i>Перевод А. Арго</i>	146
«Я надеялся — листья надежды желты...» <i>Перевод А. Гагова</i>	146
«Веселья легкая вода...» <i>Перевод Л. Озерова</i>	147
«Твой язык богат...» <i>Перевод А. Гагова</i>	147
«Как море — сердце, радость — блеск его...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	148
«Мотыльки, чей светел наряд...» <i>Перевод М. Петровых</i>	148

Поэмы

Искандер. <i>Перевод Е. Винокурова</i>	150
Масгуд. <i>Перевод Е. Винокурова</i>	155

Слова-назидания

<i>Перевод В. Шкловского</i> *	162
<i>М. Каратаев</i> . Философский трактат Абая «Слова-назидания»	212
Пояснительный словарь	218

* «Тридцать седьмое слово» перевел Л. Соболев.

Кунанбаев Абай.

**К 91 Избранное. Пер. с каз./Сост. М. Магауина,
Вступит. статья М. Ауэзова; Послесл. М. Кара-
таева. М.: Худож. лит., 1981 — 223 с.**

Абай Кунанбаев (1845—1904) — казахский поэт и мыслитель. В книгу «Избранное» вошли его лучшие стихотворения, поэмы и написанные прозой «Слова-навидания», в которых поэт изложил свои социальные и философские воззрения.

К 70403-347
028(01)-81 98-80 4702280200

С(Каз)1

АБАЙ КУНАНБАЕВ

ИЗБРАННОЕ

Редактор **Е. Борисова**
Художественный редактор **С. Данилов**
Технический редактор **Л. Глазунова**
Корректор **Т. Кузина**

ИБ № 1744

9072

Сдано в набор 30.11.79. Подписано в печать 20.01.81. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. 11,76+1 вкл.=11,812 усл. печ. л. 11,164+1 вкл.=11,208 уч.-изд. л. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1240. Цена 1 р. 10 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Васманная, 19. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3